

ISSN 2079-0295

ВЛАСТЬ ЗАКОНА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ № 3 (35) 2018
Выходит ежеквартально

SALUS POPULI SUPREMA LEX

Благо народа – высший закон (*лат.*)

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации –
ПИ № ФС77-38792 от 8 февраля 2010 г.

**Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(Распоряжение Минобрнауки РФ от 26.01.2016 № Р-4)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

Учредитель и издатель:

Автономная некоммерческая организация

**«Научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права»**

Сайт издателя: www.niiapsp.ru; e-mail: nii.pravo@gmail.com

Сайт журнала: www.vzlaw.ru; e-mail: vzlaw@yandex.ru

Подписано в печать 28.09.2018. Формат 70×100 1/16. Объем 15.1 п. л. Тираж 1000 экз.

При использовании материалов данного печатного издания
обязательна ссылка на источник публикации.

Мнения, высказанные в публикациях, размещенных в данном печатном издании,
являются субъективными позициями авторов относительно рассматриваемых ими
вопросов, за которые редакция журнала ответственности не несет.

© Власть Закона, 2018

Главный редактор

Камышанский Владимир Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», директор АНО «Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Заместитель главного редактора

Руденко Евгения Юрьевна, к. ю. н., доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина».

Редакционный совет

Рассказов Леонид Павлович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина», Почетный работник высшего профессионального образования РФ, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный деятель науки Кубани.

Андреев Владимир Константинович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия» (РГУП), заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН.

Белых Владимир Сергеевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет», заслуженный деятель науки РФ.

Губин Евгений Парфирьевич, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. Ю. Ломоносова», заслуженный юрист РФ.

Диденко Анатолий Григорьевич, д. ю. н., профессор, профессор кафедры частноправовых дисциплин Каспийского общественного университета (Казахстан).

Кузнецова Ольга Анатольевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Лескова Юлия Геннадьевна, д. ю. н., доцент, заведующая кафедрой предпринимательского и корпоративного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ».

Филиппов Петр Мартынович, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет», заслуженный юрист РФ.

Малько Александр Васильевич, д. ю. н., профессор, директор Саратовского филиала ФГБУН «Институт государства и права РАН», заслуженный деятель науки РФ.

Муртазакулов Джамшед Саидалиевич, д. ю. н., профессор кафедры гражданского права Таджикского национального университета (Таджикистан).

Попондопуло Владимир Федорович, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой коммерческого права ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», заслуженный деятель науки РФ.

Турдуковский Ярослав Владимирович, доктор права, доцент кафедры коммерческого права Института гражданского права Варшавского университета (Польша).

Цыбуленко Зиновий Иванович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского и семейного права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Редакционная коллегия

Барков Алексей Владимирович, д. ю. н., профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

Вавилин Евгений Валерьевич, д. ю. н., профессор, проректор по научной работе ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», судья Высшего Арбитражного Суда РФ в отставке.

Дзидзоев Руслан Мухарбекович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».

Долинская Владимира Владимировна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина» (МГЮА).

Анисимов Алексей Павлович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского института управления.

Емелькина Ирина Александровна, д. ю. н., профессор факультета права Департамента дисциплин частного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Иншакова Агнесса Олеговна, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного частного права Института права ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет».

Рыжик Андрей Владимирович, к. ю. н., доцент кафедры права факультета бизнеса и права учреждения образования «Белорусская государственная орденов Октябрьской Революции и Трудового Красного Знамени сельскохозяйственная академия» (Республика Беларусь).

Молчанов Александр Александрович, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права и гражданского процесса ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет МВД РФ».

Морозов Сергей Юрьевич, д. ю. н., профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой гражданского права и процесса ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

Параскевова Светлана Андреевна, д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».

Рузанова Валентина Дмитриевна, к. ю. н., доцент, заведующая кафедрой гражданского и предпринимательского права ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева».

- Серова Ольга Александровна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права и процесса ФГАОУ ВО «Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта».
- Тужилова-Орданская Елена Марковна**, д. ю. н., профессор, заведующая кафедрой гражданского права Института права ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет».
- Тычинин Сергей Владимирович**, д. ю. н., профессор, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Юридического института ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».
- Харитоновна Юлия Сергеевна**, д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова»

Editor-in-Chief

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, D.J.S., professor, head of the department of civil law of the FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin», head of ANO «Scientific Research Institute of Contemporary Issues Of Modern Law», Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honorary scientist of Kuban.

Deputy Chief Editor

Rudenko Evgeniya Yurievna, Ph. D. (candidate) in Law, PhD in Judicial Science, associate professor of the department of civil law of the FSBEI of HE «Kuban state agrarian university named after I. T. Trubilin».

Editorial Council

Rasskazov Leonid Pavlovich, D.J.S., professor, head of the department of theory and history of law and state of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University», Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation, honorary scientist of the Russian Federation, honorary scientist of Kuban.

Andreev Vladimir Konstantinovich, Ph. D in Law D.J.S., professor, head of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education «Russian University of Justice», honorary scientist of the Russian Federation.

Belykh Vladimir Sergeevich, D.J.S., professor, head of the department of business law of FSBEI of HPE «Urals State Law University», honorary scientist of the Russian Federation.

Gubin Evgeniy Parfiryevich, Ph. D in Law, professor, head of the department of business law of Federal State Educational Institution of Higher Education « M. U. Lomonosov Moscow State University».

Didenko Anatoly Grigoryevich, D.J.S., professor of the department of private law disciplines of Caspian Public University (Kazakhstan).

Kuznetsova Olga Anatolyevna, D.J.S., professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Perm State National Research University».

Leskova Yulia Gennadyevna, D.J.S., associate professor, head of the department of entrepreneurial and corporate law of the Institute of Law and National Security for the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «President of the Russian Federation Academy of State Security and National Economy»

Filippov Petr Martynovich, D.J.S., professor of the Civil Law Department at the Astrakhan State University, Honorary Lawyer of the Russian Federation.

Malko Alexandr Vasilyevich, D.J.S., professor, head of Saratov Branch of Federal State Budgetary Institution of Science «Institute of State and Law (Russian Academy of Science)», honorary scientist of the Russian Federation.

Murtazakulov Jamshed Saidalievich, D.J.S., professor of the department of civil law of Law Faculty of Tajik National University.

Popondopulo Vladimir Fedorovich, D.J.S., professor, head of the department of commercial law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «St.-Petersburg State University», honorary scientist of the Russian Federation.

Turlukovskii Yaroslav Vladimirovich, PhD in Judicial Science, associate professor of commercial law of Institute of Civil Law at Warsaw University (Poland).

Tsibulenko Zinovi Ivanovich, D.J.S., professor of the department of civil and family law of FSBEI of HPE «Saratov State Law Academy», honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.

Editorial Board

Barkov Alexey Vladimirovich, D.J.S., professor, professor of the department of legal regulation of economic activities for the «Government of the Russian Federation Financial University»

Vavilin Evgeniy Valeryevich, D.J.S., professor, vice rector for research of FSBEI of HPE «Saratov State Law Academy», former judge of Supreme Arbitration Court of the Russian Federation.

Dzidzoev Ruslan Muharbekovich, D.J.S., professor of the department of constitutional law and municipal law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «I. T. Trubilin Kuban State Agrarian University».

Dolinskaya Vladimira Vladimirovna, D.J.S., professor, professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Kutafin Moscow State Law University».

Anisimov Aleksey Pavlovich, D.J.S., professor, professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Volgograd Institute of Management

Emelkina Irina Alexandrovna, D.J.S., professor of the faculty of law for the department of private law of the National Research University «Higher School of Economics».

Inshakova Agnessa Olegovna, D.J.S., professor, head of the department of civil and private international law Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Volgograd State University».

Ryzhik Andrey Vladimirovich, D.J.S., professor, associate professor of the Department of Law of the Faculty of Business and Law of the Educational Establishment "Belarusian State Orders of the October Revolution and the Red Banner of Labor Agricultural Academy" (Republic of Belarus).

Molchanov Alexander Aleksandrovich, D.J.S., professor, professor of the department of civil law and civil process of Federal State Owned Educational Institution of Higher Education «St.Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation».

Morozov Sergey Yuryevich, D.J.S., associate professor, head of the department of civil-law and civil procedure of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Ulyanovsk state university».

Paraskevova Svetlana Andreevna, D.J.S., professor, professor of the department of civil law of Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Astrakhan State University».

Ruzanova Valentina Dmitrievna, Ph. D. (candidate) in Law, associate professor, head of the department of civil law and business law of FSAEI of HE « Academician S. P. Korolev Samara National Research University».

Serova Olga Aleksandrovna, D.J.S., associate professor, head of the department of civil law and process of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Immanuel Kant Baltic Federal University».

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, D.J.S., professor, head of the department of civil law of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Professional Education «Bashkir state university», professor of the Civil Law De-

partment of the State Educational Establishment of Astrakhan State University

Tychinin Sergey Vladimirovich, D.J.S., professor, head of civil law and procedure of Law institute of Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National State Research University».

Haritonova Yulia Sergeevna, D.J.S., professor of the department of business law of Federal State Educational Institution of Higher Education « M. U. Lomonosov Moscow State University».

Содержание

Колонка главного редактора

Камышанский В. П. Моему дорогому Учителю, профессору
П. М. Филиппову – 80 лет!..... 13

Актуальные проблемы современного права

- Дерюгина Т. В.* Концепция субъективного гражданского права в трудах профессора П. М. Филиппова20
- Мохов А. А.* Гражданское судопроизводство – форма осуществления правосудия28
- Липинский Д. А., Мусаткина А. А.* Об альтернативных поощрительных дисциплинарных санкциях38
- Ершова Ю. В.* Аффилированные лица и сделки с имуществом корпорации.....49
- Зарубин А. В.* Добросовестный приобретатель в правоотношении общей долевой собственности61
- Рузанова В. Д., Рузанова Е. В.* Гражданско-правовые и семейно-правовые механизмы защиты имущественных прав детей 69
- Садков А. Н., Котельников Н. В.* Проблематика возмещения вреда, причиненного преступлением, в работах Филиппова Петра Мартыновича.....78
- Ганижева П. М., Цечоев В. К.* Судебная власть в системе разделения властей: в контексте механизма государства.....86
- Лепявский А. Н., Цечоев В. К.* Особенности государственного правового регулирования труда работников треста «Дальстрой» в 30-е годы XX века.....96
- Зелинский В. Е., Цечоев В. К.* Происхождение и вхождение области Войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России 104
- Ембулаева Н. Ю., Михайлик А. А.* Специальные принципы российского медицинского права..... 115
- Захаров Д. Е.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный животному миру 126
- Герасимов О. А.* Межотраслевые связи норм предпринимательского права в реальном секторе экономики 135

Коломиец Е. А. О гражданско-правовой защите исключительных прав на средства индивидуализации и сетевые информационные ресурсы 147

Юридическая наука и практика стран СНГ

Диденко А. Г. О справедливости в частном праве 156

Тураббекова Ч. А. Эволюция понятия «иностранный элемент» 164

Чубаров А. А. Концептуальные подходы к пониманию категории «информационное общество» 173

Юридическая наука и практика Республики Крым

Коваль В. Н. Вопросы преюдициальности в практике арбитражных судов, функционирующих на территории Республики Крым и города Севастополя 180

Социально-правовые механизмы энергосбережения

Попондопуло В. Ф., Городов О. А., Петров Д. А. Проблемы генерации на основе возобновляемых источников электрической энергии в России..... 194

Трибуна молодых ученых

Братусь Д. В. Организационные авторские права (общие положения) 206

Грабко О. В. Классификация гражданско-правового контроля 219

Гудовских Т. С. Некоторые вопросы исполнения обязательств по рамочному договору 239

Назарова Н. А. Концепция общественного договора в системах государства и права XXI века 247

Халиков Г. Ш. Понятие термина «продукты питания» 254

Contents

Editor's column

<i>Kamyshansky V. P.</i> My dear Mentor Professor Filippov P.M. is 80 years old!	13
--	----

Actual problems of modern law

<i>Deriugina T. V.</i> The concept of subjective civil law featured in the works by professor Filippov P.M. and his students	20
<i>Mokhov A. A.</i> Civil proceedings as a form of justice.....	28
<i>Lipinsky, D. A., Musatkina, A. A.</i> On alternative incentive disciplinary sanctions	38
<i>Ershova Yu. V.</i> Affiliates and transactions involving corporate property	49
<i>Zarubin A. V.</i> Innocent purchaser as a part of the legal relationship of common ownership	61
<i>Ruzanova V. D., Ruzanova E. V.</i> Civil-law and family-legal protection mechanisms of the property rights of the children.....	69
<i>Sadkov A. N., Kotelnikov N. V.</i> The issue of compensation for harm caused by a crime as featured in the works of Filippov Peter Martynovich.....	78
<i>Ganizheva P. M., Tsechoev V. K.</i> Judicial power as a part of the system of separation of powers in relation to the state	86
<i>Lepjavsky A. N., Tsechoev V. K.</i> Features of legal state regulations of the labor of employees of the “Dalstroy” trust during the 30s of the 20th century	96
<i>Zelinsky V. Ye., Tsechoyev V. K.</i> On the emergence and entrance of the region of Don Cossack Host and Cossack class into the legal space of Russia	104
<i>Embulaeva N. Yu., Mikhailik A. A.</i> Special principles of Russian medical law.....	115
<i>Zakharov D. Ye.</i> Civil liability for the damage caused to the animal world.....	126
<i>Gerasimov O. A.</i> Interbranch relations of the norms of business law in the real sector of the economy	135

Kolomiets E. A. On civil-law protection of exclusive rights to the means of individualization and network information resources 147

Legal science and practice of CIS countries

Didenko A. G. On the justice in private law 156

Turatbekova Ch. A. Evolution of the notion "foreign element" 164

Chubarov A. A. Conceptual approaches to the understanding of the category "information society" 173

Legal science and practice of Republic of Crimea

Koval V. N. Issues of prejudice in the working process of the arbitration courts operating on the territory of the Republic of Crimea and city of Sevastopol..... 180

Socio-legal mechanisms of energy saving

Popondopulo V. F., Gorodov O. A., Petrov D. A. Energy generating issues based on renewable energy sources in Russia..... 194

Young scientists' tribune

Bratus, D. V. Organizational copyright (general provisions)..206

Grabko O. V. Classification of civil law control.....219

Gudovskikh T. S. Some issues of fulfillment of obligations under the framework agreement239

Nazarova N. A. The concept of social contract in the systems of state and law of the 21st century247

Khalikov G. Sh. The concept of the term "food"254

Колонка главного редактора

**МОЕМУ ДОРОГОМУ УЧИТЕЛЮ,
ПРОФЕССОРУ П. М. ФИЛИПОВУ – 80 ЛЕТ!**

Петр Мартынович Филиппов родился 18 июля 1938 года в городе Соль-Илецке Оренбургской области. В 1961 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета (ЛГУ). После успешного окончания университета работал в прокуратуре Оренбургской области следователем районной прокуратуры, затем прокурором Новоорского района. Такой успешный карьерный старт в системе прокуратуры нынешние выпускники юридических вузов могли бы рассматривать пределом мечтаний. Однако Петр Мартынович думал иначе. У него было желание вновь вернуться в удивительный город на Неве, в который он влюбился студентом, и продолжить учебу в аспирантуре. Немало времени уделял изучению истории и культуры Ленинграда, пропитался его духовностью и за годы учебы в университете много сделал для того, чтобы по своему внутреннему состоянию, способности воспринимать окружающий мир, как мир добра и света, стать истинным петербуржцем, знающим и любящим этот город. Лично я в этом убедился, когда мы с Петром Мартыновичем прогуливались по Невскому проспекту практически четверть века назад, на следующий день после защиты моей кандидатской диссертации. Надо было слышать, с какой любовью он рассказывал до бесконечности о каждом доме, памятнике, канале, соборе, музее, встречавшемся нам по пути.

Видимо, любовь к городу и природная тяга к новым знаниям стали причинами, побудившими П. М. Филиппова поступить в 1966 году в очную аспирантуру ЛГУ с должности прокурора Но-

воорского района Оренбургской области. В ноябре 1970 г. в Ленинграде под руководством доцента Н. И. Авдеенко Петр Мартынович защитил кандидатскую диссертацию «Согласительный порядок рассмотрения трудовых споров в СССР». Мне посчастливилось быть знакомым с Ниной Ивановной Авдеенко, маленькой хрупкой женщиной, которая пережила страшную блокаду Ленинграда. Она очень тепло отзывалась при нашей встрече о своем ученике – Петре Мартыновиче Филиппове, даже сожалела, что не смогла полностью ознакомиться с содержанием моей кандидатской диссертации, чтобы более активно поддержать нас на защите, как член диссертационного совета.

После успешной защиты кандидатской диссертации с 11 октября 1969 года и по настоящее время П. М. Филиппов почти полвека работает вначале в Высшей следственной школе МВД СССР, а после ее переименования – в Волгоградской академии МВД России в должности преподавателя, доцента и профессора кафедры гражданско-правовых дисциплин. С 1993 по 1998 г. он руководил кафедрой гражданско-правовых дисциплин академии. Его педагогический стаж – более пятидесяти лет. Он является признанным авторитетом среди специалистов в области гражданского процесса и гражданского права.

В 1988 г. Петр Мартынович защитил докторскую диссертацию. Ее тема «Проблемы теории судебной защиты» по-прежнему актуальна и представляет огромный интерес в наши дни. Ученый с большой буквы стал первым доктором юридических наук и профессором по гражданскому праву и гражданскому процессу в Волгоградской области. П. М. Филиппов внес существенный вклад в развитие теории гражданского процесса, в частности, он первый доказал, что право на судебную защиту есть право личности. Им дано авторское определение понятия правосудия как метода (способа) осуществления защиты права в суде. Его предложения о расширении полномочий судьи в стадии подготовки дела к судебному разбирательству и необходимости проведения заседания в этой стадии были восприняты законодателем. Практически все разработки, отраженные в монографии П. М. Филиппова «Судебная защита и правосудие в СССР» (1987 г.), оказались реализованными в ходе реформирования гражданского процессуального законодательства.

Его воспитанники – сотрудники высшей школы, судьи, прокуроры, адвокаты, государственные и муниципальные служащие органов государственной власти и управления федерального, ре-

гионального, местного уровня успешно используют предложенные им научные доктрины как в законотворческой, так и в правоприменительной деятельности.

П. М. Филиппов отдавал и продолжает отдавать много сил, знаний для подготовки научных и педагогических кадров для вузов страны. Под его руководством подготовлены, защищены более сорока кандидатских и пять докторских диссертаций. Мне посчастливилось быть первым среди его учеников, защитивших кандидатскую, а затем докторскую диссертации. Это было замечательное время, когда кафедра гражданско-правовых дисциплин академии после двадцатилетнего перерыва дружно взялась за написание кандидатских диссертаций под чутким надзором и контролем своего научного руководителя. Петр Мартынович многократно их тщательно вычитывал и вносил, как всегда, очень ценные замечания, идеи и предложения, которые впоследствии, как правило, становились выигрышными на защите и придавали дополнительную значимость выносимым на защиту научным результатам соискателей.

По инициативе П. М. Филиппова в 1997 году в Волгоградской академии МВД России был создан диссертационный совет по защите кандидатских диссертаций по специальности 12.00.03 – гражданское право; семейное право; гражданский процесс; международное частное право. Это первый диссертационный совет в Нижнем Поволжье и на Юге России. Петр Мартынович беспрерывно руководил им более десяти лет. За время работы совета в нем успешно защитились свыше двухсот молодых ученых из различных вузов Российской Федерации, что позволило существенно повысить научный потенциал профессорско-преподавательского состава учебных заведений системы МВД России и Юга России. Для Волгограда образование диссертационного совета стало организационной основой формирования волгоградской цивилистической школы.

П. М. Филипповым подготовлено и опубликовано около 100 научных, учебных и учебно-методических работ. Под научной редакцией и в соавторстве с П. М. Филипповым издан целый ряд учебников и учебных пособий. Учебное пособие по гражданскому праву 2003 г. было рекомендовано Министерством внутренних дел РФ в качестве учебного пособия для курсантов и слушателей образовательных учреждений МВД России, обучающихся по специальности 0203 «Правоохранительная деятельность».

В 2012 году под редакцией П. М. Филиппова издан учебник по гражданскому процессу, в котором отражены новейшие изменения в гражданско-процессуальном законодательстве Российской Федерации и учтены тенденции, указанные в последних актах высших судебных инстанций. В течение 2012 г. данный учебник был внедрен в учебно-педагогическую и научно-практическую деятельность более чем в 20 учебных заведений, правоприменительных организаций, правоохранительных органов, в том числе зарубежных.

В 2016 году под редакцией П. М. Филиппова и при его соавторстве в издательстве «Юриспруденция» издан учебник по жилищному праву, который послужил основой для введения спецкурса по дисциплине «Жилищное право» в региональных юридических вузах и на юридических факультетах. В 2017 году под редакцией П. М. Филиппова вышли в свет 5-е издание учебника по гражданскому процессу и учебное пособие «Основы гражданского права: общая часть (для иностранных слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России)». Авторские коллективы награждены дипломами победителей и призеров в соответствующих номинациях «Лучшее учебное пособие по гражданско-правовым дисциплинам» и «Лучший учебник по гражданско-правовым дисциплинам» конкурса на лучший учебник, учебное пособие для вузов, организованного Волгоградским региональным отделением общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

В 2018 году издательством «Юстиция» выпущен учебник «Арбитражный процесс», авторы которого П. М. Филиппов и С. Ю. Семенова. За последние три года Петр Мартынович принял участие более чем в 15 конференциях, в том числе международного характера. Блестящий преподаватель продолжает сегодня читать курс лекций по гражданскому процессу. На высоком профессиональном уровне проводит занятия с адъюнктами очной и заочной форм обучения. Не считаясь с личным временем работает с молодыми преподавателями в Школе педагогического мастерства. Его лекции вызывают особый интерес у начинающих педагогов.

В настоящее время П. М. Филиппов продолжает заниматься подготовкой и аттестацией научно-педагогических кадров. Является членом объединенного докторского диссертационного совета на базе Юго-Западного государственного университета с участием Чеченского государственного университета. Активно участвует в общественной жизни в рамках деятельности регионального от-

деления общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России». С 2009 г. – председатель совета Волгоградского регионального отделения Ассоциации юристов России. Кроме того, является одним из организаторов общественной организации «Клуб докторов наук» г. Волгограда.

П. М. Филиппов полковник милиции в отставке, заслуженный юрист России, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, награжден медалями МВД СССР «За безупречную службу», «200 лет МВД России», «Ветеран труда», имеет классный чин – юрист 1 класса. Неоднократно поощрялся правами Министра внутренних дел Российской Федерации, Главы администрации Волгоградской области и города Волгограда.

Характеризуя несомненные успехи юбиляра в сфере науки и образования, не могу не отметить человеческие качества Петра Мартыновича, с которым судьба меня связывает более четверти века. Это, прежде всего, личная скромность, душевность и теплота в отношениях, стремление помочь и поддержать тех, кто в этом нуждается, умение понять и простить тех, кто, быть может, по мнению других, заслуживал иной участи. Я высоко ценю ту поддержку и помощь, которые мне оказал Петр Мартынович как научный руководитель и научный консультант при написании кандидатской и докторской диссертаций. Нашему юбиляру свойственна высочайшая требовательность к себе и ответственное отношение к делу, которому он посвятил всю свою сознательную жизнь. Все эти качества являются образцом служения науке и высшей школе для новых поколений ученых-цивилистов.

Справедливости ради следует признать, что за всеми успехами моего дорогого Учителя всегда незримо присутствовала его замечательная супруга. Филипповы прожили и продолжают жить десятилетия счастливой семейной жизни. В самом начале Нина Тимофеевна поддержала непростой выбор Петра Мартыновича между прокуратурой и наукой. Всегда живо интересовалась его научной и педагогической деятельностью, радовалась успехам и морально поддерживала, если что-то не получалось. Они вместе воспитали прекрасную дочь, врача, специалиста своего дела, способствовали выбору внуком профессии юриста и его самореализации, профессиональному росту.

Редакционный совет и редакционная коллегия журнала «Власть Закона» от всей души поздравляют Вас, дорогой Петр Мартынович, с юбилеем! Крепкого Вам здоровья, долгих лет жиз-

Колонка главного редактора

ни, счастья, благополучия и новых творческих успехов в подготовке достойной научной смены!

Главный редактор журнала «Власть Закона»
доктор юридических наук, профессор
В. П. Камышанский

Раздел

Актуальные проблемы современного права

Т. В. Дерюгина
профессор кафедры
гражданского и трудового права,
гражданского процесса
Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
доктор юридических наук,
профессор

КОНЦЕПЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В ТРУДАХ ПРОФЕССОРА П. М. ФИЛИПОВА

THE CONCEPT OF SUBJECTIVE CIVIL LAW FEATURED IN THE WORKS BY PROFESSOR FILIPPOV P.M. AND HIS STUDENTS

В научной статье проведен анализ теории субъективного права, разработанной П. М. Филипповым и его учениками. Рассмотрены и обобщены концепции субъективного гражданского права, отраженные в трудах дореволюционных, советских и современных российских ученых. Анализируется понятие субъективного права, предложенное П. М. Филипповым и его учениками. Автор акцентирует внимание на том, что основной посыл теории субъективного права состоит в понимании его сущности в непосредственной связи с назначением. Исследуются главные признаки субъективного права, основанные на управомоченности, независимости и свободе. Выявлены элементы и их системная связь в содержании субъективного гражданского права.

Ключевые слова: субъективное гражданское право; управомочие; осуществление права; юридические обязанности; теории субъективного права; назначение права.

This scientific article analyzes the theory of subjective law developed by P. M. Filippov and his students. The concepts of subjective civil law reflected in the works of pre-revolutionary, Soviet and modern Russian scientists are studied and generalized. The concept of subjective law proposed by P. M. Filippov and his students is analyzed. The basic premise of the theory of subjective law based on the understanding of its essence in direct connection with its purpose is considered. In this article the main characteristics of the subjective right based on authorization by law, independence and freedom are researched. The elements and their systemic relationship to the

maintenance of subjective civil rights are identified.

Keywords: subjective civil right; authorization by law; exercise of rights; legal obligations; the theory of subjective rights; assignment of rights.

В науке гражданского права существует множество концепций субъективного гражданского права, что не случайно, так как субъективное право формирует содержание гражданского правоотношения, влияет на процесс осуществления, установление пределов и ограничений права.

Анализ существующей доктрины позволяет выделить, как минимум, пять теорий субъективного права. При этом в каждой теории присутствуют отдельные направления, отличающиеся совокупностью определенных признаков. Одним из самых популярных представлений о субъективном праве является понимание его как вида и меры возможного поведения¹, либо как вида и меры дозволенного поведения², либо дозволенной меры возможного поведения³.

Представители другого направления определяют субъективное право как совокупность поведенческих возможностей, реализация которых обеспечивается обязанностями других лиц⁴. Данную концепцию можно считать динамической, так как субъективное право рассматривается в непосредственной связи с процессом его осуществления. Внутри этого направления ряд представителей, которые полагают, что содержание субъективного права следует рассматривать как возможность требования активного либо пассивного (воздержаться от действий) поведения⁵. Ученые, образующие другое направление, полагают, что в субъективном праве заложены как поведенческие возможности, так и возможность требования определенного поведения от других

¹ См.: *Лапач В. А.* Субъективные гражданские права и основания их возникновения // Журнал российского права. – 2001. – № 10. – С. 90.

² См.: *Ломидзе О. Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 16.

³ См.: *Грибанов В. П.* Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – С. 292.

⁴ *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – С. 13; *Гамбаров Ю. С.* Гражданское право: общая часть. – М.: Статут, 2003. – С. 380.

⁵ См.: *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: ГОСЮРИЗДАТ, 1955. – С. 112–113.

лиц¹.

Очень близко к этой теории находится понимание субъективного права как средства обеспечения определенного поведения субъектов гражданского права². Данная точка зрения послужила основой для развития современной теории субъективного права, суть которой заключается в рассмотрении субъективного права как средства механизма правового воздействия, где субъективное право обеспечивает и гарантирует собственное и «чужое» поведение.

Следующую теорию субъективного права можно условно назвать теорией интереса. Ядром субъективного права выступает интерес, который обеспечивается государством от посягательств³, как полагают авторы данной концепции. В свою очередь, внутри этой теории можно выделить направление, представители которого рассматривают субъективное право как средство достижения интереса⁴.

Безусловно, все представленные концепции имеют положительное значение и вносят вклад в теорию науки гражданского права в целом и субъективного права в частности. Рассматривая субъективное право как вид и меру возможного/должного поведения, авторы указывают не только на набор поведенческих возможностей, но и меру (пределы) их осуществления, что формирует систему дозволений. Акцентирование внимания на обеспеченности поведения обязанностью других лиц позволяет уйти от понимания субъективного права как фикции и дает обладателю определенные гарантии его осуществления. Понимание субъективного права как средства механизма правового воздействия позволяет проследить связь субъективного права с процессом его осуществления. Указание на интерес помогает выявить предпосылки возникновения и формирования субъективного права.

В связи с этим представляет интерес и концепция субъективного права, разработанная П. М. Филипповым и А. Ю. Бело-

¹ См.: *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. – М.: ГОСЮРИЗДАТ, 1950. – С. 11.

² См.: *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М.: Статут, 2000. – С. 561.

³ См.: *Иеринг Р.* Избранные труды. В 2 т. Т. 1 – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – С. 301–321, 358.

⁴ См.: *Алексеев Н. Н.* Основы философии права. – СПб.: Лань, 1998. – С. 174.

ножиным¹. Отправной точкой рассуждения авторов является необходимость определения сущности субъективного права, которая заключается в назначении права. Определение назначения права позволяет авторам не только раскрыть предпосылки и содержание исследуемой правовой категории, но и затронуть важнейшую проблему правоосуществления – злоупотребление правом.

Абстрагируясь от субъективных факторов, влияющих на модель субъективного права (цель предоставления права, непричинение вреда при осуществлении прав и проч.), авторы приходят к необходимости выявления объективных характеристик субъективного права, которые неизменны в пространстве и во времени. При этом важна роль анализа признаков, характеризующих взаимосвязь субъекта и принадлежащего ему права. Ключевое место среди данных характеристик занимает совокупность условий, которая отделяет управомоченного субъекта от обязанного. Таким образом, анализ назначения права строится и на противопоставлении правовых возможностей управомоченных и обязанных лиц.

Рассматривая гражданское правоотношение в двух плоскостях, выделяя сферы возможного поведения (субъективное право) и необходимого поведения (обязанности), закономерен вывод о том, что в каждом конкретном случае речь идет об определенных видах возможного поведения, обеспеченного корреспондирующими юридическими обязанностями. Тем не менее авторы отмечают, что понимание субъективного права только как возможного поведения не в полной мере отражает содержание субъективного гражданского права, допуская при этом факт смешивания понятий «субъективное право» и «правоспособность», которое определяется и как возможность субъекта иметь права и обязанности².

Сущность субъективного права, по мнению П. М. Филиппова и А. Ю. Белоножкина, непосредственно связана с правовым статусом субъекта права и его волевым поведением. Субъективное право зависит от усмотрения субъекта. Субъект самостоятельно принимает решение: осуществлять субъективное право

¹ См.: Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград: ВА МВД России, 2009. – 248 с.

² Там же. С. 134.

или нет. Следовательно, как резюмируют ученые, «все права являются субъективными правами личности. Субъективное право не может быть должным, воспрещенным или возможным поведением, оно – составная часть правового статуса личности»¹.

Авторы подчеркивают, что правовой статус обладателя субъективного права указывает на его управомоченность относительно обязанных лиц; свидетельствует о независимости и самостоятельности его воли; возможности осуществлять субъективное право по своему усмотрению. Таким образом, сущность субъективного права видится в управомоченности, независимости и свободе, а само субъективное право понимается как «отраженный в законе статус личности как управомоченной, независимой и свободной»².

Оригинальный подход демонстрируют авторы и при определении содержания субъективного права. В содержании субъективного права речь идет не о простом наборе определенных составляющих, а об их системе, что предопределяет рассмотрение не просто отдельных правомочий, элементов, заложенных в субъективном праве, а их взаимосвязь и взаимодействие. Ввиду этого следует согласиться с мнением П. М. Филиппова и А. Ю. Белоножкина о невозможности рассмотрения субъективного права в качестве простого набора элементов.

Традиционно в науке гражданского права существует многообразие точек зрения в отношении понимания данной проблемы. Суть дискуссии заключается в том, какие правомочия входят в состав субъективного права. В частности, в науке представлена позиция, согласно которой содержание субъективного права сводится к праву требования³. Представители другого направления полагают, что в содержание следует включать два правомочия: право на собственное действие и право требования определенного поведения от третьих лиц⁴. Самая многочисленная группа авторов полагает, что структура содержания субъективного права имеет трехчленное деление и включает право совершать соб-

¹ Там же. С. 134.

² Там же. С. 138.

³ См.: *Зверев Н. А.* Энциклопедия права. – М.: Склад изд. в кн. магазине М. В. Кляукина (Литопр. Поплавского), 1901. – С. 232.

⁴ См.: *Братусь С. Н.* Субъекты гражданского права. – С. 47; *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 227.

ственные действия, право требования и право притязания¹. Однако набор указанных элементов предлагается разнообразный, например, вместо права требования и притязания авторы включают в содержание запреты и обязанности². Среди современных авторов получила распространение теория о включении в содержание субъективного права четырех элементов³. Набор их различен, начиная от права поведения, права требования, права пользования, права притязания и заканчивая правом на защиту.

Объединяет все перечисленные теории наличие в содержании субъективного права – права на собственное поведение, что, безусловно, верно, так как отсутствие последнего не только не позволит субъектам определить свои поведенческие возможности, но и приведет к отсутствию гарантированности этих возможностей со стороны государства и других субъектов права. Наделяя обладателя субъективного права определенным объемом правомочий, законодатель в определенных случаях сужает объем этих правомочий за счет установления ограничений, которые прописываются на стадии правотворчества, либо пределов, которые либо обозначены в нормативно-правовых актах, либо могут быть установлены в процессе правоосуществления самими субъектами права. Таким образом, в содержании субъективного права заложены не только возможности, но и пределы этих возможностей.

Важнейший элемент субъективного права – возможность его обладателя требовать либо совершения определенных действий от контрагента (относительные правоотношения), либо воздержания от них (абсолютное правоотношение). Право, не обеспеченное поведением других субъектов, представляет собой фикцию. Таким образом, включение в содержание субъективного права категорий права на собственное поведение и права требования определенного поведения от иных лиц не вызывает в научной среде дискуссий. Наибольшая полемика существует в науке в связи с вопросом о включении права на защиту в содержание субъективного права.

¹ См.: *Алексеев С. С.* Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – С. 68–69; *Явич Л. С.* Общая теория права. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. – С. 177; *Александров Н. Г.* Законность и правоотношения в советском обществе. – С. 108.

² См.: *Ильин И. А.* Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2003. – С. 102.

³ См.: *Малеин Н. С.* Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 92.

В отличие от многочисленных сторонников П. М. Филиппов и А. Ю. Белоножкин не включают право на защиту в содержание субъективного права. В ранних работах П. М. Филиппов отмечает, что право на защиту, рассматриваемое многими авторами как элемент субъективного права¹, является структурной составляющей правового статуса личности².

Необходимо поддержать позицию ученых о том, что интерес не является элементом содержания субъективного права. Интерес – это цель и предпосылка возникновения и осуществления субъективного права, но не элемент его содержания, в противном случае можно говорить о том, что интерес удовлетворяет сам себя через субъективное право.

Таким образом, представлена оригинальная концепция субъективного права, его содержания, сущности и назначения, позволяющая не только решать теоретические вопросы, связанные с его определением, но и практические проблемы осуществления субъективного права, установления пределов и ограничений, предотвращения злоупотреблений правом.

Библиографический список

1. Александров Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе. – М.: ГОСЮРИЗДАТ, 1955. – 176 с.
2. Алексеев Н. Н. Основы философии права. – СПб.: Лань, 1998. – 174 с.
3. Алексеев С. С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Статут, 1999. – 432 с.
4. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М.: ГОСЮРИЗДАТ, 1950. – 243 с.
5. Гамбаров Ю. С. Гражданское право: общая часть. – М.: Статут, 2003. – 380 с.
6. Грибанов В. П. Ответственность за нарушение гражданских прав и обязанностей / Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – 411 с.
7. Зверев Н. А. Энциклопедия права. – М.: Склад изд. в кн. магазине М. В. Ключкина (Литогр. Поплавского), 1901. – 408 с.

¹ См.: Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут, 2001. – С. 106.

² См.: Филиппов П. М. Судебная защита и правосудие в СССР. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – С. 76.

8. *Иеринг Р.* Избранные труды. В 2 т. Т. 1 – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 618 с.

9. *Ильин И. А.* Теория права и государства. – М.: Зерцало, 2003. – 243 с.

10. *Иоффе О. С.* Избранные труды по гражданскому праву: из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». – М.: Статут, 2000. – 561 с.

11. *Лапач В. А.* Субъективные гражданские права и основания их возникновения // Журнал российского права. – 2001. – № 10. – С. 90–101.

12. *Ломидзе О. Г.* Правонаделение в гражданском законодательстве России. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 535 с.

13. *Малеин Н. С.* Гражданский закон и права личности в СССР. – М.: Юридическая литература, 1981. – 216 с.

14. *Поротикова О. А.* Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 213 с.

15. *Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю.* Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград: ВА МВД России, 2009. – 248 с.

16. *Филиппов П. М.* Судебная защита и правосудие в СССР. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. – 182 с.

17. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 340 с.

18. *Явич Л. С.* Общая теория права. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1976. – 177 с.

А. А. Мохов

главный научный сотрудник
сектора гражданского права,
гражданского и арбитражного процесса
Института государства и права Российской академии наук (РАН)
доктор юридических наук, профессор
civilaw@igpran.ru

**ГРАЖДАНСКОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО – ФОРМА
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ****CIVIL PROCEEDINGS AS A FORM OF JUSTICE**

В статье предпринята попытка рассмотрения гражданского судопроизводства как формы осуществления правосудия. Автором исследованы вопросы о судебной власти с позиций осуществления ею правоохранительной функции государства, о правосудии и судопроизводстве, правосудии и судопроизводстве по гражданским делам. По результатам проведенного исследования предлагается авторский подход к решению проблем о соотношении базовых категорий гражданского процессуального и иных отраслей судебного права. В частности, сделан вывод о том, что дефиниции «судебная власть», «правосудие», «судопроизводство», в том числе гражданское, являются тесно взаимосвязанными, но вместе с тем самостоятельными категориями.

Ключевые слова: судебная власть; правосудие; судопроизводство и его виды; гражданское судопроизводство; процессуальная форма; осуществление правосудия; функции судебной власти; суд; арбитражный суд; правоохранительная деятельность.

In this the concept of civil court proceedings as a form of implementation of justice is studied. The author has researched various issues concerning the judiciary power from the standpoint of its implementation of the law-

enforcement function of the state, justice and judicial proceedings, justice and judicial proceedings in civil cases. As the result, the author suggests the solution to solving problems regarding the relationship between the basic categories of civil proceeding and other branches of judicial law. The conclusion was made, that the definitions of “judicial authority”, “justice”, “judicial procedure”, including civil law, are closely correlated but at the same time independent categories.

Keywords: judicial authority; justice; legal proceedings and its types; civil proceeding; form of action; implementation of justice; functions of the judiciary; court; court of Arbitration; law enforcement activities.

Действующее отечественное законодательство использует дефиницию «правосудие» без каких-либо разъяснений. Согласно ст. 5 ГПК РФ правосудие по гражданским делам осуществляется судами по правилам, установленным законодательством о гражданском судопроизводстве. Близкая формулировка получила закрепление и в ст. 1 АПК РФ: правосудие в сфере экономической деятельности осуществляется арбитражными судами по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах.

Многие широко распространенные дефиниции не нуждаются в законодательном закреплении, прописке в том или ином нормативном правовом акте, если они не вызывают каких-либо разночтений в доктрине или в практике. Однако в отношении исследуемых в статье проблем это не так. Приведем некоторые положения, выработанные доктриной.

По мнению Ю. А. Дмитриева и М. А. Шапкина, под правосудием понимается деятельность независимого суда, основанная на соблюдении демократических принципов судопроизводства в рамках установленного законом процессуального порядка и применения на этой основе в необходимых случаях мер государственного воздействия¹. Из данного определения можно вычлени следующие ключевые признаки: осуществление правосудия судами как органами государства; деятельность в установленном законом порядке (процессуальная форма); деятельность по осуществлению правосудия носит властный характер. В приведенном понятии фактически воспроизводится сложившийся еще в советской юридической науке подход к правосудию как одному из средств защиты прав и свобод граждан путем разрешения

¹ Дмитриев Ю. А., Шапкин М. А. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник. – М.: Эксмо, 2006. – С. 114.

специальным органом власти (судом) дел по процессуальным правилам¹.

Перечень близких по сути определений можно продолжить. Их основной недостаток – попытки дачи одного понятия через другое (правосудие через суд, а суд через правосудие). На основе обстоятельного анализа современных трудов ученых-процессуалистов И. А. Банников предлагает считать правосудием особый вид государственно-властной деятельности, осуществляемый в процессуальной форме, по рассмотрению гражданских, административных, уголовных, иных дел и разрешению их путем вынесения общеобязательных постановлений с целью защиты прав, свобод и законных интересов человека и гражданина². Однако данное определение по своей сути мало чем отличается от известных доктрине понятий, но уже не правосудия, а судебной власти.

Так, по мнению А. С. Безверхой, под судебной властью можно понимать сферу осуществления судами своих полномочий по рассмотрению и разрешению различных дел, отнесенных к их ведению³. Л. А. Воскобитова полагает, что судебная власть – это реализуемые посредством судопроизводства особые государственно-властные отношения между судом и иными субъектами права, возникающие в процессе рассмотрения и разрешения правовых конфликтов с целью защиты и восстановления судом нарушенного права⁴.

О. И. Мамина считает, что судебная власть осуществляет такую форму государственной деятельности, которая организационно оформляется в качестве системы правосудия⁵.

Судебная власть – это одна из ветвей власти (наряду с законодательной и исполнительной), представленная системой судов и реализующая закрепленные за ней функции. В частности, С. А. Шейфер и В. А. Яблоков судебную власть определяют как «при-

¹ Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкой. – М.: Наука, 1981. – С. 23.

² Банников И. А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 1. – С. 137.

³ Безверхая А. С. «Судебная власть» и «правосудие»: соотношение понятий // Инновационная наука. – 2018. – № 4. – С. 131.

⁴ Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. – С. 79.

⁵ Мамина О. И. Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007. – С. 7.

надлежащее судам, составляющим единую судебную систему государства, исключительное полномочие по разрешению возникающих в правовой сфере жизни общества социальных конфликтов, с использованием установленной законом процедуры, реализуемое в форме конституционного, гражданского, административного и арбитражного судопроизводства»¹.

Следует также обратить внимание на наличие двух основных подходов к феномену правосудия: институциональному и функциональному. В рамках институционального подхода учеными акцент сделан на самой судебной деятельности, судебной власти, в рамках функционального – на функции специально создаваемых органов (судов), проявляющейся в отправлении правосудия (разрешении конфликтов).

На наш взгляд, нельзя ставить знак равенства между судебной властью и правосудием, правосудием и судопроизводством, ибо здесь – соотношение части и целого². В литературе нередко они отождествляются либо четко не разграничиваются.

В связи с изложенным значимым для науки представляется сделанный П. М. Филипповым вывод, согласно которому правосудие в целом следует рассматривать как один из наиболее эффективных методов осуществления правоохранительной функции государства (доступность, наличие процессуальной формы, вынесение решения именем государства, принудительность исполнения, возможность обжалования), а гражданский процесс (судопроизводство) – как одну из форм осуществления правосудия³.

Близка к пониманию правосудия как вида правоохранительной деятельности позиция М. М. Рассолова. По его мнению, правосудие – это осуществляемая судом правоохранительная деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских, уголовных и подведомственным судам административных дел⁴.

При таком подходе представляется возможным, с одной стороны, разграничить правосудие от иных методов выполнения

¹ Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999. – С. 192.

² Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Волтерс Клаувер, 2006. – С. 2.

³ Филиппов П. М. Проблемы теории судебной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – А., 1988. – С. 11–12.

⁴ Рассолов М. М. Теория государства и права: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – С. 24.

правоохранительной функции государства (дознания, следствия и др.), с другой – рассматривать вопросы единства и дифференциации судопроизводственной деятельности (по гражданским, уголовным и иным делам¹) в границах деятельности по отправлению правосудия в целом. Кроме того, он позволяет провести водораздел между понятиями «судебная власть», «правосудие», «отправление правосудия по гражданским делам» и некоторыми другими.

Число выделяемых функций судебной власти различно. Так, Н. А. Колоколов помимо правоохранительной называет правоприменительную, политическую, идеологическую, диагностическую, предупредительную и иные функции². Не все из функций могут быть поддержаны, а некоторые (особенно если речь идет о политической и идеологической функциях) способны вызвать бурную дискуссию. П. П. Серков предлагает выделять три основные функции: охранительную, регулятивную, контрольную³. В целом число функций может меняться в зависимости от различных экономических и политических условий, факторов, в которых функционирует сама судебная власть, но бесспорной можно считать охранительную (правоохранительную) функцию правосудия.

К признакам, характеризующим судебную власть, процессуалисты относят следующие: специфику субъектов, осуществляющих судебную власть (судов); функциональное назначение судебной власти (разрешение конфликтов и др.); наличие процессуальной формы; обусловленность правоприменением⁴. Эти признаки характерны для судебной власти в целом вне зависимости от вида судопроизводства.

Государственная власть реализуется через государственные органы, наделенные необходимой компетенцией, силами и средствами для осуществления своих функций. Судебной власти посвящена значительная часть гл. 7 Конституции РФ, а также Феде-

¹ См., например: *Боброва Т. М.* К вопросу о понятии организационно-правовой формы осуществления конституционного правосудия // *Вестник Томского государственного университета. Право.* – 2014. – № 3. – С. 11–20.

² *Колоколов Н. А.* Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н/Новгород, 2006. – С. 16.

³ *Серков П. П.* Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // *Журнал российского права.* – 2016. – № 12. – С. 167.

⁴ *Савельева Т. А.* Судебная власть в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1996. – С. 8.

ральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹ (далее – ФКЗ о судебной системе). В соответствии с ч. 1 ст. 118 Конституции РФ правосудие осуществляется только судом. Формируется связка «судебная власть – правосудие», что позволяет ряду авторов рассматривать категории как синонимы.

В ч. 1 ст. 1 ФКЗ о судебной системе также речь идет об осуществлении правосудия, но акценты расставлены по-иному. Законодатель говорит о судах в лице судей, а также привлекаемых к осуществлению правосудия присяжных и арбитражных заседателях. Кроме того, здесь же закреплены принципы самостоятельности и независимости судебной власти от иных ветвей власти.

Определенный интерес представляют и иные статьи ФКЗ о судебной системе, позволяющие прийти к выводу о несводимости судебной власти исключительно к отправлению правосудия в стране. Нельзя не обратить внимание на ст. 18 – о Конституционном Суде РФ как органе судебного контроля, ст. 27 – о полномочиях Конституционных (уставных) судов субъектов РФ, ст. 29 – об органах судейского сообщества, создаваемых для выражения интересов судей как носителей судебной власти.

Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»² в качестве основных задач судов называет не только защиту нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов предприятий, учреждений, организаций, но также содействие укреплению законности и предупреждению правонарушений в сфере экономической деятельности.

В специальной литературе дискутируется вопрос об отнесении (неотнесении) судебного контроля к отправлению правосудия³. Полагаем, что правильна позиция, согласно которой правосудие является важной, но не единственной формой реализации

¹ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 1, ст. 1.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 18, ст. 1589.

³ См., например: *Носырева Е. И.* О функциях суда первой инстанции при рассмотрении гражданских дел // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: матер. Всерос. науч.-практич. конф. (г. Воронеж, 14–15 ноября 2003 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова. Ч. 2. – Воронеж, 2004. – С. 133.

судебной власти¹. К таким формам могут быть отнесены, например, контроль (надзор), управление. Конечно, в основном судебная власть для граждан, организаций, общества проявляет себя наиболее выпукло именно посредством правосудия. Эта функция – основная для судебной власти.

Судебная власть, правосудие осуществляются в силу ст. 118 Конституции РФ только судами посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства. Судебная власть реализуется в форме отдельных видов производств. Производство – определенная совокупность действий, деятельность, направленная на достижение определенного результата, решения той или иной задачи.

Для судопроизводства, как одной из особых разновидностей человеческой деятельности, характерен ряд признаков: строго установленная последовательность действий, процедур; стадийность; наличие процессуальной формы (порядка деятельности суда и иных участников процесса).

Закрепленные виды судопроизводств имеют ряд общих признаков, характеристик, а наличие отдельных особенностей характеризует специфику конкретного судопроизводства исходя из решаемых законодателем задач правового регулирования. Так, согласно ст. 2 ГПК РФ, задачами гражданского судопроизводства являются правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел. Несколько иначе задачи судопроизводства в арбитражных судах закреплены в ст. 2 АПК РФ. Для хозяйственного оборота важно не только защищать те или иные права тяжущихся (собственно осуществлять правосудие), но также развивать благоприятный деловой климат, следовательно, содействовать становлению и развитию партнерских деловых отношений, формированию обычаев и этики делового оборота. Судебная система при осуществлении правосудия наряду с другими государственными и общественными институтами вносит определенный вклад в развитие предпринимательства в стране.

В связи с изложенным возникает соблазн объединить такие дефиниции, как «правосудие» и «судопроизводство», ведь речь идет об одном субъекте – суде, действующем при рассмотрении и разрешении дел в строгом соответствии с нормами, закреплен-

¹ Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1999. – С. 7.

ными процессуальными кодексами. Такой подход является довольно распространенным в литературе. Однако он не без оснований подвергается критике. Как пишет А. В. Цихоцкий, правосудие по гражданскому делу и гражданский процесс (судопроизводство) – не одно и то же. Если субъектом правосудия является суд, то субъектом гражданского судопроизводства – суд и иные участники процесса¹.

Еще более выпукло отличия проявляются в уголовном судопроизводстве (на досудебной его стадии правосудие не осуществляется). Встречаются и иные подходы к решению вопроса о соотношении правосудия и судопроизводства: как формы и содержания, как части и целого.

При исследовании терминов «правосудие» и «судопроизводство» многие ученые приходят к выводу о том, что эти категории генетически связаны с такими философскими понятиями, как «содержание» и «форма». Как уже отмечалось, содержанием правосудия является деятельность суда по разрешению дела (возникшего конфликта), а его формой – судопроизводство, осуществляемое в строгом соответствии с нормами процессуального законодательства (ГПК РФ, АПК РФ и др.).

П. П. Серков пишет о том, что выделение на первый план самой деятельности «затушевывает» значимость регулирования этой самой деятельности, специфики правосудия. Деятельность суда осуществляется «не ради самой деятельности, а с целью в строго установленной форме развития потенциальности конкретной справедливости в ее реальное бытие в отдельно взятом конфликте»².

Принимая за основу данный подход, нельзя не обратить внимание на тот факт, что правосудие, как и судебная власть, едины, но реализуются в различных видах судопроизводств (гражданском, уголовном и др.). Таким образом, в рамках судебного права (процесса) формируется и осуществляется более точная «настройка» отдельных групп процессуальных правоотношений (гражданских процессуальных, административных процессуальных, уголовных процессуальных и др.), позволяющая решать

¹ Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск: Наука, 1997. – С. 76.

² Серков П. П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 170.

как общие, так и частные задачи отдельных процессуальных институтов, формировать специальные правовые (в том числе процессуальные) режимы деятельности суда в зависимости от конкретного вида судопроизводства. С учетом этого не совсем корректно говорить об общих содержании и форме. Мы наблюдаем тенденцию к дифференциации правового регулирования, что не может не отражаться, по крайней мере, на процессуальной форме. Не случайно в гражданском судопроизводстве наряду с исковым производством появились и получили развитие особое, приказное, заочное производство. Несмотря на существенное своеобразие некоторых из них, они являются видами судопроизводства.

В завершение статьи можно сделать вывод о том, что дефиниции «судебная власть», «правосудие», «судопроизводство», в том числе гражданское, являются хотя и тесно взаимосвязанными, находящимися в сложных интерреляциях, но самостоятельными категориями. С определенной долей упрощения их можно разместить в виде следующей схемы: власть (ветви, компетенция, функции) → судебная власть (компетенция, функции, в том числе охранительная) → судопроизводство (виды судопроизводств, единство и дифференциация) → гражданское судопроизводство (отдельные виды гражданского судопроизводства) → правосудие по гражданским делам (разрешение дела, защита права).

Библиографический список

1. Банников И. А. Понятие правосудия // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2017. – № 1. – С. 130–137.
2. Безверхая А. С. «Судебная власть» и «правосудие»: соотношение понятий // Инновационная наука. – 2018. – № 4. – С. 130–132.
3. Боброва Т. М. К вопросу о понятии организационно-правовой формы осуществления конституционного правосудия // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2014. – № 3. – С. 11–20.
4. Воскобитова Л. А. Сущностные характеристики судебной власти. – Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2003. – 160 с.
5. Дмитриев Ю. А., Шапкин М. А. Правоохранительные органы Российской Федерации: учебник. – М.: Эксмо, 2006. – 448 с.
6. Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Волтерс Клавер, 2006. – 600 с.

7. Колоколов Н. А. Судебная власть как общеправовой феномен: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н/Новгород, 2006. – 42 с.
8. Конституционные основы правосудия в СССР / под ред. В. М. Савицкой. – М.: Наука, 1981. – 360 с.
9. Мамина О. И. Правосудие в механизме правового государства: концепции и реальность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2007. – 25 с.
10. Носырева Е. И. О функциях суда первой инстанции при рассмотрении гражданских дел // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: матер. Всероссийской науч.-практич. конф. (г. Воронеж, 14–15 ноября 2003 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова. Ч. 2. – Воронеж, 2004. – С. 131–135.
11. Рассолов М. М. Теория государства и права: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 735 с.
12. Савельева Т. А. Судебная власть в гражданском процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1996. – 20 с.
13. Серков П. П. Полифункциональность правосудия: реальность или интерпретации правовой действительности? // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 162–174.
14. Шейфер С. А., Яблоков В. А. Понятие судебной власти и ее функции // Проблемы судебно-правовой реформы в России: история и современность. – Самара: Самарская гуманитарная академия, 1999. – С. 190–194.
15. Чепурнова Н. М. Судебная власть в Российской Федерации: проблемы теории и государственно-правовой практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Саратов, 1999. – 48 с.
16. Филиппов П. М. Проблемы теории судебной защиты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Л., 1988. – 26 с.
17. Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. – Новосибирск: Наука, 1997. – 392 с.

А. А. Мусаткина
доцент департамента
бакалавриата Тольяттинского
государственного
университета,
кандидат юридических наук
Musatkinaaa@mail.ru

Д. А. Липинский
профессор департамента маги-
стратуры Тольяттинского госу-
дарственного университета,
доктор юридических наук
Dmitri8@yandex.ru

ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ПОощРИТЕЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ САНкЦИИХ¹

ON ALTERNATIVE INCENTIVE DISCIPLINARY SANCTIONS²

Поощрительные и наказательные санкции являются парными юридическими категориями. Но если критериям индивидуализации мер юридического наказания посвящено значительное количество работ, то критерии индивидуализации мер поощрения исследованы недостаточно. Исследуются поощрительные санкции дисциплинарной ответственности во взаимосвязи с принципами дифференциации и индивидуализации позитивной юридической ответственности. На основе анализа действующего законодательства о дисциплинарной ответственности показаны нарушения как принципов законности, так и дифференциации, а также противоречия между поощрительными нормами, закрепленными в ряде

¹ Статья выполнена при поддержке РФФИ, проект 17-03-00022 ОГН «Альтернативные санкции в механизме реализации дифференциации и индивидуализации юридической ответственности».

² The article was written with the support of the Russian Foundation for Basic Research, project 17-03-00022 "Alternative Sanctions in the Mechanism for Realization of Differentiation and Individualization of Legal Responsibility".

нормативных правовых актов. Обоснована позиция о том, что в целях восстановления законности необходимо закрепить на уровне федеральных законов все уставы и положения о дисциплине, так как действующие постановления Правительства, устанавливающие меры поощрения и меры дисциплинарного наказания (взыскания), носят незаконный характер и прямо противоречат Трудовому кодексу РФ. Авторами доказано, что в федеральные законы, регулирующие различные виды государственной службы, следует внести изменения, направленные на дифференциацию мер поощрения в зависимости от субъекта, обладающего правом поощрения, и уровня самого поощрения, а также определить основания для применения мер поощрения разных уровней, отказавшись от понятия «эффективность государственной службы», как основания применения поощрительных мер к государственным служащим.

Ключевые слова: поощрительная санкция; дисциплинарная ответственность; альтернативная санкция; поощрение; основания поощрения; виды дисциплинарных поощрений; заслуга; государственная награда.

Incentive and punitive sanctions are closely related legal categories, however a significant number of works were written on the criteria for individualizing the measures of legal punishment, but the criteria for individualizing incentive measures have not been sufficiently researched. The incentive sanctions of disciplinary responsibility are studied in relation to the principles of differentiation and individualization of positive legal responsibility. Based on the analysis of the current legislation on disciplinary liability, violations of both of the principles of legality and differentiation are pointed out, as well as the contradictions that exist between the incentive norms specified in various regulatory legal acts. It is justified that, in order to restore the rule of law, it is necessary to consolidate all statutes and regulations on discipline at the level of federal laws, since various government resolutions currently in force, establishing incentive measures and disciplinary sanctions (penalties), are illegal and directly contradict the Labor Code of the Russian Federation. It is hereby proven that it is necessary to make changes aimed at differentiating the incentive measures depending on the subject having the right of encouragement and the level itself in the federal laws regulating various types of public service. It is also necessary to determine the reasons for applying incentive measures at various levels, abandoning the notion of "effectiveness of the civil service", as the basis for applying incentive measures to public servants.

Keywords: incentive sanction; disciplinary responsibility; alternative sanction; encouragement; grounds for promotion; types of disciplinary incentives; merit; state award.

Стимулирование правомерного поведения субъектов трудовых и служебных отношений должно происходить не только при помощи отрицательных стимулов – наказаний

и ограничений, но и правовых средств со знаком «плюс», то есть поощрений, которые развивают созидательную активность, направленную на удовлетворение как собственных потребностей, так и интересов общества и государства в целом. Однако поощрение должно быть заслуженным и, более того, соответствовать характеру и степени заслуг субъекта общественных отношений.

Известно, что поощрение является парной с наказанием юридической категорией¹. При этом если на выбор меры наказания влияет характер и степень общественной опасности правонарушения, то на выбор меры поощрения должны влиять характер и степень заслуг субъекта, вид его социальной активности, полезность действий для общества и иные признаки. Следует помнить и о том, что поощрительная санкция – это мера позитивной юридической ответственности, которая также должна быть индивидуализирована, как и мера юридической ответственности за правонарушение². Однако для реализации принципа индивидуализации позитивной юридической ответственности должен существовать определенный набор правовых средств, позволяющих ее осуществлять. В их числе альтернативные санкции, а также различные правила применения мер поощрения, а самое главное, те критерии, которые влияют на выбор поощрительной санкции.

Альтернативность санкций мы рассматриваем с позиции действия принципов дифференциации и индивидуализации. Дифференциация на межотраслевом уровне выступает частью нормотворческого процесса, когда уполномоченные органы на основе определенных критериев «распределяют» поощрительные санкции в зависимости от их значимости – от наименее к наиболее значимым. В результате чего перед субъектами, наделенными властными полномочиями, встает выбор, какую поощрительную санкцию применить. При этом выбор поощрительной санкции зависит от уровня полномочий субъектов, наделенных правом по применению мер поощрения. Иными словами, чем выше по своему статусу в существующей иерархии орган, тем больше у него

¹ Нырков В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. – Саратов: СГАП, 2006. – 204 с.

² Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. – 2013. – № 6 (198). – С. 40–49; Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Понятие и основания поощрения государственных служащих // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 4 (112). – С. 20–37.

правовых возможностей для применения той или иной меры поощрения.

Так, к федеральным государственным гражданским служащим применяются поощрения, предусмотренные ст. 55 Федерального закона от 27 апреля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹. В ч. 2 ст. 55 данного закона указано, что «решение о поощрении или награждении гражданского служащего в соответствии с пунктами 1-4 части 1 настоящей статьи принимается представителем нанимателя, а решение о поощрении или награждении гражданского служащего в соответствии с пунктами 5-9 части 1 настоящей статьи принимается по представлению представителя нанимателя в порядке, установленном законодательством РФ». Теоретически вышестоящий орган может применить любую из мер поощрения. В пунктах 5-9 предусмотрены поощрения Правительства РФ; Президента РФ; награждение знаками отличия РФ; присвоение почетных званий; награждение орденами и медалями РФ. По сути в пунктах 7-9 идет речь о наградах, входящих в государственную наградную систему Российской Федерации, которая регулируется Указом Президента РФ от 7 сентября 2010 г. № 1099 и дает исчерпывающий перечень государственных наград.

В пунктах 1-4 приводится альтернативный перечень мер поощрения, которые может применить представитель нанимателя самостоятельно. В качестве оснований применения мер поощрения названа «безупречная и эффективная гражданская служба». Законодатель с помощью союза «и» указывает два оценочных понятия в качестве оснований поощрения. Остается неясным вопрос о том, как понимать «безупречность» – как отсутствие дисциплинарных взысканий или как нечто большее, включая не только внутреннюю оценку деятельности государственного служащего со стороны руководителей, но и общественных и иных организаций. Как бы не пытались формализовать понятие эффективности государственной службы в научных исследованиях², в различных правовых актах, а также в служебных контрактах, в конечном итоге она будет сводиться к уровню достижения тех или

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2004. – № 31, ст. 3215.

² Пономаренко Б. Т., Жильцов В. И. Эффективность гражданской государственной службы в Российской Федерации // Социология власти. – 2011. – № 4. – С. 6–12.

иных целей и показателей, которые, в свою очередь, также могут носить оценочный характер (либо к соотношению затрат и достижению целевых показателей). Следует обратить внимание на то, как происходит подсчет целевых показателей. Чиновники отчитываются об увеличении средней заработной платы учителей и других работников бюджетной сферы, а работники бюджетной сферы не могут понять, где же это увеличение. Это – «игра» цифрами! Цели, поставленные перед теми или иными органами, могут быть ложными.

Рассмотрим, к примеру, показатели эффективности высших учебных заведений, одним из которых является количество иностранных студентов, обучающихся в вузе. У авторов статьи возникает, например, вопрос о том, почему иностранные граждане должны обучаться за счет налогоплательщиков, то есть нас. Или так называемые «мегагранты», конкурсы на получение которых проводятся Правительством РФ. В них одно из обязательных условий – чтобы руководил российским коллективом ведущий зарубежный ученый (гранты огромные по 40 и более миллионов). Неужели для развития отечественной науки обязательно кормить «варягов»?! Итогом подобных критериев «эффективности» выступают отчеты чиновников об увеличении заработной платы ученых (только каких, российских или зарубежных, так как все выводится по среднему показателю), о развитии науки (только какой – нашей или зарубежной?) и укреплении национальной безопасности (опять-таки чьей?). Конечно, зарубежные грантовые фонды также финансируют иностранных ученых, однако всегда такое финансирование осуществляется негосударственными фондами! Ни одна страна в мире не тратит средства налогоплательщиков на финансирование исследований, проводимых иностранными гражданами.

Соответственно, такая эффективная работа выступает основанием и для награждения. Это пример того, как стимул, критерием применения которого выступает оценочное понятие, может действовать во вред развитию и созидательной активности субъекта, и не на благо российского общества, а на увеличение благосостояния иностранных граждан. А. В. Малько приводит пример, когда применение стимулов в итоге привело к преступлению. Так, в начале тридцатых годов двадцатого века для пожарных ввели новую «эффективную» систему оплаты труда, которая зависела от времени, проведенного на пожаре. Вследствие

этого они стали медленнее ездить на пожар, не торопились его тушить, а, когда долго не было пожаров, сами подожгли здание¹.

В юридической литературе неоднократно указывалось, что использование оценочных понятий, которые раскрываются через другие оценочные понятия, в конечном итоге приводят к правовой неопределенности и еще большему субъективизму, а стимул превращается в антистимул. Критерии выбора альтернативой поощрительной санкции как таковые отсутствуют.

Обращает на себя внимание и несогласованность статьи 55 Федерального закона «О государственной гражданской службе» с Указом Президента РФ «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации». В качестве оснований применения мер поощрения законодатель называет «безупречную и эффективную гражданскую службу» (ст. 55) и в общем перечне перечисляет ведомственные и государственные награды (под одним основанием). Если обратиться к названному Указу Президента, то в нем приводятся совершенно иные основания для награждения государственной наградой. В частности, в общих положениях указано: «государственные награды Российской Федерации (далее – государственные награды) являются высшей формой поощрения граждан Российской Федерации за заслуги в области государственного строительства, экономики, науки, культуры, искусства и просвещения, в укреплении законности, охране здоровья и жизни, защите прав и свобод граждан, воспитании, развитии спорта, за значительный вклад в дело защиты Отечества и обеспечение безопасности государства, за активную благотворительную деятельность и иные заслуги перед государством». Очевидно, что основания для награждения не сводятся «к безупречности и эффективности». Мы не цитируем по отдельности основания для награждения каждой из государственных наград, а только отметим, что ни в одном из них не говорится «о безупречности и эффективности».

Известно, что в иерархии нормативных правовых актов федеральный закон обладает большей юридической силой в сравнении с Указом Президента. Однако при награждении руководствуются критериями, сформулированными в Указе Президента. Вся проблема в юридической технике, которую использовал законодатель, изложив разные по уровню и значимости меры в одной

¹ Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. – Saarbrücken: Lambert, 2011. – 360 с.

статье нормативного правового акта, породив тем самым на пустом месте коллизию.

Целесообразно Федеральный закон «О государственной гражданской службе» дополнить статьями 55.1 и 55.2, а также статью 55 изложить в новой редакции; в статье 55 сформулировать только меры поощрения, применяемые представителем нанимателя, предусмотрев основания их применения, а в статье 55.1 – меры поощрения Правительства РФ и Президента РФ. В данном случае под мерами поощрения Президента мы имеем в виду те, которые не входят в наградную систему Российской Федерации, а предусмотрены Указом Президента РФ от 11 апреля 2008 года № 487 «О Почетной грамоте Президента Российской Федерации»¹. Логично было бы предусмотреть в этой же статье награды Совета Федерации² и Государственной Думы³. Соответственно, в отдельной части статьи необходимо закрепить, что наниматель только выносит представление о поощрении. Статья 55.2 должна быть посвящена вынесению представления о награждении государственной наградой. Исходя из принципа дифференциации позитивной юридической ответственности, неверно разные по уровню меры поощрения формулировать в одной статье нормативного правового акта с одинаковым основанием их применения, а также с разными государственными органами, которые наделены правом их реализации и с различным порядком их применения.

Во всех федеральных законах, регулирующих различные виды государственной службы, законодатель не стал «утруждать» себя дифференциацией. Он различные по уровню и значимости меры поощрения сформулировал в одной статье закона, в том числе и те, правом награждения которыми не наделен орган, где непосредственно проходит службу субъект. Думается, что в соот-

¹ О Почетной грамоте Президента Российской Федерации и благодарности Президента Российской Федерации: указ Президента РФ от 11 апр. 2008 г. № 487 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 487, ст. 487.

² Об утверждении Положения о Почетной грамоте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 16 дек. 2012 г. № 494-СФ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 51, ст. 6206.

³ О Почетной грамоте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 18 янв. 2017 г. № 724-Д. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71489692/> (дата обращения: 10.08.2018).

ветствующие федеральные законы следует внести аналогичные изменения, дифференцировав поощрения по их уровню и значимости, что в свою очередь создаст предпосылки для индивидуализации позитивной юридической ответственности. Можно согласиться и с мнением ученых о комплексной систематизации наградного законодательства и необходимости принятия наградного кодекса¹. В предполагаемом нормативном правовом акте должны быть разделы, посвященные высшим государственным наградам; ведомственным наградам; должны быть определены основания награждения, порядок и сроки рассмотрения представлений о награждении.

Принятие кодифицированного нормативного правового акта – это длительный процесс. В настоящее время остается заниматься только «починкой тришкиного кафтана», внося точечные, но системные изменения в различные нормативные правовые акты, а именно: Федеральный закон РФ от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации»²; Федеральный закон от 30 декабря 2011 года № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»³; Федеральный закон Российской Федерации от 23 мая 2016 года № 141-ФЗ «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁴; Федеральный закон РФ от 19 июня 2018 года «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации»⁵; Федеральный закон Российской Федерации от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»⁶. В указанных нормативных правовых актах необходимо дифференцировать меры поощрения, определить основания и порядок их применения. Причем основания вынесения представления к государственной награде не должно противоречить критериям, установ-

¹ *Типикина Е. В.* Заслуга как основание для правового поощрения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. – 21 с.; *Дуэль В. М.* Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 22 с.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 1, ст. 5.

³ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 49, ст. 7020.

⁴ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 22, ст. 3089.

⁵ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 30, ст. 4532.

⁶ Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 13, ст. 1475.

ленным в Указе Президента РФ «О мерах по совершенствованию государственной наградной системы Российской Федерации».

Не отличается совершенством в части закрепления мер поощрения и Трудовой кодекс РФ. Так, в ч. 1 ст. 191 определено, что «работодатель поощряет работников, добросовестно исполняющих трудовые обязанности (объявляет благодарность, выдает премию, награждает ценным подарком, почетной грамотой, представляет к званию лучшего по профессии)». Мы опять сталкиваемся с оценочным понятием в виде «добросовестности исполнения трудовых обязанностей». Вызывает недоумение формулирование поощрения работников как обязанности работодателя, так как отсутствует формулировка «может поощрить». Но если это обязанность работодателя, то логично возникает вопрос: где соответствующее право работника на поощрение? Такое право не закреплено в ТК РФ. Отсутствует у работника право требовать применить к нему меру поощрения, это законный интерес субъекта трудовых отношений.

В ст. 191 ТК РФ под одним оценочным понятием «добросовестное исполнение трудовых обязанностей» формулируются различные виды поощрения, а также представление к званию лучшего по профессии. Под последним подразумеваются ведомственные отраслевые награды: почетный работник сферы образования РФ; почетный работник транспорта России; почетный работник морского флота; почетный работник энергетики и т. д. Организация, в которой работает субъект, только выносит представление в соответствующее министерство о награждении. Представление о награждении – это промежуточный акт применения права, но не мера поощрения. Невозможно поощрить представлением, так как оно может быть и отклонено по различным основаниям.

В ч. 2 ст. 191 ТК РФ указано, «что другие виды поощрений за труд определяются коллективным договором или правилами внутреннего распорядка, а также уставами и положениями о дисциплине. За особые трудовые заслуги перед обществом и государством работники могут быть представлены к государственным наградам». В отличие от перечня наказаний перечень поощрений является открытым. Однако обращает на себя внимание указание на уставы и положения о дисциплине. В настоящее время действуют Устав о дисциплине работников рыбопромысло-

вого флота¹; Устав о дисциплине экипажей судов обеспечения Военно-Морского Флота²; Положение о дисциплине работников железнодорожного транспорта³. В них предусмотрены как меры поощрения, так и меры дисциплинарных взысканий. Все меры дисциплинарной ответственности по Положению о дисциплине работников железнодорожного транспорта признаны незаконными. Так, Кассационная коллегия Верховного Суда РФ от 6 октября 2003 г. указала, что «оспариваемое Положение является не законом, а нормативным актом органа, осуществляющего исполнительную власть в Российской Федерации, тогда как отмечено выше статьи 192 и 330 Трудового кодекса РФ предусматривают возможность установления дополнительных видов дисциплинарных взысканий лишь законом»⁴. Таким образом, признание незаконными других положений о дисциплине, принятых на уровне постановлений Правительства РФ, всего лишь вопрос времени. Толкование положений ч. 2 ст. 191 ТК РФ необходимо проводить во взаимосвязи со ст. 192 ТК РФ. В частности, если в ст. 191 ТК РФ (поощрения за труд) говорится о положениях и уставах о дисциплине, законодатель не раскрывает вид нормативного правового акта (закон или постановление Правительства), то в ст. 192 (дисциплинарные взыскания) со ссылкой на ст. 189 прямо указано, что для отдельных категорий работников действуют уставы и положения о дисциплине, устанавливаемые федеральными законами. Следовательно, все положения о дисциплине, которые приняты на уровне постановления Правительства и предусматривают меры поощрения, носят незаконный характер. В настоящее время только принят Федеральный закон РФ от 8 марта 2011 года № 35-ФЗ «Устав о дисциплине работников организаций, эксплуа-

¹ Об утверждении Устава о дисциплине работников рыбопромыслового флота Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 21 сент. 2000 г. № 708 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 40, ст. 3965.

² Об утверждении Устава о дисциплине экипажей судов обеспечения Военно-Морского Флота: постановление Правительства Российской Федерации от 22 сент. 2000 г. № 715 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 40, ст. 3966.

³ Об утверждении Положения о дисциплине работников железнодорожного транспорта Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 25 авг. 1992 г. № 621 // Собр. актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 9, ст. 608.

⁴ Определение Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 06 февр. 2003 г. № КАС 03-23. URL: http://base.garant.ru/12130074/#block_1111 (дата обращения: 10.08.2018).

тирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии»¹.

Итак, можно сделать следующие выводы. В целях восстановления законности необходимо на уровне федеральных законов принять все уставы и положения о дисциплине, так как действующие в настоящее время различные постановления Правительства, устанавливающие меры поощрения и меры дисциплинарного наказания (взыскания), носят незаконный характер и прямо противоречат Трудовому кодексу РФ.

В федеральные законы, регулирующие различные виды государственной службы, необходимо внести изменения, направленные на дифференциацию мер поощрения в зависимости от субъекта, обладающего правом поощрения, и уровня самого поощрения. Следует также определить основания для применения мер поощрения различных уровней, отказавшись от понятия «эффективность государственной службы».

Библиографический список

1. Дуэль В. М. Государственные награды в российском праве: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 22 с.
2. Липинский Д. А., Мусаткина А. А. Понятие и основания поощрения государственных служащих // Административное и муниципальное право. – 2017. – № 4 (112). – С. 20–37.
3. Липинский Д. А., Шишкин А. Г. Понятие меры юридической ответственности // Журнал российского права. – 2013. – № 6 (198). – С. 40–49.
4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве: теоретико-информационный аспект. – Saarbrücken: Lambert, 2011. – 360 с.
5. Нырков В. В. Поощрение и наказание как парные юридические категории. – Саратов: СГАП, 2006. – 204 с.
6. Типикина Е. В. Заслуга как основание для правового поощрения: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. – Саратов, 2008. – 21 с.

¹ Устав о дисциплине работников организаций, эксплуатирующих особо радиационно опасные и ядерно опасные производства и объекты в области использования атомной энергии: федер. закон РФ от 8 марта 2011 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2011. – № 11, ст. 1504.

Ю. В. Ершова

доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Московского государственного
юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук,
доцент
Yuliya.stroykina@mail.ru

**АФФИЛИРОВАННЫЕ ЛИЦА И СДЕЛКИ
С ИМУЩЕСТВОМ КОРПОРАЦИИ**

**AFFILIATES AND TRANSACTIONS INVOLVING CORPORATE
PROPERTY**

В статье исследован статус аффилированного лица и его отраслевая принадлежность. Охарактеризованы элементы статуса в контексте корпоративного права. Автором сделан вывод о взаимосвязи правового статуса аффилированного лица и особенностей совершения корпорацией сделок с его участием, о возможном влиянии такого лица на определение экстраординарности сделки. Приведены примеры аффилированных лиц для целей совершения сделки с заинтересованностью. В связи с изменением законодательства проанализированы проблемы исполнения закона в действующей редакции.

Ключевые слова: аффилированное лицо; сделка с заинтересованностью; корпорация; имущество корпорации; акционерное общество; совет директоров; совершение сделки; корпоративное право; корпоративное правоотношение; экстраординарная сделка.

In this article the status of an affiliate and its industry affiliation are studied. The elements of the status in the context of corporate law are named. The conclusion regarding about the relationship between the legal status of the affiliate and the peculiarities of the corporate transactions is

made. The characteristics of the influence of affiliates on the definition of the extraordinary transaction are given. Examples of affiliated persons for the purposes of the transaction with interest are given. Due to the change of legislation, the problems of law enforcement in its current version are analyzed.

Keywords: affiliate, interested-party transaction, corporation, corporate property; joint-stock company; board of directors; transaction; corporate law; corporate legal relationship; extraordinary transaction.

Аффилированность подразумевает свойство связанности лиц таким образом, что у них возникает общий экономический интерес ввиду взаимосвязи с определенной корпорацией. Как показывает анализ многочисленных судебных постановлений, заинтересованность аффилированных лиц может быть выражена как в общем (для участников организации), так и в групповом (для аффилированных лиц) экономическом интересе. Особенность этих отношений состоит в том, что совокупная концентрация возможности принятия управленческих решений в корпорации либо влияния на их принятие может привести к различным злоупотреблениям, пренебрежению экономическими интересами иных участников корпорации, не включенных в отношения связанности.

Российское законодательство, относящееся к различным отраслям права, часто упоминает аффилированных лиц. Но понятийный аппарат отражен лишь в одной ст. 4 Закона РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», который ввиду активного развития общественных отношений, к сожалению, устарел.

Формально в качестве источников права, регулирующих исследуемые аспекты, выступают Гражданский кодекс Российской Федерации¹, Закон РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»², Федеральный закон от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ «О

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1994. – № 32, ст. 3301.

² О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках: закон РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 (ред. от 26.07.2006) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31 (1 ч.), ст. 3434.

защите конкуренции»¹, Федеральный закон от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»², Федеральный закон от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»³. Большое значение в контексте настоящей статьи имеет и Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»⁴.

Как известно, термин «аффилированные лица» заимствован из системы англосаксонского права, он происходит от английского «to affiliate» – усыновлять, принимать в качестве дочернего предприятия. В свою очередь английское «to affiliate» произошло от позднелатинского «filialis» – сыновий (лат. *filius* – сын). В специальных словарях термин «affiliated person» имеет значение физического или юридического лица, способного оказывать влияние на деятельность компании. Это также отмечает и И. С. Шиткина, описывая теоретическое понятие аффилированных лиц⁵.

В российском законодательстве понятие аффилированные лица впервые возникло в начале 90-х годов в Указе Президента РФ от 07.10.1992 г. № 1186 «О мерах по организации рынка ценных бумаг в процессе приватизации государственных и муниципальных предприятий». Законодатель отреагировал на возможные злоупотребления со стороны аффилированных лиц, которые зачастую проводили приватизацию предприятий, введением в систему норм понятия «аффилированные лица», «целью которого являлось урегулирование конфликта интересов»⁶.

В настоящее время термин «аффилированность», «аффилированные лица» достаточно распространен и встречается в раз-

¹ О защите конкуренции: федер. закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ (ред. от 18.07.2009) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2006. – № 31, ст. 3434.

² Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 29.12.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 1, ст. 1.

³ Об обществах с ограниченной ответственностью: федер. закон от 08 февр. 1998 г. № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1998. – № 7, ст. 785.

⁴ Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 июня 2018 г. № 27 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 8.

⁵ Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина. – М.: Волтерс Клаувер, 2008. – С. 214–216.

⁶ Гуцин В. В., Порошкина Ю. О., Сердюк Е. Б. Корпоративное право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – С. 303.

личных отраслях права. Примечателен также и тот факт, что в отечественном законодательстве термин используется в более чем 40 нормативных актах, являясь межотраслевым и универсальным. Несмотря на это, понятие данной категории полностью раскрывается только в Законе РСФСР от 22.03.1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках». Сегодня Закон РСФСР № 948-1 утратил силу в основной своей части, действующей остается только ст. 4, содержащая легальное определение аффилированных лиц. Иное определение в законодательстве Российской Федерации отсутствует. Данное обстоятельство является недостатком в сфере регулирования аффилированности и негативно сказывается на правоприменительной практике, поскольку возникают сложности с определением круга лиц, которые могут быть признаны аффилированными. Однако известна позиция законодателя по этому поводу, и вряд ли она изменится в ближайшее время.

Ряд авторов отмечает многоотраслевой характер понятия. Действительно, Закон РСФСР № 948-1 принят в целях преимущественно конкурентного регулирования отношений. Однако М. А. Егорова считает, что аффилированность должна в первую очередь рассматриваться в контексте корпоративного права¹. В. В. Долинская также указывает, что само понятие аффилированности и ее последствия никогда не были предметом антимонопольного регулирования².

В нормативных же актах, относящихся к сфере гражданско-правового регулирования, для которых институт аффилированности более близок, например, в Федеральном законе «Об акционерных обществах» от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ, Федеральном законе «Об обществах с ограниченной ответственностью» от 08.02.1998 г. № 14-ФЗ аффилированность не раскрывается, а лишь дана отсылка к действующему законодательству России. Проанализировав ст. 53.2 Гражданского кодекса РФ, логичным является вывод о том, что аффилированность – это явление, обуславливающее существование между лицами отношений связанности. В ст. 4 Закона РСФСР № 948-1 понятие аффилированные лица раскрывается посредством перечисления его общих призна-

¹ Егорова М. А. Институциональная принадлежность категорий «группа лиц» и «аффилированные лица» // Юрист. – 2013. – № 11. – С. 32–36.

² Долинская В. В. Аффилированность и цели правового регулирования // Законы России. Опыт. Анализ. Практика. – 2016. – № 3. – С. 51.

ков и приведения закрытого перечня лиц, относимых к данной категории.

Для аффилированных лиц предусмотрены строгие ограничения и правила, касающиеся осведомленности других корпораций. Это означает, что в процессе сделок общества должны оповещать иные организации об имеющейся взаимосвязи. В данном случае возникают смежные отношения, регулируемые корпоративным и информационным правом. Информация и ее сущность изучена многими авторами, особенно в период признания ее объектом прав, актуальность характеристик не потеряна и в настоящее время¹. Об аффилированности должны оповещаться контролирующие инстанции и должен предоставляться список зависимых лиц.

В итоге сущностная обязанность аффилированного лица состоит в предоставлении юридическому лицу информации о себе или в даче согласия на использование данным юридическим лицом информации о себе, а у юридического лица возникает закрепленная в ст. 45 Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», главе 11 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» обязанность о раскрытии информации. Однако не так давно внесены исключения из этого правила. Они коснулись порядка раскрытия информации об аффилированных лицах. Постановлением Правительства РФ от 15.01.2018 года № 10 «Об определении случаев освобождения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»² установлены виды сделок, при которых общества освобождаются от исполнения данной обязанности:

¹ См., например: *Филипов П. М., Сидорова О. Ю., Секенов Б. К.* Информация как объект гражданских правоотношений: монография. – Элиста: Изд-во «АПП «Джангар», 2003. – 200 с.

² Об определении случаев освобождения акционерного общества и общества с ограниченной ответственностью от обязанности раскрывать и (или) предоставлять информацию, касающуюся крупных сделок и (или) сделок, в совершении которых имеется заинтересованность: постановление Правительства Российской Федерации от 15 янв. 2018 г. № 10 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 4, ст. 628.

– совершение сделки, связанной с выполнением государственного оборонного заказа и реализацией военно-технического сотрудничества;

– совершение сделки, заключенной с российскими юридическими и физическими лицами, в отношении которых иностранными государствами, объединениями (союзами) и (или) государственными учреждениями иностранных государств или государственных объединений (союзов) введены меры ограничительного характера.

Остановимся более подробно на совершении корпорацией сделок, в составе контрагентов по которым будут аффилированные лица. Законодатель дает четкое определение «сделка с заинтересованностью – это такая сделка, в совершении которой имеется заинтересованность лица, принимающего управленческие решения либо способные оказывать на их принятие существенное влияние (члена совета директоров (наблюдательного совета) общества, единоличного исполнительного органа или лица, являющегося контролирующим лицом общества, либо лица, имеющего право давать обществу обязательные для него указания)» (ст. 45 Федерального закона № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 81 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»).

Заинтересованность должна присутствовать на момент совершения сделки (п. 14 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.03.2001 г. № 62 «Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением хозяйственными обществами крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»; подп. 2 п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность»). Примечательно, что законодатель в отношении сделок с заинтересованностью не употребляет понятие «аффилированные лица». Он использует такие категории, как выгодоприобретатель, контролирующее и подконтрольное лицо, член совета директоров (наблюдательного совета) общества, член коллегиального исполнительного органа общества, лицо, имеющее право давать обязательные указания обществу. Но при более детальном анализе отношений, возникающих между сторонами сделки, признаваемой совершенной с заинтересованностью, в некоторых случаях усматриваются как фактические отношения аффилированности, так и прямо предусмотренные законом. Сле-

довательно, представляется, что введение данных понятий способствовало конкретизации и расширению субъектного состава сделок, совершаемых с заинтересованностью, необходимой для признания тех или иных сделок таковыми, но по своей смысловой нагрузке не претерпело качественных изменений.

Судебная практика позволяет выделить и иные группы лиц, признаваемых судами заинтересованными в совершении сделки. Лица, не входящие в органы управления акционерного общества, могут быть признаны заинтересованными в совершении обществом сделки, если заключенные ими сделки являются взаимосвязанными со сделками лиц, входящих в органы управления общества¹. Дети супруга лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества, признаются заинтересованными лицами². Лица, имеющие общих детей, но не состоящие в браке, могут быть признаны заинтересованными лицами³.

Термин «выгодоприобретатель» в ст. 81 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» лишь упоминается, его содержание не раскрывается. В Гражданском кодексе РФ данный термин используется только в нормах, регулирующих договоры.

Вследствие этого до принятия Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 г. № 28 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью» (ныне не действующего) в судебной практике возникали вопросы, связанные с определением понятия «выгодоприобретатель» в отношении сделок с заинтересованностью, а также с возможностью рассматривать выгодоприобретателя в качестве заинтересованного лица в договоре, если нормы, регулирующие данный вид договора, не предусматривают такого участника правоотношений. В п. 9 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2014 г. № 28 было дано понятие «выгодоприобретатель», которое сводилось к тому, что вы-

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.04.2011 г. № 15749/10 по делу № А73-225/2009 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2011. – № 8.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.03.2012 г. № 14613/11 по делу № А60-41550/2010-С4 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2012. – № 7.

³ Постановление 14 Арбитражного Апелляционного Суда от 25.09.2012 г. по делу № А13-12276/2010. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/41041871/> (дата обращения: 07.10.2018).

годоприобретателем по сделке признается лицо, не являющееся стороной по сделке, но получающее от нее имущественную выгоду, выраженную в различных формах¹. По сути, определение «выгодоприобретатель», содержащееся в действующем Постановлении Верховного Суда РФ от 26.06.2018 г. № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность», осталось неизменным.

Контролирующими признаются лица, имеющие более 50 процентов голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации (п. 1 ст. 81 ФЗ № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Лицо может иметь указанное выше количество голосов или право непосредственно. Это означает, что контролирующим лицом может быть не только акционер общества, но и лицо, имеющее право распоряжаться голосами на иных основаниях (например, на основании договора доверительного управления) или владеющее юридическими лицами (иным образом имеющее право контролировать их деятельность), которые, в свою очередь, являются акционерами общества.

Узнать о контролирующих лицах акционерного общества должно от самих контролирующих лиц, если у них есть заинтересованность в заключаемой сделке (п. 1 ст. 82 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Кроме того, они должны сообщить обществу о фактах, установленных п. 1 ст. 82 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах». Подконтрольным лицом (подконтрольной организацией) признается юридическое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем контролирующего лица.

Прямой контроль устанавливается исходя из смысла закона. Подконтрольными лицами, находящимися под косвенным контролем, могут быть признаны:

а) лицо, не являющееся директором, но по уставу правомочное заключать от имени общества сделки, распоряжаться денеж-

¹ О некоторых вопросах, связанных с оспариванием крупных сделок и сделок с заинтересованностью: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16 мая 2014 г. № 28 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 6.

ными средствами общества¹;

б) лицо, с которым по договору о предоставлении опциона должны согласовываться действия по управлению обществом²;

в) супруга родителя, ребенка, полнородного или неполнородного брата и сестры, усыновителя и усыновленного, которые могут иметь заинтересованность³.

Для установления, кому подконтролен контрагент (выгодоприобретатель), рекомендуется запрашивать у него информацию о контролирующих его лицах или список аффилированных лиц либо самостоятельно установить контролирующих контрагента (выгодоприобретателя) лиц, используя для этого открытые источники.

С 1 января 2017 г. в порядок совершения сделок с заинтересованностью внесены существенные изменения, закрепленные в Федеральном законе от 03.07.2016 г. № 343-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об акционерных обществах» и Федеральный закон «Об обществах с ограниченной ответственностью» в части регулирования крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность». Авторы отмечают, что действующий в настоящее время порядок одобрения сделок порождает множество проблемных, спорных моментов, касающихся участия аффилированных лиц в совершении таких сделок⁴.

Во-первых, решение об одобрении принимается членами совета директоров (наблюдательного совета), не заинтересованных в совершении сделки. Перечень критериев, по которым такие лица признаются незаинтересованными, законодательно установлен и является закрытым. Упоминания о случаях наличия фактической заинтересованности в законе не содержатся.

Данное обстоятельство осложняется и тем, что законодательно установлено право членов совета директоров (наблюда-

¹ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.08.2014 г. № Ф03-3442/2014 по делу № А59-2886/2012. URL: <http://base.garant.ru/37103904/> (дата обращения: 11.10.2018).

² Постановление ФАС Центрального округа от 17.07.2013 г. по делу № А23-1803/12. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=79392#09209323070635811> (дата обращения: 11.10.2018).

³ Одоева Ж. В. Использование понятия «аффилированные лица» в правовом режиме сделок с заинтересованностью // Конкурентное право. – 2015. – № 2. – С. 16.

⁴ Добрачев Д. В., Щеголев Д. В. Проблемы судебной практики в сфере корпоративного и коммерческого оборота: монография. – М.: Проспект, 2016. – С. 57.

тельного совета) самостоятельно устанавливает цену сделки, не прибегая к помощи оценщика, основываясь на рыночной стоимости предмета сделки. Известно, что решение об одобрении сделки принимается членами совета директоров (наблюдательного совета) в случае, если стоимость сделки по реализации имущества не превышает 10 % балансовой стоимости активов общества, если сделка направлена на продажу обыкновенных и привилегированных акций, составляющих менее 2 % акций, ранее размещенных обществом, и акций, в которые могут быть конвертированы ранее размещенные эмиссионные ценные бумаги, конвертируемые в акции. Представляется, что таким образом допускается возможность злоупотребления членами совета директоров (наблюдательного совета) (аффилированными взаимно лицами) правом по определению цены сделки, предоставляя им возможность устанавливать цену в размере, не превышающем 10 % балансовой стоимости активов общества или 2 % соответствующих акций. Может наблюдаться и обратная ситуация, когда законодательно закрепленные признаки заинтересованности присутствуют, но фактические взаимоотношения между лицами не позволяют говорить об их общем интересе, экономической выгоде¹.

Представляется, что решение проблемы, связанной с определением стоимости сделки с заинтересованностью, заключается в том, что полномочия по определению цены сделки должны быть возложены на иных лиц, кроме имеющих свойство аффилированности.

Во-вторых, оспаривание сделки с заинтересованностью претерпело качественное изменение. Ввиду вступивших в силу 01.01.2017 г. изменений отсутствие согласия на совершение сделки с заинтересованностью само по себе не является основанием для признания ее недействительной. Распространенным основанием для оспаривания сделки с заинтересованностью на современном этапе является причинение ущерба обществу в результате ее заключения (нарушение представителем или органом юридического лица условий осуществления полномочий либо интересов представляемого или интересов юридического лица). Законодательно закреплены два критерия, обуславливающих причиненный ущерб: неполучение одобрения, непредоставление ин-

¹ Постановление ФАС Уральского округа от 14.02.2011 г. № Ф09-380/11-С4 по делу № А76-8589/2010-16-346. URL: <http://base.garant.ru/35168226/> (дата обращения: 11.10.2018).

формации по сделке (п. 1.1 ст. 84 Федерального закона № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»). Для оспаривания данной сделки установлен срок исковой давности – 1 год. Течение срока исковой давности начинается с момента, когда лицо узнало или должно было узнать. Предполагается, что участник должен был узнать о совершении сделки с нарушением порядка одобрения сделки с заинтересованностью не позднее даты проведения годового общего собрания участников (акционеров) по итогам года, в котором была совершена оспариваемая сделка, если из предоставлявшихся участникам при проведении этого собрания материалов можно было сделать вывод о совершении такой сделки (например, если из бухгалтерского баланса следовало, что изменился состав основных активов по сравнению с предыдущим годом)¹. В связи с этим фактически течение срока исковой давности начинает считаться не позднее даты проведения годового общего собрания участников (акционеров).

Ущерб причиняется в данном случае в момент заключения сделки. Срок исковой давности о взыскании ущерба начинает течь со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права, то есть не позднее даты проведения годового общего собрания участников (акционеров). Следует исходить из того, что другая сторона должна была знать о наличии явного ущерба в том случае, если это было бы очевидно для любого участника сделки в момент ее заключения.

Если раньше достаточно было доказать только факт несоблюдения правил одобрения сделки, то сегодня все сводится к причиненному ущербу. На практике доказать причиненный обществу ущерб от сделки достаточно сложно. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что при тех же сроках исковой давности усложнилась процедура оспаривания сделок с заинтересованностью, предоставляя аффилированным лицам, заинтересованным в получении экономической выгоды от сделки, большую свободу и сводя к минимуму шансы на признание совершенной сделки с заинтересованностью недействительной.

Таким образом, в современном порядке заключения сделок с участием аффилированных лиц наблюдается множество различных проблем. Выше рассмотрены лишь некоторые из них. По-

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 // Рос. газ. – 2015. – № 140.

рядок заключения данных сделок осложнен субъективными отношениями сторон сделки, участников корпорации. Осложненный порядок заключения сделок необходим для предотвращения факта возможного злоупотребления имеющимися у заинтересованных лиц правами.

Библиографический список

1. *Гуцин В. В., Порошкина Ю. О., Сердюк Е. Б.* Корпоративное право: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2009. – 624 с.
2. *Добрачев Д. В., Щеголев Д. В.* Проблемы судебной практики в сфере корпоративного и коммерческого оборота: монография. – М.: Проспект, 2016. – 80 с.
3. *Долинская В. В.* Аффилированность и цели правового регулирования // *Законы России. Опыт. Анализ. Практика.* – 2016. – № 3. – С. 51.
4. *Егорова М. А.* Институциональная принадлежность категорий «группа лиц» и «аффилированные лица» // *Юрист.* – 2013. – № 11. – С. 32–36.
5. *Корпоративное право: учебник / отв. ред. И. С. Шиткина.* – М.: Волтерс Клаувер, 2008. – 312 с.
6. *Одоева Ж. В.* Использование понятия «аффилированные лица» в правовом режиме сделок с заинтересованностью // *Конкурентное право.* – 2015. – № 2. – С. 11–17.
7. *Филиппов П. М., Сидорова О. Ю., Секенов Б. К.* Информация как объект гражданских правоотношений: монография. – Элиста: Изд-во «АПП «Джангар», 2003. – 200 с.

А. В. Зарубин

судья Двадцать первого арбитражного
апелляционного суда
кандидат юридических наук,
доцент
a.v.zarubin@yandex.ru

**ДОБРОСОВЕСТНЫЙ ПРИОБРЕТАТЕЛЬ В ПРАВООТНОШЕНИИ
ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

**INNOCENT PURCHASER AS A PART OF THE LEGAL RELATION-
SHIP OF COMMON OWNERSHIP**

В статье дано общее определение добросовестного приобретателя как лица, которое не знало и не должно было знать о приобретении имущества от неуправомоченного отчуждателя, а также описаны обстоятельства, которые могут свидетельствовать о такой осведомленности. Переложение общих правил добросовестности на отношения общей долевой собственности вызывает ряд вопросов, связанных с множественностью лиц на стороне приобретателя и нематериальным характером доли. Автором обоснована точка зрения, согласно которой все участники права общей долевой собственности, приобретшие имущество от неуправомоченного отчуждателя, должны быть добросовестными. Нематериальный характер доли не препятствует виндикации и не исключает существование фигуры добросовестного приобретателя, поскольку по данному иску истребуется не право, а фактическое владение. При долевой собственности первоначальный собственник истребует вещь (часть вещи) от лица, которое владеет им, считая себя долевым собственником. Право на долю, а также сама доля по виндикационному иску не истребуется. Предполагается, что оно не перешло от собственника.

Ключевые слова: добросовестность; добросовестный приобретатель; виндикационный иск; владение; долевая собственность; доля в

праве общей собственности; защита общей собственности; правоотношение общей собственности; неуправомоченный отчуждатель.

In this article the general definition of innocent purchaser as a person who did not know and should not have known about the acquisition of property from an unauthorized alienator is given and the circumstances that may indicate such circumstances are given. It is also noted that the transfer of the general rules of good faith on the relationship of common ownership raises a number of issues related to the plurality of persons on the side of the acquirer and the intangible nature of the share. The author substantiates the point of view, according to which all participants of the right of common ownership, acquired the property from the unauthorized alienator must be innocent. The intangible nature of the share does not preclude neither vindication nor the existence of innocent purchaser, since the claim is not a right but actual possession.

Keywords: innocence; innocent purchaser; vindication claim; ownership; common property; share in common property; protection of common property.

Категория «добросовестный приобретатель» в последние десятилетия привлекает внимание не только юристов-практиков, к которым в настоящее время я отношу себя в большей степени, но и современных ученых-цивилистов, с которыми мне посчастливилось общаться. Среди них – замечательный ученый, доктор юридических наук, профессор Петр Мартынович Филиппов, отметивший в текущем году 80-летний юбилей.

За свою долгую научную деятельность П. М. Филипповым подготовлено и опубликовано множество трудов, значительная часть которых посвящена гражданскому и арбитражному процессу. Петр Мартынович проявляет интерес и к проблемам гражданского права. Серьезно и глубоко разработаны вопросы субъективного гражданского права и злоупотребления им, принципов гражданского права. Однако самое пристальное внимание уделено проблемам права собственности. Под научной редакцией Петра Мартыновича вышла монография его первого ученика В. П. Камышанского «Право собственности: пределы и ограничения»¹, опубликованы статьи о гражданско-правовых средствах защиты интересов собственника при прекращении права собственности²,

¹ Право собственности: пределы и ограничения / Камышанский В. П.; науч. ред.: Филиппов П. М. – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 303 с.

² Живихина И. Б., Филиппов П. М. Гражданско-правовые средства защиты интересов собственника при прекращении права собственности // Гражданское право. – 2011. – № 4. – С. 25–28.

необходимости обеспечения публичных интересов как критерий ограничения права собственности¹, защите правообладателей земельных участков на особо охраняемых территориях² и многие другие. Но наибольший интерес у автора настоящей статьи вызвала работа Петра Мартыновича, посвященная добросовестному приобретателю на вещь, полученную от неуправомоченного отчуждателя³. В целях развития заложенных в ней идей и появилась настоящая статья – о проблемах определения того, кто является добросовестным приобретателем и каковы его особенности, если мы имеем в виду отношения общей долевой собственности.

Добросовестность как юридическая категория появилась еще в Древнем Риме. Ее появление связано с отходом римских юристов от строгих требований формального права и движением навстречу требованиям справедливости. Современное право сохранило понятие добросовестности, более того, отнесло ее к основным началам гражданского законодательства (пункты 3, 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), но не наделило конкретным, общим для всех гражданских правоотношений содержанием. Наоборот, можно с уверенностью говорить о разном содержании доброй совести применительно к той или иной норме права – от самого широкого до узкого.

Добросовестность в широком смысле как мера обычного поведения субъекта гражданского правоотношения содержится в статье 10 ГК РФ. О добросовестности в узком смысле как состоянии, при котором приобретатель не знал и не мог знать о том, что имущество приобретается им у лица, не имеющего права его отчуждать, говорится в статье 302 ГК РФ. Особенность добросовестного приобретателя в контексте статьи 302 ГК РФ состоит в том, что он является субъектом, порождаемым виндикационным

¹ Зинченко Н. В., Филиппов П. М. Необходимость обеспечения публичных интересов как критерий ограничения права собственности // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспективы: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Волгоград, 29-30 ноября 2013 г.). – Волгоград: ООО «Арт линия», 2013. – С. 54–58.

² Бутенко А. А., Ткач В. В., Филиппов П. М. О защите правообладателей земельных участков на особо охраняемых территориях // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции (Волгоград, 12 октября 2012 г.). – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – С. 12–134.

³ Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. О субъективном праве добросовестного приобретателя на вещь, полученную от неуправомоченного отчуждателя // Гражданское право. – 2009. – № 3. – С. 34–38.

иском либо иском о реституции, в отличие от добросовестного субъекта в понимании статьи 10 ГК РФ как любого участника гражданских правоотношений.

В статье 302 ГК РФ добросовестным назван приобретатель, который не знал и не мог знать о том, что имущество приобретается им у лица, не имеющего права его отчуждать. Таким образом, буквальное толкование процитированной нормы позволяет подвести под формулировку «мог знать» любого субъекта, проявляющего способности в процессе познания, то есть любого разумного человека. Очевидно, что такое положение не могло прижиться, фактически судебная практика отыскивает добросовестность в том, должен или не должен был знать приобретатель о неуправомоченности отчуждателя. Если приобретателей по одной сделке несколько, то каждый из них должен быть добросовестным. Если хотя бы один из них этому признаку не соответствует, имущество может быть истребовано (абзац 2 пункта 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав»). Добросовестным может быть только приобретатель, получивший имущество от неуправомоченного отчуждателя. Если имущество приобретено от собственника, даже по ничтожной сделке, фигура добросовестного приобретателя отсутствует.

По этому поводу Верховным Судом РФ изложено следующее. Указывая на правомерность признания совершенной под влиянием заблуждения сделки купли-продажи квартиры недействительной и истребования имущества из чужого незаконного владения, суд не нашел оснований для применения правовых норм, содержащихся в статьях 301, 302 ГК РФ и регулирующих правоотношения, связанные с истребованием собственником имущества из чужого незаконного владения, в том числе и от добросовестного приобретателя. Суд отметил, что исходя из толкования статей 166, 167 ГК РФ добросовестное приобретение в смысле статьи 302 ГК РФ возможно только тогда, когда имущество приобретается не непосредственно у собственника этого имущества, что в данном случае не имело места (определение Верховного Суда РФ от 13 ноября 2007 г. № 59-В07-4).

Обстоятельством, которое может свидетельствовать об осведомленности приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя, является связь, в том числе родственная, отчуждателя

с приобретателем. Следует согласиться с позицией о том, что, разрешая вопрос о добросовестности приобретателя и определяя круг обстоятельств, о которых он должен был знать, суд учитывает родственные и иные связи между лицами, участвовавшими в заключении сделок, направленных на передачу права собственности. Кроме того, суд учитывает совмещение одним лицом должностей в организациях, совершавших такие сделки, а также участие одних и тех же лиц в уставном капитале этих организаций, родственные и иные связи между ними (пункт 8 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2008 № 126 «Обзор судебной практики по некоторым вопросам, связанным с истребованием имущества из чужого незаконного владения»).

Обоснован также подход, при котором явно заниженная цена может рассматриваться как обстоятельство, свидетельствующее о недобросовестности приобретателя. Так, в пункте 9 указанного информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13 ноября 2008 г. № 126 отмечено, что ответчик по виндикационному иску должен был знать об отсутствии у лица, продавшего ему спорное имущество, права на его отчуждение, так как согласно представленным истцом доказательствам имущество приобретено ответчиком по цене почти вдвое ниже рыночной. В данном случае ответчик, проявляя обычную степень осмотрительности, должен был предпринять дополнительные меры, направленные на проверку юридической судьбы вещи. При этом право сторон по своему усмотрению определять цену в договоре (статьи 421 и 424 ГК РФ) не ограничивается, поскольку выводы суда касаются добросовестности ответчика, а не соответствия сделки закону.

Кроме того, нельзя считать лицо добросовестным, если в отношении приобретенного имущества имелись притязания третьих лиц, о которых приобретателю было известно, и они признаны в дальнейшем обоснованными. По смыслу статьи 302 ГК РФ добросовестным является приобретатель, который не знал и не мог знать, что имущество приобретается у лица, не имевшего права его отчуждать. Поэтому притязания в отношении имущества хоть и не свидетельствуют об осознании приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя, но говорят о том, что приобретатель «должен знать» об этом обстоятельстве.

Если спорное имущество являлось недвижимым, то запись в едином государственном реестре о том, что собственником явля-

ется другое лицо, либо отметка там же об имеющемся споре (например, отметка о применении обеспечительных мер в виде ареста, запрещении отчуждать недвижимое имущество либо совершать регистрационные действия и т. п.), либо отметка о возращении лица, соответствующее право которого было зарегистрировано ранее, могут послужить основанием для вывода о недобросовестности приобретения. В частности, в абзаце 2 пункта 38 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 указано, что приобретатель не может быть признан добросовестным, если на момент совершения сделки по приобретению имущества право собственности в ЕГРП было зарегистрировано не за отчуждателем или в ЕГРП имелась отметка о судебном споре в отношении этого имущества. В то же время запись в ЕГРП о праве собственности отчуждателя не является бесспорным доказательством добросовестности приобретателя.

Нельзя считать лицо добросовестным, если при приобретении имущества не были соблюдены требования иного, нежели гражданско-правового законодательства, и которые могли бы раскрыть титул отчуждателя. Например, с точки зрения ГК РФ безупречным будет договор купли-продажи автомобиля, если он заключен в простой письменной форме путем составления единого документа, подписанного обеими сторонами, даже если предметом договора был автомобиль, не снятый с учета в органах ГИБДД. Однако новый владелец, заключая договор в отношении не снятого с учета автомобиля, сильно рискует быть признанным недобросовестным приобретателем. Если бы он прошел процедуру снятия с регистрации постановки на учет, то должен был бы узнать, что автомобиль не принадлежит продавцу.

Все указанные выше обстоятельства, которые могли бы говорить о недобросовестности приобретения, не носят исчерпывающего характера. Они определяются судом исходя из обстоятельств конкретного дела.

Как видно из приведенных выше общих положений, в поле нашего зрения чисто субъективная категория. Все субъективное трудно поддается интерпретации. Еще сложнее обстоят дела в том случае, если в запутанные и без того отношения общей собственности вплетаются такие субъективные категории, как добросовестность. Добросовестность касается приобретателя, а потому случаи единоличного приобретения имущества, ранее находившегося в общей собственности, не интересны, так как они

подпадают под общие положения. Споры возникают применительно к ситуациям, когда приобретателей несколько и один или несколько из них добросовестны, а остальные нет. Интерес представляет тот факт, что эта коллизия намного старше, чем мы можем представить. Еще римские юристы задавались вопросом о том, как быть, если «два лица вместе покупают свободного, чтобы приобрести его в общую собственность, и если только одно из них знает действительное положение дела, а другое не знает?»¹. Подробности дискуссии, которую вызвал этот вопрос, мы приводить не будем. Заметим только, что она строилась на том, признавать одно или несколько прав собственности на объект.

Современная судебная практика предлагает свой ответ. Согласно абзацу 2 пункта 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ, Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22, если приобретателей по одной сделке несколько, то каждый из них должен быть добросовестным. Если хотя бы один из них этому признаку не соответствует, имущество может быть истребовано. Значение этого положения состоит в том, что в вопросах, касающихся общего имущества в целом, имеет значение не простое сложение воли отдельных участников, а именно консолидированная воля. Данный тезис хорошо вписывается в концепцию коллективной теории построения отношений общей собственности. Мы еще раз убеждаемся в том, что вещь принадлежит коллективу. Отсутствие добросовестности одного из участников порочит добросовестность коллектива, а потому виндикация возможна.

Еще один ряд спорных вопросов связан с истребованием из единоличной собственности доли в праве общей долевой собственности и обусловлен ее природой, как нематериального объекта, недоступного для владения. При этом добросовестный приобретатель всегда рассматривается как владелец истребуемого имущества. В действительности данное обстоятельство не должно никого смущать. Дело в том, что истребуется не право на долю и даже не доля, а фактическое владение, которое присвоено вместе с долей. Поясним этот тезис на следующем примере. Покупатель приобретает право собственности на вещь и фактическое владение ею. Заявляя виндикационный иск, собственник истребует лишь владение, но не право, полагая, что в силу ничтожного ос-

¹ Зелер В. Ф. Учение о праве общей собственности по римскому праву. – Харьков: тип. А. Дарре, 1895. – С. 89.

нования право собственности не перешло. Аналогично обстоят дела с долевой собственностью. Первоначальный собственник истребует вещь (часть вещи) от лица, которое владеет им, считая себя долевым собственником. Право на долю, а также сама доля по виндикационному иску не истребуется. Предполагается, что оно не перешло. Если приобретатель завладел долей, как «голым» правом, то есть без владения, например, путем внесения записи в ЕГРН, то первоначальный собственник должен прибегнуть к другому иску – иску о признании права собственности на долю.

Библиографический список

1. *Бутенко А. А., Ткач В. В., Филиппов П. М.* О защите правообладателей земельных участков на особо охраняемых территориях // Актуальные проблемы частного и публичного права: сборник статей по материалам межрегиональной научно-практической конференции (Волгоград, 12 октября 2012 г.). – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – С. 127–134.

2. *Живихина И. Б., Филиппов П. М.* Гражданско-правовые средства защиты интересов собственника при прекращении права собственности // Гражданское право. – 2011. – № 4. – С. 25–28.

3. *Зелер В. Ф.* Учение о праве общей собственности по римскому праву. – Харьков: тип. А. Дарре, 1895. – 233 с.

4. *Зинченко Н. В., Филиппов П. М.* Необходимость обеспечения публичных интересов как критерий ограничения права собственности // Социальные и правовые механизмы оказания публичных услуг: теория, практика, перспективы: сборник статей по материалам всероссийской научно-практической конференции (Волгоград 29-30 ноября 2013 г.). – Волгоград: ООО «Арт линия», 2013. – С. 54–58.

5. *Право собственности: пределы и ограничения / Камышанский В. П.; науч. ред. П. М. Филиппов.* – М.: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2000. – 303 с.

6. *Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю.* О субъективном праве добросовестного приобретателя на вещь, полученную от неуправомоченного отчуждателя // Гражданское право. – 2009. – № 3. – С. 34–38.

В. Д. Рузанова

заведующая
кафедрой гражданского и
предпринимательского права
Самарского университета
кандидат юридических наук,
доцент
vd.ruz@mail.ru

Е. В. Рузанова

доцент кафедры гражданского
и предпринимательского права
Самарского университета
кандидат юридических наук
e.v.ruzanova@mail.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ И СЕМЕЙНО-ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ ДЕТЕЙ

CIVIL-LAW AND FAMILY-LEGAL PROTECTION MECHANISMS OF THE PROPERTY RIGHTS OF THE CHILDREN

В статье на основе межотраслевого подхода предпринята попытка выявить механизмы защиты имущественных прав детей, возникающих на стыке гражданского и семейного права. Сделан вывод о том, что взаимоотношения между родителями и детьми в имущественной сфере не полностью укладываются в рамки существующих гражданско-правовых конструкций. Предлагается пересмотреть механизмы совершения сделок с участием несовершеннолетних, расширить понятие «дополнительные расходы», на новый уровень поднять защиту детей в случае причинения им вреда родителями, усилить гарантии имущественных прав детей при разделе общего имущества супругов-родителей, а также в случае приобретения жилого помещения при помощи мер социальной поддержки. Автором вносится целый ряд предложений по совершенствованию действующего законодательства, в том в числе в направлении гармонизации гражданско-правового и семейно-правового регулирования в этой сфере.

Ключевые слова: имущественные права; дети; родители; опекун; попечитель; сделки; причинение вреда; потерпевший; раздел общего имущества супругов; меры социальной поддержки.

In this article, the identification mechanisms for the protection of the property rights of children arising at the interface of civil and family law based on an inter-branch approach are studied. The author states that the property relationship between parents and children does not fully fit into the framework of the existing civil legal constructions. It is proposed to revise the mechanisms in order to make transactions involving minors, to expand the concept of «additional expenses», to raise the protection of children to a new level in case of injury inflicted by their parents, to strengthen the guarantees of property rights of children when dividing the common property of spouses-parents, as well as in the case of the acquisition of residential premises using social support measures. The author makes a number of proposals to improve the current legislation, including in the direction of striking balance between civil and family law regulation in this sphere.

Keywords: property rights; children; parents; guardian; custodian; transactions; infliction of injury; injured person; division of common property of spouses; social support measures.

В современных условиях развитие законодательства идет по пути преимущественно комплексного регулирования общественных отношений, что предопределяется усложнением системы социальных связей. С учетом этого в юридической науке актуализируется вопрос об активизации внедрения межотраслевого подхода к исследованию правовых явлений, в том числе в сфере формирования системы межотраслевых механизмов защиты имущественных прав детей.

Права несовершеннолетних граждан – это сложный комплексный правовой институт, нормы которого содержатся в актах конституционного, гражданского, семейного, жилищного, трудового законодательства, законодательства в сфере социального обеспечения и др. Как справедливо подчеркивается в литературе, генезис института прав несовершеннолетних является результатом эволюции правовой теории и практики, начавшейся в глубокой древности и продолжающейся в настоящее время¹. В отношении имущественных прав детей наиболее тесно и многообразно проявляется связь гражданского и семейного права, сви-

¹ См.: Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С. Права детей и их охрана: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. – С. 14.

детельствующая о наличии так называемых «зон совместного регулирования», возникающих на стыке смежных отраслей права и выступающих в качестве отражения единства правового пространства. Следует подчеркнуть, что сегодня нередко наблюдается так называемая «отраслевая разобщенность» при регулировании в сфере имущественных прав детей, которая должна быть устранена путем проведения работы по совершенствованию законодательства. Подтвердим сказанное путем анализа примеров, свидетельствующих о несогласованности правового регулирования и настоятельной необходимости формирования системы защиты имущественных прав детей.

Прежде всего, действующее гражданское законодательство не учитывает тот факт, что взаимоотношения между родителями (усыновителями) и детьми в имущественной сфере не полностью укладываются в рамки существующих гражданско-правовых конструкций. К сожалению, процесс совершенствования ГК РФ практически не коснулся вопросов, связанных с необходимостью адекватного учета особенностей таких связей. Между тем многие длительное время обсуждаемые в доктрине практические проблемы до сих пор не получили своего легального разрешения, в частности, вопрос о необходимости пересмотра правового механизма совершения сделок с участием несовершеннолетних¹. Ученными и практиками неоднократно предлагалось адаптировать положения п. 3 ст. 37 ГК РФ и п. 3 ст. 182 ГК РФ, устанавливающие соответствующие запреты и ограничения при заключении сделок, к сделкам между родителями (усыновителями) и детьми, поскольку названные нормы противоречат существу таких отношений. Робкие шаги в этом направлении сделаны путем внесения в п. 3 ст. 182 ГК РФ изменений, устанавливающих возможность определения в законе исключений из указанного общего запрета. Но этого совершенно недостаточно, поскольку ввиду развития рыночных отношений сделки с участием детей получают все большее распространение и становятся обычной договорной практикой.

¹ См., например: *Осинова С. В.* К вопросу о приобретении жилых помещений для малолетних. Тенденции развития частного права в условиях рыночной экономики: сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – С. 207-210;

Камышанский В.П. Конституционные ограничения права собственности // Российский судья. 2004. № 4. С. 22-23.

С учетом изложенного требует наполнения гражданско-правовым содержанием закрепленное п. 4 ст. 60 СК РФ право совместно проживающих детей и родителей владеть и пользоваться имуществом друг друга по взаимному согласию. С точки зрения гражданского права «взаимное согласие» в данном случае означает совершение сделки между ребенком и родителем, которая не может быть совершена в силу установленного легального запрета (п. 3 ст. 37 ГК РФ).

Большое практическое значение имеет и вопрос о взаимосвязи между имущественными обязанностями несовершеннолетних детей и семейно-правовой обязанностью родителей их содержать (п. 1 ст. 80 СК РФ). Права ребенка как участника гражданско-правовых отношений могут быть связаны с определенным имущественным бременем (несением расходов на содержание жилого помещения, уплатой налогов и пр.). Нередко родители принимают на себя такие обязанности добровольно и исполняют их за счет своих собственных средств. Возникает вопрос: являются ли они исполнением их собственной семейно-правовой обязанности по содержанию детей или же имеет место добровольное исполнение имущественной обязанности за ребенка? Полагаем, что на этот вопрос не существует однозначного ответа, поскольку правовая природа таких затрат может быть различной. Мы разделяем мнение авторов, считающих, что понятие «материальное содержание» шире понятия «алименты», и рассматривающих первое как материальное обеспечение, необходимое для создания нормальных условий жизни и развития ребенка¹.

С этих позиций проанализируем несколько часто встречающихся в жизни ситуаций. Например, согласно ч. 2 ст. 69 ЖК РФ, солидарная ответственность по обязательствам, возникающим из договора социального найма, лежит только на дееспособных и ограниченных судом в дееспособности членах семьи. Как видим, в данном случае несение имущественного бремени, в том числе в части, падающей на детей, по смыслу ЖК РФ распределяется между всеми дееспособными членами семьи нанимателя. Применительно к родителям (усыновителям) ребенка такие имущественные затраты следует рассматривать в качестве исполнения их обязанности по созданию нормальных условий проживания детей.

¹ См., например: *Беспалов Ю. Ф.* Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. – М.: Владимир; Атлас, 2008. – С. 40–44.

В современных условиях дети нередко являются собственниками имущества, в том числе и недвижимого, и они как собственники должны нести бремя его содержания. Однако если, например, квартира, принадлежащая ребенку на праве собственности, – это его единственное место проживания, а собственных источников доходов у него нет, то расходы по поддержанию имущества несовершеннолетнего в надлежащем состоянии, покрываемые родителями, вполне можно было бы рассматривать в качестве материального содержания ребенка, необходимого для обеспечения нормальных условий его проживания и развития. Поэтому предлагаем расширить понятие дополнительных расходов и предоставить суду право (с учетом конкретной ситуации и материального положения родителей и детей) привлекать родителей к их несению, но только в случае, если размер алиментов не позволяет их покрыть (в соответствующей части). За этими пределами несение родителями (усыновителями) тех или иных затрат следует квалифицировать как добровольное исполнение ими имущественных обязанностей за ребенка.

Особой защиты требуют права детей и в качестве потерпевших в деликтных обязательствах, возникающих между ними и их законными представителями. У ребенка, как у потерпевшего, возникает совокупность правомочий, представляющая собой субъективное право на возмещение причиненного вреда, являющееся составной частью правового статуса личности¹. В юридической литературе данный вопрос не получил широкого освещения. О возможности привлечения родителей к ответственности за причинение вреда своим детям говорил Н. С. Малеин². Ю. Ф. Беспалов предлагает предусмотреть в СК РФ правило о том, что в случае удовлетворения иска о лишении родительских прав или об отмене усыновления, в обязательном порядке должен подлежать возмещению вред, причиненный здоровью ребенка его родителями (усыновителями)³. В доктрине существует и более широкая постановка вопроса. Например, А. Е. Тарасова исходит из того, что к гражданско-правовой ответственности в соответствии с нормами гл. 59 ГК РФ должны привлекаться все лица, причи-

¹ См.: Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград, 2009. – С. 72–74.

² См.: Малеин Н. С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 19.

³ См.: Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. – С. 263–264.

нившие вред ребенку, независимо от правовой природы связи с ним, и предлагает внести в ГК РФ специальные положения об ответственности указанных лиц, с чем нельзя не согласиться¹.

Считаем, что ребенок, имеющий родителей, юридически менее защищен от неправомерных действий последних, нежели ребенок, находящийся под опекой, от неправомерных действий опекунов и попечителей, что находит отражение в следующем. Во-первых, в законе прямо предусмотрена ответственность опекунов и попечителей за вред, причиненный по их вине личности или имуществу ребенка, но не родителей (усыновителей) (ст. 26 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ² «Об опеке и попечительстве»; далее – Закон об опеке). Во-вторых, у органа опеки и попечительства отсутствует обязанность по защите прав несовершеннолетних при причинении им вреда родителями (усыновителями). Считаем, что по аналогии с правилами, установленными для опекунов и попечителей, на орган опеки и попечительства следует возложить обязанность по предъявлению исков о возмещении убытков, причиненных несовершеннолетнему, если у него нет родителей или родители (усыновители) не могут (или не желают) такой иск предъявлять, либо когда родители (усыновители) сами являются причинителями вреда ребенку (ст. 26 Закона об опеке). Данная обязанность должна быть закреплена в качестве задачи указанных органов по защите прав и интересов детей, имеющих родителей, но нуждающихся в защите.

Полагаем, что о деликтной ответственности родителей (лиц, их заменяющих) следует говорить не только в случае причинения ими вреда ребенку, например, преступлением против здоровья, жестоким обращением с ним, уничтожением его имущества и т. п., но и в ситуациях, когда вред является следствием ненадлежащего исполнения этими лицами своих обязанностей или злоупотребления правами. В последнем случае деликт как основание возникновения указанных обязательств будет носить семейно-правовой, а последствие (возмещение вреда) – гражданско-правовой характер. В литературе можно найти справедливое утверждение о том, что в таких случаях компенсации должен подлежать и моральный вред, поскольку неправомерными дей-

¹См.: Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 274–275.

² Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 17, ст. 1755.

ствиями родителей или лиц, их заменяющих (психическое насилие, оставление ребенка без пищи, без теплой одежды в холодный период и т. п.), ребенку причиняются не только физические, но и нравственные страдания¹. Вместе с тем в доктрине предлагается ввести в семейное законодательство специальную норму о компенсации морального вреда, причиненного несовершеннолетнему².

Как отмечает Ю. Ф. Беспалов, в настоящее время по делам о лишении родительских прав и об отмене усыновления суд ограничивается только присуждением алиментов и вопрос о возмещении вреда ребенку даже не ставится, что нельзя признать справедливым³. Предлагаем сделать прямые отсылки к гл. 59 ГК РФ как к способу защиты прав несовершеннолетнего гражданина во всех статьях, связанных с возможным причинением вреда ребенку, а именно: при лишении родительских прав (ст. 61 СК РФ), отмене усыновления (ст. 141 СК РФ), отстранении опекуна или попечителя от исполнения возложенных на них обязанностей (ст. 29 Закона об опеке), прекращении договора о приемной семье (ст. 153.2 СК РФ).

Вопросы защиты прав детей-потерпевших в рассматриваемых обязательствах непосредственно связаны с проблемой, касающейся вины потерпевшего, на теоретической части которой нет необходимости останавливаться ввиду ее подробного освещения в литературе. Отметим только, что иногда действия малолетнего способствуют причинению (увеличению) ему вреда третьим лицом. В этом случае следует говорить о вине его родителей (усыновителей, опекунов), состоящей в неосуществлении с их стороны должного воспитания и надзора. Данное обстоятельство нельзя не учитывать при возложении обязанности по возмещению вреда. Мы исходим из того, что в целях соблюдения прав ребенка возмещение вреда должно осуществляться в полном объеме, а причинителю вреда (или иным лицам, возместившим вред) следует предоставить право предъявлять соответствующее требование к законным представителям потерпевшего, исходя из степени их вины. Предлагаем в ст. 1081 ГК РФ закрепить возможность при-

¹ См., например: Беспалов Ю. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью ребенка // Российская юстиция. – 1998. – № 10. – С. 24–25.

² См.: Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С. Указ. соч. С. 77–78.

³ См.: Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. – С. 264.

влечения в порядке регресса к ответственности законных представителей с учетом степени их вины за действия малолетнего, способствовавшие причинению (увеличению) ему вреда третьим лицом.

В ГК РФ не говорится о возможности учета вины лица в возрасте от 14 до 18 лет как потерпевшего. Н. С. Малеин писал, что если действия такого лица как потерпевшего являются виновными, то должен применяться принцип смешанной ответственности¹. Полагаем, что если закон за несовершеннолетним признает деликтоспособность, то нет никаких препятствий для распространения на него действия правил об учете вины потерпевшего, поскольку в основе данных легальных решений лежат одинаковые психологические предпосылки. В связи с этим предлагаем в п. 3 ст. 26 ГК РФ указать, что на несовершеннолетнего как потерпевшего распространяются правила ст. 1083 ГК РФ об учете вины потерпевшего.

Выявление механизмов защиты имущественных прав несовершеннолетних – достаточно актуальный вопрос и при разделе общего имущества супругов-родителей. Такая защита должна обеспечиваться при определении состава подлежащего разделу имущества (п. 5 ст. 38 СК РФ) и размера долей в этом имуществе, при решении вопроса о передаче того или иного имущества в натуре. Например, супруги практически ничем не ограничены при закреплении в соглашении о разделе размера их долей в общем имуществе. Однако в этом случае могут быть ущемлены права детей, остающихся, например, проживать с родителем в квартире, в отношении которой соглашением установлена незначительная доля и т. д. Представляется, что в СК РФ (по аналогии с брачным договором) целесообразно установить (помимо общей отсылки к ГК РФ) специальный перечень оснований недействительности соглашения о разделе общего имущества супругов, в частности, в случае нарушения таким соглашением прав детей.

Специальных мер защиты требуют права детей на жилые помещения, приобретенные за счет мер социальной поддержки. Положения специальных законов, устанавливающих вид права общей собственности на такое жилое помещение, не всегда согласуются с нормами СК РФ о совместной собственности супругов, поскольку участниками общей собственности выступают не толь-

¹ См.: Малеин Н. С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. – М.: Госюриздат, 1962. – С. 7.

ко супруги, но и их дети. На такое жилое помещение нередко возникает некая «множественность» режимов, что является серьезным препятствием в осуществлении права собственности на данный объект. Считаем возможным для этих случаев (которые в настоящее время уже легально типизированы) установить в СК РФ исключения из общих правил о совместной собственности супругов с отсылкой к положениям ГК РФ об общей долевой собственности.

Изложенное позволяет прийти к заключению, что на современном этапе основным направлением совершенствования гражданского и семейного законодательства в целом, а также в отношении имущественных прав детей должно стать устранение несогласованности внутри «зон их совместного регулирования».

Библиографический список

1. Беспалов Ю. Возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью ребенка // Российская юстиция. – 1998. – № 10. – С. 24–26.
2. Беспалов Ю. Ф. Семейно-правовое положение ребенка в Российской Федерации. – М.: Владимир; Атлас, 2008. – 324 с.
3. Камышанский В.П. Конституционные ограничения права собственности // Российский судья. 2004. № 4. С. 22-23.
4. Малев Н. С. Возмещение вреда при повреждении здоровья несовершеннолетних. – М.: Госюриздат, 1962. – 66 с.
5. Осипова С. В. К вопросу о приобретении жилых помещений для малолетних. Тенденции развития частного права в условиях рыночной экономики: сборник научных трудов. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2009. – С. 207–210.
6. Тарасова А. Е. Правосубъектность граждан. Особенности правосубъектности несовершеннолетних, их проявления в гражданских правоотношениях. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 320 с.
7. Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград, 2009. – 248 с.
8. Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С. Права детей и их охрана: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. – 92 с

А. Н. Садков

начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД
России
кандидат юридических наук,
доцент
andreasadkov@mail.ru

Н. В. Котельников

заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградской академии МВД
России
кандидат юридических наук,
доцент
nivako26@yandex.ru

**ПРОБЛЕМАТИКА ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО
ПРЕСТУПЛЕНИЕМ, В РАБОТАХ
ФИЛИППОВА ПЕТРА МАРТЫНОВИЧА**

**THE ISSUE OF COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY A
CRIME AS FEATURED IN THE WORKS OF FILIPPOV PETER
MARTYNOVICH**

В статье авторами исследованы основные вопросы о восстановлении имущественной сферы лиц, потерпевших от преступной деятельности, отраженные в научных работах П. М. Филиппова. Показана значимость проблематики защиты прав потерпевших для формирования позитивного имиджа правоохранительных органов. Авторы выступают сторонниками идеи о необходимости активного использования потенциала различных процессуальных действий для установления объема причиненного вреда. Во всех работах П. М. Филиппова, касающихся проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением, сделан вполне обоснованный вывод: от того, как следователь или дознаватель сможет обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, во многом зависит представление людей о справедливости, о работе правоохрани-

Проблематика возмещения вреда, причиненного преступлением, в работах Филиппова Петра Мартыновича

тельной системы, о силе государства. Обеспечение гражданского иска по уголовному делу включает в себя совершение ряда действий (при обнаружении, изъятии и описи имущества, передаче его на хранение и др.), а участие потерпевшего в их выполнении ускорит поиск похищенных вещей и предметов.

Ключевые слова: возмещение вреда; деликатные обязательства; преступление; потерпевший; убытки; возмещение убытков; конфискация; право собственности; юридическая ответственность; законный интерес; защита субъективного гражданского права.

In this study, the main issues of research on the restoration of the property of persons who have suffered from criminal activities as featured in the scientific works of P. M. Filippova are researched. The importance of the protection of the rights of victims in order to create a positive image of employees of the state law enforcement service and law enforcement bodies is emphasized, the idea of active use of the potential of various proceedings to establish the extent of the harm caused is supported. In the works by P. M. Filippova, dealing with the issue of compensation for harm caused by a crime, the idea on how an investigator can provide compensation for harm caused by a crime depends on people's perception of justice, the work of the entire law enforcement system, and the strength of the state. Ensuring a civil lawsuit in criminal cases is a more effective way of engaging the victim in carrying out a variety of investigative actions and this can speed up the search for stolen items and objects.

Keywords: compensation of harm; considerate liabilities; crime; victim; damages; compensation for damages; confiscation; property right; legal liability; legitimate interest; protection of subjective civil law.

В соответствии с нормами ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации ¹ (УПК РФ) важнейшим назначением уголовного процесса является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Это предполагает не только выявление, расследование и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, но и осуществление следственными органами и органами дознания деятельности по установлению и возмещению вреда, причиненного преступлением, что для потерпевшего имеет важнейшее значение.

Ежегодно в нашей стране совершается значительное количество преступлений. Только с января по август 2018 года сотрудниками органов внутренних дел зарегистрировано 1329,9

¹ См.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 52 (часть I), ст. 4921.

тысяч преступлений. Из них – 85,2 тысяч (6,4 % от общего количества преступлений) относятся к категории преступлений экономической направленности, ущерб от которых за указанный период (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 309,9 млрд рублей.¹

Проблематике возмещения вреда, причиненного преступными действиями, посвящено более десяти научных и методических работ доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста Российской Федерации, Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Филиппова Петра Мартыновича. И хотя большинство из них опубликованы в 70–80-е гг. прошлого века, они не утратили актуальность в наше время.

Среди трудов П. М. Филиппова, посвященных обеспечению прав потерпевших от преступных посягательств, особо следует отметить учебное пособие «Деятельность следователя по возмещению материального ущерба и обеспечению конфискации», подготовленное им в соавторстве с Е. П. Темушкиным под редакцией Н. И. Авдеенко². В названном пособии П. М. Филиппов в простой и доступной для восприятия форме раскрывает суть деятельности правоохранительных органов по установлению материального ущерба, причиненного преступлением, определению круга лиц, заинтересованных в возмещении ущерба, показывает специфику отражения в процессуальных документах следственных действий по возмещению материального ущерба, причиненного преступной деятельностью.

П. М. Филиппов подчеркивает, что органы предварительного следствия и дознания, независимо от того, заявлен иск в уголовном деле или он будет заявлен в будущем, должны принять все необходимые меры для обеспечения правильного и быстрого разрешения вопроса о материальном ущербе³. По мнению П. М. Филиппова, совершение процессуальных действий, направленных на реальное в будущем возмещение вреда, причиненного пре-

¹ См.: Состояние преступности – январь – август 2018 г. URL: <http://www/media.mvd.ru/files/application/1393771/> (дата обращения: 23.09.2018).

² См.: *Филиппов П. М., Темушкин Е. П. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба и обеспечению конфискации: учеб. пособие / под ред. Н. И. Авдеенко.* – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1982. – 48 с.

³ См.: *Филиппов П. М., Темушкин Е. П. Деятельность следователя по возмещению материального ущерба и обеспечению конфискации: учеб. пособие / под ред. Н. И. Авдеенко.* – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1982. – С. 4.

ступлением, – одна из важнейших обязанностей органов, производящих дознание и следствие.¹

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации² (УК РФ) определяет, что за совершение преступления к лицу, признанному виновным в совершении преступления, применяются меры государственного принуждения, назначаемые по приговору суда (ст. 43). Видами уголовных наказаний в соответствии со ст. 44 УК РФ являются штраф; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; обязательные работы; исправительные работы; ограничение по военной службе; ограничение свободы; принудительные работы; арест; содержание в дисциплинарной воинской части; лишение свободы на определенный срок; пожизненное лишение свободы; смертная казнь.

Анализ вышеизложенного позволяет утверждать, что суть уголовной ответственности – это ответственность физического лица за виновное и противоправное нарушение правил поведения в обществе; ответственность лица, совершившего преступление, перед законом, перед всем обществом. При этом преобладающими в достаточно длинном списке уголовных наказаний являются нормы, касающиеся личной ответственности правонарушителя. Ученый П. М. Филиппов справедливо отмечает, что наиболее характерная форма уголовной ответственности – ограничение (лишение) свободы³. Это логично: не хочешь жить по законам общества – значит, должен быть изолирован от общества и находиться в среде таких же лиц, как и нарушитель правил поведения.

Однако привлечение лица к уголовной ответственности не решает одного из важнейших вопросов, касающихся негативных последствий преступления. Нормы Уголовного кодекса РФ ничего не говорят о возмещении (компенсации) потерпевшим вреда, причиненного преступлением. И это с учетом того, что потерпевшему очень важно, чтобы те умаления его субъективных прав, тот вред, который ему причинен преступлением, был возмещен

¹ Там же.

² См.: Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.

³ Об этом подробнее см.: *Филиппов П. М.* Судебная защита и правосудие в СССР. – Саратов: Саратовский ун-т, 1987. – 104 с.

или компенсирован. Для лица, у которого украли автомобиль, важно не только, чтобы вор «сел в тюрьму», но и чтобы ему вернули украденное или возместили стоимость похищенного, чтобы условия жизни лица, потерпевшего от преступления, не ухудшились, в сравнении с теми, которые были до нарушения его прав (права собственности, права на жизнь и здоровье, права на неприкосновенность личности и пр.)¹.

Через все работы П. М. Филиппова, касающиеся вопросов возмещения вреда, причиненного преступлением, красной нитью проходит справедливая мысль: от того, как следователь или дознаватель сможет обеспечить возмещение вреда, причиненного преступлением, во многом зависит представление людей о справедливости, о работе правоохранительной системы, о силе государства².

П. М. Филиппов неоднократно подчеркивал, что для установления объема причиненного вреда следователю (дознавателю) необходимо активно использовать потенциал различных процессуальных действий: допросов, осмотров, обысков, выемок и пр. Следователю (дознавателю) надо отбросить все необоснованные стеснения и смущения при назначении инвентаризаций, документальных ревизий, судебно-бухгалтерских экспертиз³. При этом П. М. Филиппов подчеркивает, что обеспечение гражданского иска по уголовному делу включает в себя совершение целого ряда действий, связанных с обнаружением, изъятием и описанием имущества, передачей его на хранение и т. д., а участие потер-

¹ Причем большинство людей ставят на первое место по значимости для потерпевшего именно вопросы возмещения причиненного ему вреда.

² Об этом подробнее см.: *Филиппов П. М.* Пределы предъявления гражданских исков в уголовном процессе // Проблемы предварительного следствия в свете решений 25 съезда КПСС: Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 18. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978. – С. 100–108; *Медведев М. Ф., Филиппов П. М.* Возмещение средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий // Правовые и организационные вопросы предварительного расследования: Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 17. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – С. 99–105; *Рыженков А. Я., Филиппов П. М.* О возмещении вреда на предварительном следствии: лекция. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. – 28 с.; *Темушкин Е. П., Филиппов П. М.* Вопросы обеспечения в уголовном деле возмещения материального ущерба и возможной конфискации // Правовые и экономические меры борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: сб. науч. тр. / ГВШ МВД СССР. – Горький, 1981. – С. 66–75.

³ См.: *Филиппов П. М., Темушкин Е. П.* Деятельность следователя по возмещению материального ущерба и обеспечению конфискации: учеб. пособие / под ред. Н. И. Авдеенко. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1982. – С. 9.

певшего в выполнении целого ряда таких действий не помешает объективности расследования, а наоборот – ускорит и облегчит поиск похищенных вещей и предметов¹.

Для реального и быстрого восстановления прав потерпевшего, как справедливо считает П. М. Филиппов, необходимым процессуальным действием является производство обыска и наложение ареста на имущество причинителя вреда. Эти действия должны рассматриваться как первоначальные, совершаемые на самых первых стадиях предварительного следствия (дознания), как только в деле появился подозреваемый². Однако ныне действующее уголовно-процессуальное законодательство необоснованно усложнило процесс принятия решения о производстве описи и наложения ареста на имущество подозреваемых и обвиняемых. Если ранее следователь и дознаватель самостоятельно решали этот вопрос, выносили постановления и совершали соответствующие процессуальные действия, то сегодня такую инициативу требуется предварительно согласовать с начальником следственного подразделения (начальником органа дознания), после чего возможность производства описи и наложения ареста на имущество санкционируется судом. К сожалению, нередко это приводит к тому, что когда данный вопрос производства описи имущества подозреваемого (обвиняемого) или наложение на соответствующее имущество решен, то имущества, подлежащего описи и аресту, уже не находят. Вряд ли можно утверждать, что такой порядок способствует повышению уровня защищенности лиц, потерпевших от преступных посягательств.

Поднимая вопросы возмещения вреда, причиненного преступлением, П. М. Филиппов убедительно доказывает, что кроме установления объема вреда, причиненного преступными действиями, очень важно определить круг лиц, заинтересованных в его возмещении, и лиц, обязанных нести имущественную ответственность за действия причинителя вреда³. На наш взгляд, позиция абсолютно верная, так как нередко при совершении пре-

¹ Там же. С. 14–15.

² См.: Рыженков А. Я., Филиппов П. М. О возмещении вреда на предварительном следствии: лекция. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. – С. 8.

³ См.: Рыженков А. Я., Филиппов П. М. Некоторые вопросы применения норм гражданского права при установлении в уголовном деле лиц, заинтересованных в возмещении материального ущерба // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии: сб. науч. тр. / ВСШ МВД СССР. – Волгоград, 1982. – С. 88–94.

ступления вред причиняется не только лицу, непосредственно пострадавшему от преступных действий, но и другим людям, получившим от последнего основные средства для существования.

Имея солидный опыт следственной работы, П. М. Филиппов еще в семидесятых – восьмидесятых годах прошлого столетия обращал внимание на тот факт, что решение вопроса о признании гражданским истцом не должно ограничиваться усмотрением следователя или дознавателя, и отстаивал точку зрения, в соответствии с которой потерпевший и гражданский истец должны обладать равными процессуальными правами, касающимися вопросов возмещения причиненного преступлением вреда, что направлено на более эффективную защиту как личности, так и имущественных субъективных прав участников уголовного процесса.¹

Творческое наследие П. М. Филиппова, посвященное вопросам возмещения вреда, причиненного преступной деятельностью, не только представляется актуальным на современном этапе развития нашего общества, но и должно изучаться действующими сотрудниками правоохранительных органов. Идеи, отраженные в трудах П. М. Филиппова, производны от понятий «добросовестность», «порядочность», «гуманизм» и направлены на достижение справедливости.

Библиографический список

1. *Медведев М. Ф., Филиппов П. М.* Возмещение средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий // Правовые и организационные вопросы предварительного расследования: Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 17. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – С. 99–105.

2. *Рыженков А. Я., Филиппов П. М.* О возмещении вреда на предварительном следствии: лекция. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. – 28 с.

3. *Рыженков А. Я., Филиппов П. М.* Некоторые вопросы применения норм гражданского права при установлении в уголовном деле лиц, заинтересованных в возмещении материального ущерба // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии: сб. науч. тр. / ВСШ МВД СССР. – Волгоград, 1982. – С. 88–94.

¹ Там же. С. 20–21.

4. *Темушкин Е. П., Филиппов П. М.* Вопросы обеспечения в уголовном деле возмещения материального ущерба и возможной конфискации // Правовые и экономические меры борьбы с посягательствами на социалистическую собственность: сб. науч. тр. / ГВШ МВД СССР. – Горький, 1981. – С. 66–75.

5. *Филиппов П. М., Темушкин Е. П.* Деятельность следователя по возмещению материального ущерба и обеспечению конфискации: учеб. пособие / под ред. Н. И. Авдеенко. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1982. – 48 с.

6. *Филиппов П. М.* Судебная защита и правосудие в СССР. – Саратов: Саратовский ун-т, 1987. – 104 с.

7. *Филиппов П. М.* Пределы предъявления гражданских исков в уголовном процессе // Проблемы предварительного следствия в свете решений 25 съезда КПСС: Труды ВСШ МВД СССР. Вып. 18. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1978. – С. 100–108.

В. К. Цечоев
заведующий кафедрой
теории и истории
государства и права
Ростовского филиала
Российского государственного
университета правосудия
доктор юридических наук,
профессор
cechk53@mail.ru

П. М. Ганижева
юрисконсульт
войсковой части 16383
ganizheva87@mail.ru

**СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЛАСТЕЙ:
В КОНТЕКСТЕ МЕХАНИЗМА ГОСУДАРСТВА**

**JUDICIAL POWER AS A PART OF THE SYSTEM OF SEPARATION
OF POWERS IN RELATION TO THE STATE**

Данная статья посвящена вопросам функционирования судебной власти, которая должна осуществляться в рамках совокупности признанных обществом ценностей и не допускать их игнорирования другими ветвями власти. Последнее обстоятельство ведет к формированию собственной политики судебной власти. Наличие самостоятельной политики судебной власти неизбежно в любом государстве, в котором реально действует принцип разделения властей. Отлаживание механизма равновесия различных ветвей власти – процесс, безусловно, сложный и, как показывает история, весьма длительный. Самостоятельность и правовая независимость суда в механизме государственной власти, его неподотчетность каким-либо другим органам, включая парламент, не означает, что иные ветви власти вообще

лишены возможности влияния на него.

Ключевые слова: судебная система; суд; механизм государства; судебное правотворчество; норма права; закон; общество; судопроизводство; Конституция РФ.

This article examines the judicial power, which must act within the totality of the values recognized by society and not allow them to be ignored by other branches of government. The latter circumstance leads to the formation of its own policy of the judiciary. The existence of an independent policy of judicial power is inevitable in any state in which the principle of separation of powers actually operates. The debugging of the mechanism of equilibrium of the various branches of the power process is, of course, and, as history shows, very long. Independence and legal independence of the court in the mechanism of state power, its non-accountability to any other bodies, including the parliament, does not mean that other branches of power are generally deprived of the possibility of influencing it.

Keywords: judicial system; court; mechanism of the state; judicial law-making; legal standard; law; society; legal proceedings; Constitution of the Russian Federation.

Определить роль судебной системы в механизме государства будет невозможно, если в процессе анализа объективной реальности, каковым он является, упустить из вида то необычайно важное значение, которое право приобрело в жизни человечества в настоящее время. Для многих это звучит пока еще непривычно, но суды разрешают споры (по крайней мере, должны разрешать) не на основании законов (так называемых внутренних), которые «порой не стоят и той бумаги, на которых напечатаны», а на основе норм права.

Поскольку судебная власть в современной России осуществляется в основном посредством гражданского (арбитражного) и уголовного судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ), то приведенное выше положение Основного закона страны в начале XXI века последовательно было инкорпорировано во все новейшие процессуальные кодексы РФ. Что касается отечественного конституционного судопроизводства, не чужды подобному правосознанию и российские судьи. 21 января 2003 года на торжествах, посвященных празднованию 80-летия Верховного Суда РФ, Председатель Конституционного Суда РФ М. Баглай весьма откровенно заявил, что правовое государство – это государство судей. Хотя позднее данное суждение попытался оспорить Президент РФ В. В. Путин, утверждая, что в основе правового государства все-таки право, а не судьи, было ясно, что

судья, как минимум, «глашатай» права, а фактически судья – это форма жизни права.¹

Существуют очевидные объяснения этому явлению. Одно из них – растущая «юридификация» общества. Увеличилось количество законов; все новые и новые сферы общественной жизни подвергаются юридическому регулированию. Возросло число юристов. Люди чаще прибегают к праву в целях урегулирования взаимоотношений, разрешения споров по вопросам, которые прежде находились вне сферы его действия. В свою очередь, «юридификация» порождает «юстиализацию». Расширение круга регулируемых законом отношений, ожидание присуждения возмещения за любой вред, причиненный интересам и убеждениям, приводят к тому, что к судьям обращаются для защиты как правовых, так и моральных норм, законных ожиданий, справедливости, в целях исполнения обещаний. Характерная черта «юстиализации» – расширение сферы судебного контроля за законодательством.

Роль судебной власти в обеспечении баланса механизма государства переоценивать не стоит. Во-первых, само по себе наличие компетентного, всеми уважаемого суда, соблюдение им при рассмотрении спора всех апробированных временем судопроизводственных процедур, правильное применение норм материального права еще не гарантия того, что социальный конфликт будет разрешен. Порой принятое судом решение является безусловно законным, внешне выглядит идеально обоснованным, но это еще не означает, что обществом оно воспринимается как исчерпывающее, оптимальное, справедливое. Случается, что у такого судебного решения есть только одно достоинство – оно в споре последнее.

Как правило, суды практически реализуют принципы своей деятельности через систему судебных правил, директив и предписаний. Судебное нормотворчество – существенный и в то же время противоречивый аспект работы судов. В прошлом веке их деятельность в процессуальной сфере и в области внутреннего управления определялась законодательными органами, поэтому суды не обладали широкими полномочиями в осуществлении собственного нормотворчества. Иногда законодательные органы предусматривали для судов некоторые процедурные и

¹ Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юрист, 2003. – С. 107.

административные полномочия, но чаще определяли жесткие правовые ограничения, препятствующие эффективному внутрисудебному управлению.¹ Тем не менее следует отдать должное органам законодательной власти в том, что ранее ими были разработаны и внедрены более совершенные процессуальные нормы, пришедшие на смену сложным и запутанным процессуальным схемам, характерным для начала XIX века.

Американские юристы склонны считать, что суды США в XX столетии добились определенных успехов в том, чтобы побудить законодателей признать различие между материальным правом, являющимся чисто законодательной прерогативой, с одной стороны, а с другой – судебными процессуальными нормами, правилами представления доказательств, а также вопросами внутрисудебного управления, которые более успешно могут определяться самими судебными органами. В результате этого в 1934 году Конгресс США наделил Верховный суд Соединенных Штатов правом определять нормы для федеральной судебной системы, зарезервировав за собой право вносить в них изменения. Федеральное нормотворчество, в особенности, в сфере гражданских исков, в полной мере доказало свою эффективность, и его принципы были использованы в качестве модели многими штатами.

Правда, юристы США отмечают, что законодательные органы часто противятся тому, чтобы разрешить судам осуществлять законодательную функцию через собственную систему норм, и, как правило, не хотят рассматривать на паритетных началах судебные нормы и законы, дабы нормы имели преимущество при конфликте положений законов. Одно из опасений законодателей связано с тем, что судьи вырабатывают нормы в относительно узком кругу, иногда привлекая сторонних юристов, но при этом редко советуясь с общественностью. В большинстве своем законодатели признают, что судебные процессуальные нормы эффективнее регулируются решениями самих судебных органов, но в то же время они часто оставляют за собой право вносить в них изменения, то есть действуют в соответствии с практикой, принятой Конгрессом США. В целом

¹ Лебедев В. М. Становление судебной власти и судебной системы России: проблемы, достижения, перспективы // Судебная реформа: итоги, приоритеты, перспективы. Материалы конференции. – М.: Изд-во МОНФ, 1997. – С. 7–20.

процессуальные правила касаются порядка принятия решений по судебным делам, в частности, по таким вопросам, как определение сроков представления документов. Вместе с тем остаются неопределенными конкретные области выработки норм судопроизводства, поскольку многие процессуальные правила затрагивают сферу материальных интересов и личных прав граждан.

Применение судами процессуальных норм связано со значительными административными и финансовыми последствиями, но эти процессуальные нормы не затрагивают административных вопросов, проистекающих непосредственно из рассмотрения конкретных судебных дел.¹ Поэтому суды принимают лишь административные нормы, касающиеся выполнения судами действующих стандартов и порядка организации работы, обеспечивающего своевременное рассмотрение судебных дел. Нередко органы законодательной власти ставят под сомнение право судов разрабатывать собственные административные правила. В этом случае законодательные органы могут зарезервировать за собой право осуществлять внутреннее регулирование деятельности органов судебной власти, определения их территориальной и предметной юрисдикции, сроков и мест проведения судебных заседаний, количества и видов персонала, а также ряда других вопросов, относящихся к административной деятельности судов. Иногда законодательные органы определяют стандарты продолжительности рассмотрения судебных дел и меры, направленные на повышение эффективности работы судов.

Ввиду недостаточно четкого определения границ судебного нормотворчества отношения между органами законодательной и судебной власти носят динамичный, нередко противоречивый характер. Однако судьям и законодателям удается выработать систему договоренностей. С учетом этого суды наделяются правом разрабатывать процессуальные и административные нормы, над которыми (что случается редко) решения законодательных органов могут иметь приоритет. Иногда эти договоренности находят отражение в законах, облекающих суды определенными полномочиями и констатирующих право судов разрабатывать собственные нормы и правила.

¹ *Гаранон А.* Хранитель обещаний: суд и демократия. – М.: Nota Bene, 2004. – С. 21.

Право судебного органа на самоуправление в значительной мере определяется его возможностями осуществлять собственную нормотворческую деятельность, при отсутствии которой суду последней инстанции трудно решить задачу независимого управления. Проблемой определения места судебной системы в структуре государственной власти озабочены многие исследователи государства и права. Так, Председатель Верховного суда Израиля А. Барак пишет: «Судья, осуществляющий усмотрение, действует как часть судебной власти. Его судебское усмотрение должно соответствовать фундаментальным концепциям отношений между судебной властью и другими властями государства. Эти фундаментальные концепции исходят из общественных воззрений на демократию и на разделение властей. На эти воззрения влияет общественное воззрение на судебную функцию. Таким образом, судебское правотворчество есть не только форма правотворчества или его основная форма. Другие ветви власти тоже творят право. С универсальной точки зрения судебское правотворчество должно быть гармонизировано с этим всеобщим правотворчеством. Судья только музыкант в целостном правовом оркестре, и его мелодия должна быть созвучна со всем концертом».¹

Итак, автор, признавая за судьей роль «музыканта в целостном правовом оркестре», подчеркивает, что правотворчество отнюдь не главная и не «основная форма правотворчества», а то, какое место судебское усмотрение займет в государственном управлении, во многом зависит «от общественного воззрения на судебную функцию». Участие суда в правотворчестве, а следовательно, и в управлении государством путем формирования определенной политики А. Барак рассматривает через призму народного представительства. Он подчеркивает, что «судьи не представляют свою платформу обществу, не идентифицируют себя с ней, не принимают заранее на себя ее осуществление и не защищают ее. Общество не имеет возможности предпочесть или отвергнуть их на основании идей и программ, открыто представленных ими».²

«Действительно, фундаментальные черты судейства – это независимость и беспристрастность. Чтобы обеспечить соблюдение этих фундаментальных принципов, установлены

¹ Барак А. Судейское усмотрение. – М.: Норма, 1999. – С. 255.

² Барак А. Указ. соч. С. 256.

различные правила. Они требуют, чтобы судья не был подотчетен обществу или его представителям. Он не подвержен вотуму недоверия». Статус судьи находится вне критики, до тех пор пока у него не возникает обязанности принять решения по социально значимому делу. Принимая такое решение, он, как и любой иной управленец, выбирает «одну из некоторого числа возможностей. Это решение достигается чаще всего путем занятия определенной позиции по отношению к различным ценностям, которые борются за верховенство. Каким бы не было решение, судья, таким образом, определяет политику общества».¹

Подобная практика противоречит основным принципам демократии, согласно которым политика в государстве определяется либо непосредственно народом, либо им через своих представителей, а не судьями. Вывод критиков о наделении суда правотворческими функциями категоричен; коррекция политических целей судом – «недемократический элемент». П. Делвин об этом пишет: «Большой соблазн – отвести судебной власти роль элиты, которая будет объезжать перегруженные дороги демократического процесса. Но это был бы только кажущийся обход. В действительности это был бы путь, который никогда бы не приводил на магистральное шоссе, но неизбежно, хотя и долго, путая следы, вел бы к тоталитарному государству».²

Действительно ли демократия и судебное правотворчество абсолютно несовместимы? А если наличие данного противоречия вовсе недопустимо, то каковы пути его устранения? Интересные рассуждения по данному вопросу принадлежат А. Бараку. Он пишет: «Если в действительности существует противоречие между судебским усмотрением и демократией, его по-видимому, можно устранить любым из двух путей. Во-первых, путем исключения из подсудности судов трудных (политических) дел. При их отсутствии суд не устанавливает политику и избегает конфликта. Во-вторых, преобразуя суд в представительный орган, подотчетный обществу».

Однако, по мнению А. Барака, оба пути невозможны. Относительно первого пути он правильно отмечает, что судебское усмотрение можно сузить, но не исключить совсем. Анализируя второй путь, А. Барак вынужден охарактеризовать его как порочный, поскольку чисто «политическая» модель правосудия (то

¹ Там же.

² Барак А. Указ. соч. С. 258.

есть осуществляемого подотчетными обществу лицами) ведет к его разрушению, так как лишает независимости и беспристрастности. Судебная власть не является представительным органом, а судья неподотчетен обществу (ни прямо, ни представителям общества, например, парламенту). В этом заключается главная сила судьи. И эту силу следует бдительно оберегать, поскольку основная функция судьи – принимать решения.

Итак, исключить участие суда и разрешение политических споров невозможно, а политическая ответственность суда недопустима. Выход из данного противоречия А. Барак усматривает в правильном толковании понятия «демократия». Рассуждая по данному поводу, он справедливо указывает, что демократия имеет далеко не одно измерение. Это не только правление большинства и определение его политики через выборных представителей. Демократия, в первую очередь, – это совокупность определенных ценностей, к числу которых относятся права человека.

Режим, при котором большинство отрицает права меньшинства, – это всего лишь режим, при котором правит большинство, однако это далеко не демократический режим. Демократия не может существовать без соблюдения прав человека. Судья, разрешая социальный конфликт, не вправе отступать от фундаментальных ценностей в пользу большинства, так как при этом он действовал бы против демократических принципов. Таким образом, демократия – это хрупкое равновесие между правлением большинства и определенными ценностями, такими, например, как права человека, а демократический характер государства определяется не представительной природой его органов, а демократическим качеством всего государства в целом¹. Но, формируя политику, опирающуюся на фундаментальные ценности, судья не вправе забывать, что он действует не в пустоте. Выполняя свою функцию в рамках уравнения, в котором одну сторону составляет правление большинства, а другую образуют фундаментальные ценности общества, он должен придерживаться политики национального консенсуса.

Судьи должны способствовать и улучшению общественного

¹ Правовые системы стран мира: энциклопедический справочник. – 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А. Я. Сухарев. – М.: Норма, 2003. – С. 203.

мнения в отношении суда. Желательно, чтобы каждый судья выступал связующим звеном между судебной системой и обществом. Оттого, что судьи публикуют свои статьи, преподают и участвуют в общественной жизни, выигрывает и суд, и общество в целом. В частности, активно участвуя в общественной жизни в своем районе, судья будет лучше понимать проблемы и беспокойства адвокатов, представляющих своих клиентов в том суде, где работает этот судья. Кроме того, общество с пониманием отнесется к нуждам суда и, в свою очередь, окажет суду всяческую поддержку. Судьи должны хорошо понимать свою роль в обществе.

Судья должен стремиться сделать суд настолько открытым для общественности, насколько это позволяет сделать требование о соблюдении конфиденциальности при вынесении осмысленного, тщательно выверенного и согласованного решения. Дело суда – это общественное дело. Поэтому суд должен использовать такие процедуры, которые были бы не столь обременительными для общества и общественной власти в денежном выражении.

Судья Б. Кардозо в своей лекции «Природа судебного процесса» сказал: «Великий ход и течение жизни, которые поглощают все общество, не оставляют в стороне от этого процесса и судей»¹. Судебные решения, даже когда они нацелены на разрешение спора конкретных сторон, должны глубоко проникать в социальную жизнь общества. Таким образом, судьям желательно хорошо знать и понимать круг социальных вопросов², являющихся чаще всего предметом судебного разбирательства.

Подводя итоги, отметим, что судья должен быть заинтересован в совершенствовании права в его служении обществу. Совершенствование права будет способствовать, когда это необходимо, внесению изменений в правовую доктрину, с той целью, чтобы право отвечало меняющимся социальным потребностям общества и развивало концепцию социальной справедливости.

Библиографический список

¹ См.: Токвилль А. Демократия в Америке. – М.: Прогресс, 1992. – С. 275–277.

² См.: Камышанский В.П. О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 5-7.

1. *Абросимова Е. Б.* Очерки российского судоустройства: реформы и результаты. – М.: Институт права и публичной политики, 2009. – 279 с.
2. *Анишина В. И.* Основы судебной власти и правосудия в Российской Федерации. Курс лекций. – М.: Эксмо, 2008. – 272 с.
3. *Битяк Ю. П.* Государственная служба в Украине: организационно-правовые основы. – М.: Право, 2005. – 304 с.
4. *Бондарь В. Н.* Теоретические основы мотивации в контексте повышения эффективности государственного управления // Эффективность государственного управления. – М., 2012. – Вып. 11. – С. 11–16.
5. Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике: международная коллективная монография. – М.: Статут, 2010. – 432 с.
6. *Дегтярев С. А.* Соотношение правовых категорий «правосудие» и «судопроизводство» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2008. – № 8. – С. 5–7.
7. *Загайнова С. К.* Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе. – М., Волтерс Клувер, 2007. – 400 с.
8. *Закирова Д. Г.* Некоторые комментарии к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О подготовке дела к судебному разбирательству» // Арбитражный и гражданский процесс. – 2009. – № 2. – С. 24–36.
9. *Изварина А. Ф.* Судебная власть в Российской Федерации: проблемы организации и развития. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 298 с.
10. *Камышанский В. П.* О количестве и качестве юристов в современной России // Юридическое образование и наука. 2010. № 4. С. 5-9.
11. *Мурадьян Э. М.* Судебная защита: реалии и перспективы // Современное право. – 2009. – № 5. – С. 72–78.

В. К. Цечоев

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук,
профессор
cechvk53@mail.ru

А. Н. Лепявский

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Северо-Восточного государственного университета
alyapa@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА РАБОТНИКОВ ТРЕСТА «ДАЛЬСТРОЙ» В 30-Е ГОДЫ XX ВЕКА

FEATURES OF LEGAL STATE REGULATIONS OF THE LABOR OF EMPLOYEES OF THE “DALSTROY” TRUST DURING THE 30S OF THE 20TH CENTURY

Статья содержит анализ государственно-правового механизма формирования трудовых ресурсов треста «Дальстрой», легшего в основу государственного строительства Северо-Востока СССР в 30-е годы XX в. Затронуты государственные социальные механизмы, направленные на удовлетворение интересов системы социального обеспечения, реализацию административно-территориальных функций политического, социально-экономического, хозяйственного регулирования территорий Колымы. В статье охарактеризована правовая основа для формирования специфического трудового контингента (вольнонаемных квалифицированных работников, разнорабочих, а также заключенных), рассмотрены особенности социального обеспечения указанных категорий. Осуществлена дифференциация трудовых ресурсов на вольнонаемную рабочую силу, вольнонаемных рабочих и служащих из центральных районов, прибывших по так называемой «вербовке», а также лиц из состава организо-

Особенности государственно-правового регулирования труда работников треста «Дальстрой» в 30-е годы XX века

ванной рабочей силы Севвостлага, внесших существенный вклад в развитие Магаданской области.

Ключевые слова: «Дальстрой»; Колыма; государство; право; институты; трудовые ресурсы; льготы; гарантии; заключенные; социальное обеспечение; государственно-правовая политика; трудовой договор; ограничения гражданских прав.

This article contains the analysis of state-juridical mechanisms of “Dalstroy” trust working recourses, which made the basis of state sanctioned development of the Russian North–Easter region in the 1930s. State and social mechanisms aimed at serving the system of interest of social support, administrative and territorial functions of political, socio-economic and management regulations of the Kolyma region are touched upon. The legal basis of forming specific workforce contingent (independent competent workers, unskilled workers and prisoners) and peculiarities of its social support are examined. Differentiation of working resources between independent workforce, independent workers and workers from central region, who were recruited, plus people from organized labor staff of Sevostlag, who contributed greatly to the development of the Magadan region, is made.

Keywords: “Dalstroy” trust; Kolyma; state; right; institutions; working resources; privileges; guarantees; prisoners; social support; state-juridical policy; labor contract; restriction of civil rights.

Действующие в государстве социальные механизмы позволяют обеспечивать функции государства в удовлетворении интересов различных социальных институтов, особенно когда отдельный сектор государства требуется обеспечить экономическими ресурсами.

Освоение обширных территорий Дальнего Востока в начале 30-х годов происходило быстрыми темпами. Геологические разведывательные партии по заданию Сталина занимались освоением новых сырьевых баз, где находились огромные запасы металлов, в том числе драгоценных, необходимые для развития государства в период эпохи индустриализации.

«Дальстрой» после принятия постановления Совета Труда и Оборона от 13 ноября 1931 года № 516 «Об организации государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы «Дальстрой» представлял собой систему административно-территориальных функций политического, социально-экономического, хозяйственного регулирования территорий Колымы, главной задачей которого было создание условий для повышения количества рабочей силы для новых ресурсных баз Северо-Востока СССР. По данным архивных материалов, «для

мобилизации трудовых ресурсов из центральных районов страны стал вопрос о привлечении дополнительной рабочей силы¹.

Так, трудовые ресурсы «Дальстроя» в начале 30-х годов складывались из двух категорий: 1) рабочая сила, состоявшая из старателей, ранее работавших в системе Колымского Главного Приискового Управления; 2) рабочая сила, которая комплектовалась путем привлечения так называемой «вербовки» вольнонаемных рабочих и служащих из центральных районов страны и Северо-Востока СССР (Хабаровска, Владивостока), а также из состава организованной рабочей силы Севвостлага². Из архивных материалов следует, что «в генеральном плане развития народного хозяйства планировались прийти со 100 % вольнонаемной рабочей силой»³.

В конце 30-х объем вольнонаемной рабочей силы в регионе повышался. В 1937 г. численность вольнонаемного населения составила 12 000 человек, в 1939 г. – 26 351 человек, в 1944 г. – 108 794 человека⁴. По состоянию на 1943 г. в системе «Дальстрой» работали 67 841 человек из числа вольнонаемного населения, а количество заключенных – 77 527 человек. Поэтому рабочий контингент треста состоял отнюдь не только из заключенных, о чем нередко пишут современные исследователи. Так, например, А. Н. Пилясов пишет: «До 1934 г. и после 1954 г. в тресте «Дальстрой» были заняты в основном вольнонаемные специалисты. Большинство из них – выходцы из центральных районов, имеющие высокую квалификацию и высшее образование».

В связи с получением «Дальстроем» возможности собирать и использовать на внутренние нужды налоги от перепоступления их против фактической себестоимости золота в регионе существовала проблема нехватки трудовых квалифицированных ресурсов. Использовалась практика «вербовки» квалифицированных специалистов, которую проводили уполномоченные организации в центральных районах страны.

Например, вольнонаемные работники горной промышленности и электростанций «Дальстроя» в начале тридцатых годов получали достаточно высокую заработную плату: начальник при-

¹ ГАМО, Ф.Р.-23, Оп.1, Д.184, Л.10–23.

² Годовой отчет «Дальстроя» за 1932 год // Бацаев И. Д., Козлов А. Г. Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах. В 2-х ч. Ч. 1 (1931–1941). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – С. 72.

³ ГАМО, Ф.Р.-23, Оп.1, Д.494, Л.36.

⁴ ГАМО, Ф.Р.23, Оп.1, Д.17, Л. 39.

Особенности государственно-правового регулирования труда работников треста «Дальстрой» в 30-е годы XX века

иска I категории – 3 000 руб., геолог прииска – 1 800–2 000 руб., начальник участка – 1700–2200 руб., горный мастер (десятник) – до 1 400 руб. в месяц¹. Учитывая, что средняя заработная плата на производстве в СССР составляла 250 рублей, а среднегодовая заработная плата рабочих промышленности в 1931 году – 1513 рублей². В постановлении ЦК ВКП (б) от 11.11.1931 г. говорилось о необходимости разработки льгот, которые будут предоставляться заключенным и вольнонаемным работникам за хорошую работу³. Кроме них имелись в виду и такие льготы, как восстановление в правах гражданства, обеспечение семей добровольно приехавших, повышение оклада, жилищные, иные.

Практиковалось предоставление условно-досрочного освобождения, а заключенным, пробывшим на Колыме не менее года, предоставлялось право на колонизацию⁴. В 1935 г. принято решение об освобождении лиц призывного возраста, которые трудились на предприятиях «Дальстроя», от службы в рядах РККА на весь период их работы⁵.

Программа помощи колонистам (бывшим заключенным) – ссуды, инвентарь и др. – отражала попытку создать здесь постоянные кадры. На базе отраслей, позволяющих хозяйственно обустроить колониста и его семью, вдоль побережья Охотского моря создавались колонпоселки. Трест использовал их сельскохозяйственную и рыбную продукцию.

Вместе с тем высокая заработная плата, ряд льгот и компенсаций не могли обеспечить быстро и в полной мере потребности треста в трудовых ресурсах. Поэтому для мобилизации иногородних специалистов использовали систему «разнарядок», согласно которой по инициативе «Дальстроя» хозяйственные предприятия и учреждения по направляемым заявкам обеспечивали трудовыми ресурсами нужды треста. Так, согласно постановлению СНК СССР от 16.03.1935 г. № 434-64/с все учреждения, кроме

¹ Бацаев И. Д. Колымская гряда архипелага ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, Колымский ГУЛАГ. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – С. 43.

² Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932 г. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. – С. 415.

³ Там же. С. 421.

⁴ Широков А. И. История золотого промысла на Востоке России // Колыма. – 2000. – № 3. – С. 6–7.

⁵ О Дальстрое: постановление СНК СССР от 16 марта 1935 г. № 434-64/с // II Архив УФСБ по Магаданской области. Д. П – 50492. Т. 13. Л. 190.

Народного комиссариата обороны, должны осуществить откомандирование своих сотрудников согласно запросу от «Дальстроя», независимо от выполняемой ими работы¹. В 1940 г. испытывалась, как и ранее, нехватка высококвалифицированных специалистов, в связи с чем было принято совместное постановление ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 04.07.1940 г. № 1159 «О договорах с работниками, направляемыми для работы на Колыму»².

Чрезвычайные методы насыщения трудовыми ресурсами района производственной деятельности «Дальстроя», несмотря на различные меры материального и иного стимулирования, не позволяли решить кадровую проблему. Заключение не представляли собой основы для постоянных трудовых ресурсов³. Однако политика внедрения системы стимулирования труда заключенных в выполнении и перевыполнении планов приносила результаты. К концу 30-х годов разработано положение о денежном поощрении заключенных, предусматривавшее премирование заключенных, задействованных на сложных участках работы. Ставки за единицу переработки времени рассчитывались в соответствии с разрядами на 10 часов рабочего времени. За ненадлежащее отношение к работе администрация лагерных подразделений могла лишиться права на получение премии с формулировкой «за плохое отношение к порученной работе»⁴.

Существовали налоговые льготы, а также разработанная система мер материального поощрения работников государственного треста (ГУСДС НКВД СССР), что должно было привлечь в район «Дальстроя» вольнонаемных специалистов. В 1934 году вопрос социального обеспечения вольнонаемных работников упорядочен следующим образом. Работники делились на три категории – административный, хозяйственный и обслуживающий персонал. Всем работникам выплачивалась так называемая «северная» надбавка в размере 10 %. Впоследствии эту надбавку увеличили

¹ Архив УФСБ по Магаданской области. Д. П – 50492. Т. 13. Л. 190.

² СП СССР. – 1940. – № 18, ст. 435. В дальнейшем практика предоставления льгот и поощрений сохранялась: Об улучшении бытовых условий и расширении льгот для работников Дальстроя НКВД СССР: постановление СНК СССР от 29 окт. 1945 г. № 277 // ГАМО. Ф. Р – 23. Оп. 1. Д. 184. Л. 79–83.

³ Логвинова И. В. Основные этапы развития законодательства о льготах и компенсациях для жителей Крайнего Севера // Магадан: годы, события, люди: тезисы науч.-практич. конф. – Магадан, 1999. – С. 62.

⁴ ГАМО Ф.Р 23, Оп.1, Д. 127, Л. 19.

до 20 %. Общая продолжительность отпуска составляла два месяца для всех категорий работников.

Окончательно процесс распределения льгот и компенсаций упорядочен в соответствии с «Положением о льготах для рабочих, руководящих и инженерно-технических работников Дальстроя МВД СССР»¹. Работникам, занятым в горнодобывающей отрасли, шахтах, рудниках, рабочим производственных предприятий, геологов и т. д. в зависимости от стажа работы были установлены надбавки в размере от 10 до 20 % к должностному окладу. Тем, кто проработал не менее 15 лет и уволился по старости либо инвалидности, служебная квартира предоставлялась в пожизненное пользование.

В целом средний ежемесячный размер заработной платы низкоквалифицированного работника составлял 200 рублей, вольнонаемного рабочей специальности – 300 рублей, служащего – 450 рублей, технических работников – 600 рублей. Начальники горнопромышленных управлений получали заработную плату в пределах 3 000 рублей. Заработная плата руководителей партийных органов достигала 4 000 рублей². В центральных районах страны, к примеру, среднемесячная заработная плата в крупной промышленности достигала 230 руб., у работников железнодорожного транспорта – 227 руб., в управлении центральном общим и ведомственном (СССР и союзных республик) – 427 руб.³

Таким образом, получение трестом «Дальстрой» колоссальных правительственных льгот, объем которых постоянно расширялся⁴ с учетом принятых на местном уровне правовых актов, расширяющих объем льгот и компенсаций для работников треста, имел важное значение для формирования системы социального обеспечения вольнонаемных работников и их семей, а частично и заключенных, что впоследствии создало основу для формирования современного населения Магаданской области, стоявших у основ зарождения развития и становления региона. К

¹ Справочник дифференцированных должностных окладов инженерно-технических работников, служащих и младшего обслуживающего персонала по отраслям хозяйства Дальстроя НКВД СССР. – Магадан: Советская Кольма, 1945. – С. 16.

² ГАМО Ф.Р-23 сс. Оп.1 Д.476. Л.141

³ Численность и заработная плата рабочих и служащих в СССР (Итоги единовременного учета за март 1936 г). – М.: Редакционно-издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР, 1936. – С. 36.

концу пятидесятых годов заложенные основы производственной и социальной инфраструктуры треста позволили сформировать прочную экономическую основу для социального обеспечения людей, привлекаемых на территорию современной Магаданской области в качестве трудовых ресурсов для освоения края.

Библиографический список

1. Архив УФСБ по Магаданской области. Д. П – 50492. Т. 13. Л. 190.
2. *Бацаев И. Д.* Колымская гряда архипелага ГУЛАГ (заключенные) // Исторические аспекты Северо-Востока России: экономика, образование, Колымский ГУЛАГ. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. – 63 с.
3. Годовой отчет «Дальстроя» за 1932 год // *Бацаев И. Д., Козлов А. Г.* Дальстрой и Севвостлаг НКВД СССР в цифрах и документах. В 2-х ч. Ч. 1 (1931–1941). – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2002. – 120 с.
4. Государственный архив Магаданской области, Ф. 16, Оп. 1, Д.16.
5. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 23 Оп. 1. Д. 127.
6. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 23. Оп.1. Д. 17.
7. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 23сч. Оп.1. Д. 184.
8. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 23. Оп. 1. Д. 233.
9. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 23. Оп. 1. Д. 401.
10. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 38. Оп. Д. 1.
11. Государственный архив Магаданской области, Ф. Р. 39. Оп. 4. Д. 5. Л. 5.
12. *Логвинова И. В.* Государственная политика гарантий и льгот на Крайнем Севере (1923-1945 гг.) // Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения. В 2 т. Т. 2. – Издательство Магадан, 1998. – С. 154 -155.
13. *Логвинова И. В.* Основные этапы развития законодательства о льготах и компенсациях для жителей Крайнего Севера

Особенности государственно-правового регулирования
труда работников треста «Дальстрой» в 30-е годы XX века

// Магадан: годы, события, люди: тезисы науч.-практич. конф. – Магадан, 1999. – 162 с.

14. Народное хозяйство СССР. Статистический справочник 1932 г. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1932. – 432 с.

15. Широков А. И. История золотого промысла на Востоке России // Кольма. – 2000. – № 3. – С. 6–12.

В. К. Цечоев

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия
доктор юридических наук,
профессор
cechvk53@mail.ru

В. Е. Зелинский

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия
zelinsky-v@yandex.ru

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ВХОЖДЕНИЕ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО И КАЗАЧЕСТВА В ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ

ON THE EMERGENCE AND ENTRANCE OF THE REGION OF DON COSSACK HOST AND COSSACK CLASS INTO THE LEGAL SPACE OF RUSSIA

В статье в историко-правовом аспекте показана специфика деятельности Петербургской и Московской сыскной полиции. В начале XX в. ведущее место в иерархии уголовно-сыскных органов Российской империи занимала Петербургская сыскная полиция. Успешно функционировала и Московская сыскная полиция, которая по показателям не уступала коллегам из города на Неве. В 1908 г. в связи с учреждением общероссийской системы сыскной полиции в функционировании уголовного сыска Российской империи произошли кардинальные изменения. Авторами проанализированы основные направления работы полиции в борьбе с преступностью в провинциальных городах Российской империи после учреждения общероссийской системы уголовного сыска. В ходе исследования проблем, связанных с претворением в жизнь Закона от 6

Происхождение и вхождение области Войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России

июля 1908 г. «Об организации сыскной части», сделан вывод о том, что, учреждая сыскные отделения (СО) в том или ином городе, законодатель не учел геополитические и экономические особенности ряда регионов, оставшихся без обслуживания СО.

Ключевые слова: полиция; уголовный сыск; Петербургская сыскная полиция; Московская сыскная полиция; общероссийская система уголовного сыска; сыскные отделения; денежное содержание; экзамены; военная контрразведка; раскрываемость преступлений; Особое совещание.

In this article the historical and legal aspects of St. Petersburg and Moscow police activities are revealed. It is noted that at the beginning of 20th century the leading place in the hierarchy of criminal and detective structures of the Russian Empire was occupied by the criminal investigation police of St. Petersburg. Moscow detective police was also quite successful, and their working performance was on par with that of their colleagues from St. Petersburg. It is noted that in 1908 major changes have occurred in the functioning of the criminal investigation of the Russian Empire, due to the establishment of the national system of secret police in 1908 which can be traced back to the work of the police in combating crime in the provincial cities of the Russian Empire after the establishment of the Russian system of criminal investigation. By analyzing the problems associated with the implementation of the law "On the organization of the detective work" of July 6, 1908, it is noted that by establishing detective offices (SO) in a particular city, the legislator did not take into account the geopolitical and economic features of a number of regions left without detective offices or SO-s.

Keywords: police; criminal investigation; St. Petersburg detective police; Moscow detective police; all-Russian system of criminal investigation; detective Department; monetary maintenance; examinations; military counterintelligence; detection of crimes; Special meeting.

После революции 1917 года возникает представление о новом этапе историографии, который подразделяется на эмигрантскую и советскую. В свою очередь к советскому этапу развития относятся несколько подэтапов: от революции 1917 года до конца 20-х годов; с начала 30-х до 60-х годов; с 60-х до 90-х годов; с начала 90-х годов по настоящее время. Первый подэтап дал начало документам и публикациям о казачестве, которые можно встретить в работах В. И. Ленина, И. В. Сталина, Л. Д. Троцкого¹. Среди них следует выделить работы С. И. Тхоржевского, чья работа поставила вопрос о функционировании казачьей

¹ Ленин о Доне и Северном Кавказе. Сборник. – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1969. – С. 22.

государственности¹.

Историко-правовая проблематика в советском времени зарождается с вопроса о происхождении казачества, с учетом которого формируются различные точки зрения: бродники как возможные предшественники казачества и концепция возникновения казачества с XVI в. В общих чертах проблематику советской историографии можно представить следующим образом. В 1928 г. на Среднем Дону П. П. Ефименко и П. Н. Третьяков начали Масштабные археологические раскопки². Представители яфетической школы (В. В. Мавродин, Б. Д. Греков, Н. М. Вольткин, Н. А. Смирнов) исходили из трансформации бродников в казаков³. Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский в качестве славяно-русского населения Подонья XIII-XV вв. рассматривали бродников и обозначали славяно-русскую преемственность в промежутке XIII и XV вв.⁴ Н. М. Вольткин посвятил свою статью специально бродникам⁵.

Б. В. Лунин описывал славян Подонья в золотоордынский период, когда их жизнь прекратилась. Исключение составили немногочисленные бродники и христианское население Азака, среди которого должны были быть и славяне⁶. Аналогичную точку зрения поддерживали В. И. Кузнецов, А. П. Пронштейн, С. М. Марков, другие представители донской исторической школы⁷. Л. Н. Гумилев исходил из наличия симбиоза между Русью и Ордой. Бродники составляли субэтнос русского этноса и являлись прямыми потомками казаков. Следующая волна переселенцев при-

¹ Тхоржевский С. И. Донское войско во второй половине XVII века / Русское прошлое. Исторический сборник. Кн. 3. – Пг., 1923. – С. 40.

² Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону / МИА СССР. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1948. – С. 76–78.

³ Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 11 (факультет исторических наук). – Л., 1938. – С. 231–234.

⁴ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1950. – С. 55.

⁵ Вольткин Н. М. Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. – 1949. – № 8. – С. 55–62.

⁶ Лунин Б. В. Очерки по истории Подонья-Приазовья. – Ростов-н/Дону: Ростиздат, 1949. – С. 144.

⁷ Пронштейн А. П. Донское казачество эпохи феодализма в советской исторической литературе // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. – Ростов-н/Дону, 1972. – С. 28–29.

Происхождение и вхождение области Войска Донского и казачества в государственно-правовое пространство России

шла на XVI-XVII вв.¹

А. А. Шенников разработал иную концепцию, доказав, что предками хоперского казачества были червленоярцы, которым они передали свои общественные и боевые традиции. Червленоярцы сначала находились на пограничной службе золотоордынских ханов, а затем стали казаками (в XVI в.) и однодворцами-пограничниками русских царей². Исследования М. В. Цыбина свидетельствуют о том, что древнерусские поселения на юго-восточной окраине Руси просуществовали до второй половины XIV-XV вв.³ Другие исследователи датируют древнерусские археологические слои только концом XIII в.⁴

В целом большинство советских историков считали казачество элементом русского крестьянства, эмигрировавшего за пределы Московской Руси. Н. Я. Янчевский (в духе школы М. Покровского) даже утверждал, что казачество как наемное войско было орудием колониальной политики торгового капитала⁵. Содержание работ 1920-х – начала 1930-х гг. представляло две позиции: с одной стороны, казачество рассматривалось в духе господствовавшей идеологии как орудие российского империализма, враг революционных преобразований в стране; с другой – отмечалось, что мятежное и трудовое казачество (начиная от С. Разина, Е. Пугачева и заканчивая красными казаками С. Буденного, но без упоминаний имен Ф. Миронова и Б. Думенко), является прогрессивным историческим фактором, выражающим закономерность строительства общества социалистической справедливости. Был сделан вывод о том, что колебания разных групп казачества при выборе пути обуславливались степенью их привилегированного положения в составе военно-служилого сословия в прежней структуре общества.

Советская научная литература по казачьей тематике представлена сочинениями Л. И. Берза, А. И. Агафонова, Г. Л. Воско-

¹ Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М.: Издательство АСТ, 1992. – С. 213.

² Шенников А. А. Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. – Л.: Издательство ЛГУ, 1987. – С. 51–57.

³ Цыбин М. В. Юго-восточная окраина Руси в XII-XIV вв. (по данным археологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев, 1987. – С. 13.

⁴ Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище XII-XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984-1986 гг.) / Археология славянского юго-востока. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1991. – С. 44.

⁵ Янчевский Н. А. Разрушение легенды о казачестве. – Ростов-н/Дону: Книгоиздательство «Северный Кавказ», 1931. – С. 30.

бойникова, Д. К. Прилепского, Л. И. Футорянского, К. А. Хмелевского, Л. А. Этенко, А. И. Козлова, В. Н. Сергеева, Е. Н. Осколкова, В. Е. Щетнева, И. Ф. Мужева, Б. А. Трехбрatова, А. Н. Скрипова, А. И. Агафонова, А. В. Венкова, Ю. К. Кириенко, Н. С. Чаева, Н. С. Присяжного и многих других. Особый интерес представляет фундаментальный труд А. П. Пронштейна «Земля Донская в XVIII веке», который до сих пор сохранил свою ценность¹.

В своих публикациях большинство авторов придерживаются мнения о том, что казачья беднота и нерезидентное население казачьих районов в значительной степени были сторонниками большевиков во время Октябрьской революции, принимали активное участие в гражданской войне на стороне Советской власти. Явление рецидива казацкой государственности практически игнорировалось, что соответствовало социальным классовым концепциям казачества как изолированной части русского крестьянства.

Иначе данные явления оценены в зарубежной эмиграционной историографии. В 1920-х годах сложилась социально-политическая и духовная основа такого уникального явления, как русская эмиграция. Представители казацкого происхождения создали центры изучения истории казачества: Общества изучения казачества и Донскую историческую комиссию. В журналах «Свободные казаки», «Родина» и др. появился ряд публикаций, в том числе уникальная монография С. Г. Сватикова «Россия и Дон», работа Т. Ф. Быкадорова «История казачества», три тома «Донской хроники». В этих изданиях впервые рассматривалась проблема казацкой государственности и описывалась государственная жизнь казаков.

Большое количество архивных документов опубликованы в сборниках «Донские дела» (Т. 1-5): «Акты, относящиеся к истории Войска Донского, собранные генерал-майором А. А. Лишиным» (Т. 1-4, Новочеркасск, 1891-1894), «Материалы для истории Войска Донского И. П. Прянишникова» (Новочеркасск, 1864) и др. Большое значение имеет полный сборник законов Российской империи, где содержится основной историко-правовой материал, характеризующий правильный статус казачества. Много документов об истории донских казаков и отношений с государством со-

¹ Берз Л. И., Хмелевский К. А. Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. – Ростов-н/Дону: Ростовское книжное издательство, 1964. – С. 215.

держится в сборниках юридических документов и материалов, изданных Донским юридическим институтом: «Донская история в вопросах и ответах» (в двух томах) и «Земля в судьбах донского казака».

Анализируя источники, которые используются в исторической и юридической литературе, можно подвести итоги их изучения во взаимосвязи с исследованиями правового характера. Советская историография сохранила основные черты дореволюционных историй. В исследовательских работах существуют идеологические догмы, многие вопросы рассматриваются в соответствии с официальной историографией. Вместе с тем в советскую эпоху возникли новые интересные концепции и направления, отраженные в академических обобщающих работах по истории народов Дона и Кавказа, в столичных и региональных изданиях. Советские историки и кавказские ученые А. П. Пронштейн, В. Н. Королев, А. И. Агафонов, В. В. Виноградов и другие – признанные лидеры в изучении проблем древних и ранних средневековых государств.

Современные историко-правовые исследования по предмету проводятся региональными научными школами. Необходимо отметить значительный вклад в области исследований ростовских историков С. А. Кислицына, Н. А. Мининкова и правоведов Е. И. Дулимова, И. А. Иванникова, Д. Ю. Шапсугова. На Кубани сформировалась школа «российскости» В. Б. Виноградова. В последние годы появился ряд интересных журнальных публикаций. Однако в научной литературе отсутствуют исследования обобщающего характера.

Следует обратить внимание на некоторые особенности классификации исторических источников, поскольку степень научно-го развития этой темы неразрывно связана с изучением источников. Самой успешной и универсальной является, на наш взгляд, классификация источников, предложенная И. Н. Данилевским, Л. Н. Пушкаревым, А. П. Пронштейном: письменные, материальные источники, фольклорные и этнографические материалы. Правовая жизнь, судебная практика, обычаи, правовые археологические источники также признаются в качестве конкретных источников истории государства и права. В литературе по истории государства и права они рассматриваются как независимые типы источников.

Как этнические, так и сословные особенности казачества,

закрепленные в законодательных актах, освещены в современной литературе. Донские историки А. И. Агафонов, А. В. Венков, Г. Л. Воскобойников, В. Н. Королев, А. И. Козлов, С. А. Кислицын, Н. С. Коршиков, Н. А. Мининков, С. И. Рябов, В. Н. Сергеев, В. П. Трут, А. П. Скорик, С. М. Маркедонов, Р. Г. Тикиджьян, Л. Г. Шолохов, Н. И. Никитин трактуют казачество как субэтнос, ставший с течением времени военно-служильным сословием, сохранившим этнокультурные особенности и отразившим традицию недооценки казачьего сообщества в русской государственности¹.

Наряду с этим существует тенденция выявлять и подчеркивать определенную автономную независимость донского казачьего общества. Работы Н. А. Мининкова «Донское казачество в эпоху позднего средневековья (до 1671 года)» (Ростов-на-Дону, 1998) и донского энциклопедиста В. С. Сидорова, который, продолжая традицию С. Сватикова, подтвердил существование Донской казачьей республики. В. С. Сидоров даже говорит о существовании трех казачьих республик, датируемых периодами 1614-1642, 1642-1671 и 1671-1721 гг. Однако такая максималистская точка зрения не подтверждается источниками.

Заслуживает внимания монография В. К. Королева, в которой систематизирован обширный материал (в том числе первый, внесенный в научный оборот), позволивший идентифицировать Боспорский театр военных действий казаков – «Босфорскую войну». Однако только государственная казацкая община могла вести такую войну, о которой автор прямо не говорит. «Казацкая автономия» в Российской империи не вызывала особых дискуссий среди ученых. В общем, в юридической науке отсутствовали работы, в которых была бы раскрыта сущность феномена казацкой государственности. Специально обобщенные содержательные издания «Донские казаки в прошлом и настоящем» (под общей редакцией Ю. Г. Волкова) и «Донская казачья энциклопедия» (составлена В. С. Сидоровым) могли бы стать знаковым событием в изучении истории казачества, если бы были оснащены научным и справочным аппаратом. Интерес представляет учебное издание «Казачий Дон» (А. П. Скорик, Р. Г. Тикиджьян).

В последние десятилетия изучение происхождения и истории казачьего сообщества становится предметом диссертационных исследований. В тезисах В. Н. Глазьева, В. К. Цечоева, Е. И.

¹ Мининков Н. А. Сословно-правовое положение донского казачества в XVII веке // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – 1983. – № 3. – С. 39–43.

Дулимова, Ю. А. Чижиковой, М. С. Савченко, Г. Н. Малаховой, Д. В. Сеня, О. Ю. Шведенко – желание показать общественный порядок в перспективе формирования и развития государственно-правовых и военных институтов, условий их деятельности. В то же время эта тема рассматривается очень широко – от происхождения государства и права у народов Дона и Северного Кавказа и включения Земли Войска Донского в административные территориальные образования Российской империи, до складывания и функционирования правительства в 1917-1920 гг., а также в наше время.

В контексте появления казаков и политики самодержавия на Дону в XVI - начале XX вв. авторы характеризуют происхождение государственных и правовых институтов, правовой статус казачества, реформу военного, административного и гражданского управления, что привело к стиранию его правовых, социальных, экономических и культурных различий от других сословий Российской империи. Е. И. Дулимов, М. С. Савченко и многие другие ученые признают казаков как класс военной службы.

В последние годы предметом пристального внимания юристов стала политическая и правовая основа деятельности Войска Донского и других казачьих войск на юге России. Учитывая научные результаты предыдущих поколений ученых и современных исследователей, можно было избежать дублирования в выборе и развитии научных направлений, появлении «открытий». Тезисы Н. В. Булычевой и А. Н. Ларионова во многом повторяют объект и предмет исследования, но в разных хронологических границах теоретические положения и выводы исследования в основном совпадают. Большие сомнения вызваны заявлениями А. Н. Ларионова о «детальной реконструкции правовых явлений», «первой попытке завершить историческую реконструкцию наиболее юридически значимых силовых институтов, норм и общественных отношений, которые имели место в Войске Донском в XVI-XVII веках и необходимы для ясной правовой квалификации этого человеческого сообщества».

Обзор литературы не был бы полным без оценки вклада иностранных исследователей. Среди литературных произведений – и произведения русскоязычных эмигрантов¹. Историографические проблемы от англоговорящих гораздо менее обширны и

¹ Голубинцев Р. В. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону (1917-1920). Изд. 1-е. – Мюнхен: Издательство Вешние Воды, 1995. – С. 127.

компетентны, чем отечественная и русскоязычная историография. Например, журналист М. Хиндус, который много раз бывал в СССР, написал очерки «Казачья», где отразил дух советской идеологии 1920-х и 1950-х. Английский историк Ф. Лонгворт в книге «Казачья. Пять столетий бурной жизни в русских степях» рассказывает об общей истории казаков с XV по XX вв., основываясь на источниках и документах, определенных в архивах Западной Европы. Позиция автора – в формировании вывода о том, что процессы индустриализации, модернизации, репрессивных мер уничтожили идентичность казаков, из которых остались только легенды.

Французская серия, посвященная избирательным войскам мира, содержит историко-публицистическую работу о казаках И. Брезе, где фигурирует западная идея казачества. Основываясь на изучении состояния и военно-экономического статуса казачества с 1855 по 1914 гг., Р. МакНил показал, что к началу Первой мировой войны казаки имели неэффективно функционирующую экономику и представляли собой только военную мощь, по сути считались анахронизмом. Истории казаков посвящены исследования А. Ситона, У. Германа. Одна из попыток систематизации свода знаний в области проблем о происхождении и сущности казачества – «Казачья словарь-справочник», выпущенный в США казаками-эмигрантами А. И. Скрыловым и Г. В. Губаревым. Существует также репринтное воспроизведение этого издания в России.

Как видим, зарубежные исследования уступают по своему уровню отечественным работам. Очевидно, этот факт объясняется тем, что феномен казачества экзотичен, уникален и выпадает из норм, тенденций и традиций западноевропейской цивилизации. Зарубежным исследователям казачество до сих пор представляется пережитком Средневековья, сохранившимся в России до сих пор.

Таким образом, историография государственно-правового развития казачества нового времени подразделяется на досоветскую, а также советскую и современную, сохранившую в значительной мере эмпирический материал советской науки и развивающую концепции досоветской и зарубежной историографии. Анализ изучения проблемы истории казачьей государственности и права показывает, что ее дальнейшее специальное историко-правовое исследование является интересным и оправданным.

Библиографический список

1. Берз А. И., Хмелевский К. А. Героические годы. Октябрьская революция и гражданская война на Дону. Исторический очерк. – Ростов-н/Дону: Ростовское книжное издательство, 1964. – 230 с.
2. Волынкин Н. М. Предшественники казачества – бродники // Вестник ЛГУ. – 1949. – № 8. – С. 55–62.
3. Голубинцев Р. В. Русская Вандея. Очерки гражданской войны на Дону (1917-1920). Изд. 1-е. – Мюнхен: Издательство Вешние Воды, 1995. – 212 с.
4. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1950. – 250 с.
5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. – М: Издательство АСТ, 1992. – 320 с.
6. Ефименко П. П., Третьяков П. Н. Древнерусские поселения на Дону / МИА СССР. – М.-Л: Издательство АН СССР, 1948. – 250 с.
7. Лунин Б. В. Очерки по истории Подонья-Приазовья. – Ростов-н/Дону: Ростиздат, 1949. – 264 с.
8. Ленин о Доне и Северном Кавказе. Сборник. – Ростов-н/Дону: Ростовское книжное издательство, 1969. – 120 с.
9. Мавродин В. В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 11 (факультет исторических наук). – Л., 1938. – 244 с.
10. Мининков Н. А. Сословно-правовое положение донского казачества в XVII веке // Известия СКНЦ ВШ. Общественные науки. – 1983. – № 3. – С. 39–48.
11. Проништейн А. П. Донское казачество эпохи феодализма в советской исторической литературе // Дон и Северный Кавказ в советской исторической литературе. – Ростов-на-Дону, 1972. – 324 с.
12. Пряхин А. Д., Цыбин М. В. Древнерусское Семилукское городище XII-XIII вв. на р. Дон (итоги раскопок 1984-1986 гг.) / Археология славянского юго-востока. – Воронеж: Издательство ВГУ, 1991. – 344 с.
13. Тхоржевский С. И. Донское войско во второй половине XVII века / Русское прошлое. Исторический сборник. Кн. 3. – Пг., 1923. – 224 с.
14. Цыбин М. В. Юго-восточная окраина Руси в XII-XIV вв. (по данным археологии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Киев,

1987. – 32 с.

15. *Шенников А. А.* Червленый Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. – Л.: Издательство ЛГУ, 1987. – 180 с.

16. *Янчевский Н. А.* Разрушение легенды о казачестве. – Ростов-на-Дону: Книгоиздательство «Северный Кавказ», 1931. – 132 с.

Н. Ю. Ембулаева

доцент кафедры
теории и истории
государства и права
Кубанского государственного
аграрного университета
им. И. Т. Трубилина
кандидат юридических наук,
доцент
nembulaeva@mail.ru

А. А. Михайлик

доцент кафедры
теории и истории
государства и права
Кубанского государственного
аграрного университет
им. И. Т. Трубилина
кандидат юридических наук
nlninnik@rambler.ru

**СПЕЦИАЛЬНЫЕ ПРИНЦИПЫ
РОССИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ПРАВА**

SPECIAL PRINCIPLES OF RUSSIAN MEDICAL LAW

В статье рассмотрены вопросы, связанные с формированием специальных принципов новой формирующейся отрасли российского права – медицинского права. Исследованы принципы, которые закреплены на международном уровне, отражены в российском законодательстве, а также принципы, не нашедшие пока теоретического обоснования и законодательного закрепления. Среди них – принцип профессиональной врачебной автономии, принцип паритета интересов субъектов медицинских отношений, принцип автономии, принцип конфиденциальности врачебной информации, принцип полного возмещения вреда пациенту, а также принципы отдельных институтов медицинского права и направлений медицинской деятельности. Предложена классификация специальных принципов российского медицинского права на основании таких критериев, как уровень закрепления, формальность их конкретизации, содержание, субъекты реализации. Определено функциональное значение специальных принципов медицинского права для медицинских правоотношений, состоящее в конкретизации и дополнении общих принципов.

пов медицинского права, обеспечении эффективного взаимодействия врача и пациента, гарантированность, с одной стороны, для пациента получения квалифицированной медицинской помощи, а с другой – создания для врача достойных условий осуществления профессиональной деятельности. Специальные принципы медицинского права необходимы и для будущей кодификационной деятельности, поскольку должны быть положены в основу формулирования специальных принципов систематизации медицинского законодательства.

Ключевые слова: принцип права; принцип законодательства; отрасль права; отрасль законодательства; правовой институт; медицинское право; профессиональная этика; автономия; врач; пациент; права человека.

In this article the issues regarding the formation of the special principles of the newly formed industry of Russian law known the medical law are researched. The principles which are established in the international law and those which lack theoretical justification and legislative place in the Russian legislation system are studied. Amongst them there are principles of medical autonomy, the principle of equal interests between the subject of medical relations, autonomy principle, principal of classified medical information, principle of full compensation for patients' damages, and also the principles of specific medical laws and activities. The classification of the special principles of the Russian medical law on the basis of such criteria as the fixing level, formality of their specification, contents, subjects of realization is proposed. The functional values of the special principles of the medical law for the medical legal relationship in its specification and addition of the general principles of the medical law, ensuring effective interaction between the doctor and patient, on one hand, for the patient to receive the qualified medical care, and on the other hand, to create suitable conditions for professional activity of the doctor are defined. The special principles of the medical law are also necessary for the future codification activities as they have to be the basis for the formation of the special principles of systematization of the medical legislation.

Keywords: principle of law; principle of legislation; branch of law; branch of legislation; legal institution; medical law; professional ethics; autonomy; doctor; patient; human rights.

Принципы права имеют существенное значение, во-первых, для формирования отрасли права, во-вторых, для ее построения и создания отраслевой системы законодательства, а также для систематизации отраслевых нормативных правовых актов (например, с помощью приема кодификации), в-третьих, для правоприменительной деятельности, толкования норм права, преодоления пробелов в праве, возникающих при преобладании дозвоительного типа правового регулирования общественных

отношений.

В теории государства и права различают принципы права и принципы, в соответствии с которыми строится система законодательства. Принципы права рассматриваются как основополагающие начала и идеи, лежащие в основе правового регулирования и определяющие вектор его развития. Разграничивают также и специальные принципы, которые присущи конкретным отраслям права и законодательства. Например, П. М. Филиппов и О. А. Ковалева выделяют принцип социальности в жилищном праве¹. Под принципами построения системы законодательства понимают идеи, на которых основана организация связей внутри системы законодательства, между ее структурными элементами. Учитывая данное различие, тем не менее, обратим внимание на тот факт, что при формулировании кодифицированных нормативных актов, наряду с использованием общих принципов и методов систематизации, в обязательном порядке следует руководствоваться и специальными, специфическими, присущими именно данной сфере общественных отношений идеями и руководящими началами. Они исходят из принципов конкретной отрасли права и должны пронизывать весь акт систематизации для достижения полноты, непротиворечивости и комплексности правового регулирования. В связи с этим можно выделить и проанализировать специальные принципы медицинского права как новой, находящейся в стадии формирования отрасли российского права, поскольку именно появление специфических принципов права является дополнительным критерием для выделения отрасли права как самостоятельного элемента системы права. Кроме того, при разработке кодифицированного акта (Медицинского кодекса) обоснована потребность в законодательном закреплении данных специальных принципов.

На вопрос о необходимости наличия принципов осуществления медицинской деятельности на международном уровне обращают внимание во второй половине XX столетия. В 1949 году принят Международный кодекс медицинской этики². В 1976 году

¹ Филиппов П. М., Ковалева О. А. Принцип социальности жилищного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15. – № 3 (32). – С. 31–37.

² Международный кодекс медицинской этики. Принят 3-ей Генеральной Ассамблеей Всемирной Медицинской Ассоциации (Лондон, Великобритания, октябрь 1949 г.), дополнен 22-ой Генеральной Ассамблеей ВМА (Сидней, Австралия, август 1968 г.) и 35-ой Генеральной Ассамблеей ВМА (Венеция, Италия, октябрь

Генеральная Ассамблея ООН выступает с предложением к Всемирной организации здравоохранения о разработке кодекса медицинской этики, который должен был охватить вопросы, связанные с защитой от пыток и другого бесчеловечного или унижающего достоинство человека обращения и наказания. В 1982 году Генеральной Ассамблеей ООН принимается Резолюция «Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения в защите лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»¹.

Принцип профессиональной врачебной автономии обозначен в Декларации о независимости и профессиональной свободе врача, принятой в 1986 году на Всемирной Медицинской Ассамблее в Калифорнии. В соответствии с данным документом профессиональная свобода врача должна заключаться в свободе от постороннего вмешательства в ходе лечебной деятельности. Декларацией предусмотрено, что «исполняя свой долг, врачи не должны ориентироваться исключительно на приоритетные ассигнования из скудных ресурсов, выделяемых на нужды здравоохранения правительственными или социальными службами. Такая ориентация чревата внутренним конфликтом обязательств врача перед пациентом и нарушает принцип профессиональной независимости врача, на которую пациент имеет право рассчитывать. Врачи должны знать реальную стоимость лечения и прилагать все усилия к разумному сдерживанию цен на медицинские услуги. Приоритетная обязанность врача – представительство интересов больных и пострадавших в борьбе против притязаний общества на снижение цен, ибо оно ставит под угрозу здоровье, а порой и жизнь человека»².

Данный принцип получил свое развитие и в Мадридской

1983 г.). URL: <https://www.monographies.ru/ru/book/section?pid=654> (дата обращения: 07.07.2018).

¹ Принципы медицинской этики, относящиеся к роли работников здравоохранения в защите лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Резолюция ГА ООН 37/194. Принята 18.12.1982 на 37-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/medical_ethics_principles.shtml (дата обращения: 07.07.2018).

² Декларация о независимости и профессиональной свободе врача. Принята 38-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Ранчо Мираж, Калифорния, США октябрь 1986. URL: <http://www.medicusamicus.com/index.php?action=laws11> (дата обращения: 07.07.2018).

декларации о профессиональной автономии и самоуправлении врачей в 1987 году¹. Он предполагает, что врач обладает свободой при принятии решения о ходе лечения, не взирая на административные и финансовые барьеры. Врач не должен оказываться в ситуации, когда он оказывает лишь медицинскую услугу (ограниченную нормативно по времени² и обуславливающую оплату труда количеством принятых пациентов). Следует исходить из интересов пациента, а не плательщика (страховой компании или государства). Недопустимо вмешательство государственных контролирующих органов и страховых компаний в процесс управления лечебным процессом.

В этих условиях представляется справедливым выделение принципа паритета интересов субъектов правоотношений в сфере здравоохранения, предложенное А. А. Моховым³. Действительно, необходима гармонизация публичных и частных интересов. В сфере медицинских услуг нередки случаи столкновения интересов пациента и врача, медицинского учреждения, страховой организации.

Еще одним специальным принципом медицинского права считается принцип автономии. По мнению Е. А. Белкиной, данный принцип имеет ярко выраженную антипатерналистскую направленность⁴. В соответствии с ним человек должен иметь возможность распоряжаться как своим здоровьем, так и жизнью. Содержание этого принципа должно заключаться в том, чтобы пациент самостоятельно мог принять решение о необходимости проведения того или иного медицинского вмешательства на основе полной информации о состоянии своего здоровья, полученной от квалифицированного специалиста. Пациент должен иметь

¹ Декларация о профессиональной автономии и самоуправлении врачей. Принята 39-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей. Мадрид, Испания, октябрь 1987. URL: <http://www.medicusamicus.com/index.php?action=laws6> (дата обращения: 07.07.2018).

² Об утверждении типовых отраслевых норм времени на выполнение работ, связанных с посещением одним пациентом врача-кардиолога, врача-эндокринолога, врача-стоматолога-терапевта: приказ Минздрава России от 19 дек. 2016 г. № 973н // Рос. газ. – 2017. – 20 янв.

³ Мохов А. А. Медицинское право (правовое регулирование медицинской деятельности). Курс лекций: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – С. 52.

⁴ Белкина Е. А. Сущность и основные принципы биоэтики как прикладной науки // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Вып. 8. – С. 223–224.

возможность выслушать не одно, а несколько независимых мнений относительно перспектив и плана лечебных мероприятий.

Принцип конфиденциальности медицинской информации (врачебной тайны) является важнейшим для формирования принципа автономии, поскольку исключит внешнее влияние на волю пациента. Принцип врачебной тайны, получивший закрепление в нормативных правовых актах, предполагает, что сведения о состоянии здоровья человека не могут быть разглашены иначе, как с его согласия. Прежде всего, статьи Конституции РФ определяют право на личную тайну (статья 23)¹. К числу сведений, относящихся к личной тайне, безусловно, следует отнести и медицинские данные о состоянии здоровья человека. Статья 24 Основного закона гласит о необходимости получения согласия лица не только на распространение, но и на сбор, и на хранение подобной информации. Применительно к медицинским правоотношениям данные положения конкретизируются в Федеральном законе «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»². В ст. 4 п. 9 данного закона закреплён принцип врачебной тайны и конкретизируется в ст. 13, определяющей также закрытый перечень оснований, в соответствии с которыми принцип врачебной тайны может быть ограничен.

С перечисленными выше принципами на получение полной информации о состоянии своего здоровья и принципом ее конфиденциальности связано решение вопроса о ведении электронных историй болезни. В настоящее время доступ к ним имеет не только лечащий врач, но и иной персонал, а пациент не имеет возможности ознакомиться со своей электронной медицинской картой. Важно обеспечить и конфиденциальность хранящейся информации, поскольку она может быть доступна не только лечащему врачу, но и вышестоящему руководству, сотрудникам аналитических служб, специалистам, осуществляющим информационную поддержку автоматизированных систем.

Еще один принцип, вытекающий из принципа автономии –

¹ Конституция Российской Федерации принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 31, ст. 4398.

² Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 07.03.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru> - 07.03.2018 (дата обращения: 07.07.2018).

принцип добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство – предполагает невозможность проведения хирургических и иных манипуляций без соответствующего согласия пациента, которое он дает после получения от врача полной и исчерпывающей информации о состоянии своего здоровья, плане лечения, возможных позитивных и негативных последствиях медицинского воздействия. Содержание данного принципа базируется также на предварительности получаемого согласия.

Принцип полного возмещения вреда пациенту следует из общих норм гражданского законодательства (ст. 15 ГК РФ)¹, регулирующих возмещение причиненного вреда, возникшего в силу нарушения взятых обязательств. При получении медицинских услуг гражданин заключает договор, на основании которого возникают гражданско-правовые отношения, обеспеченные гражданско-правовой охраной. Законом предусмотрены случаи, когда медицинская помощь может быть оказана и без заключения договора (речь, например, идет о скорой и неотложной медицинской помощи), гражданско-правовая ответственность в данном случае наступает в силу деликта.

Принцип гарантированности медицинской помощи заключается в ее доступности и качестве, недопустимости отказа от оказания медицинской помощи, а также ее бесплатности. Пациент должен иметь возможность получить медицинские услуги максимально быстро и в необходимом объеме. В ст. 10 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» указано, что медицинская организация должна предоставить пациенту гарантированный объем медицинской помощи в соответствии с программой государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи. Соответствующие программы утверждаются Постановлением Правительства РФ². Отказ в предоставлении медицинской помощи в соответствии со ст. 11 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» влечет за собой меры юридической от-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2018).

² О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2018 год и на плановый период 2019 и 2020 годов: постановление Правительства РФ от 08 дек. 2017 г. № 1492 (ред. от 21.04.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.12.2017).

ветственности в отношении медицинской организации и медицинских работников. Рассматривая вопрос о гарантированности медицинской помощи, следует помнить и о принципе ее бесплатности, являющемся частью гарантий медицинского обслуживания. Перечень медицинских услуг и медицинской помощи, которую можно получить бесплатно, определяется в соответствии с указанной выше Программой государственных гарантий.

Принцип социальной защиты в случае утраты здоровья также относится к числу специальных. Он подразумевает правовое установление медико-социальных, экономических мер, направленных на социальную поддержку, реабилитацию лица, утратившего трудоспособность. Данный принцип закреплен в ст. 8 ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Принцип приоритета профилактических мер в области охраны здоровья находит отражение в ст. 12 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан». Он подразумевает пропаганду здорового образа жизни, осуществление мероприятий, направленных на предупреждение и раннюю диагностику заболеваний, проведение профилактических осмотров и диспансеризаций, осуществление противоэпидемических мероприятий.

За соблюдение приведенных выше принципов и гарантий призваны отвечать как органы государственной власти и местного самоуправления, так и сами медицинские организации и учреждения. В целях реализации взаимодействия между властными структурами и медицинскими организациями создана единая государственная информационная система¹ для оперативно-го получения данных о качестве и объеме оказываемой медицинской помощи, планирования выделения материальных ресурсов, контроля за расходованием этих средств, оптимизации кадровых ресурсов. В рамках этой системы должно осуществляться взаимодействие с организациями медицинского страхования². Возможности системы позволят осуществлять лицензирование и сертификацию медицинских организаций и медицинских работников. На основе мониторинга полученной информации возможно

¹ Об утверждении Концепции создания единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения: приказ Минздрава России от 28 апр. 2011 г. № 364 (ред. от 12.04.2012) // Бюллетень трудового и социального законодательства РФ. – 2011. – № 7.

² Недилько Ю. В. Система правового регулирования страховой медицины в зарубежных странах // Очерки новейшей камералистики. – 2018. – № 3. – С. 29–33.

прогнозирование возникающих рисков для здоровья населения, их предупреждение и планирование профилактических мер. Меры юридической ответственности в отношении лиц, нарушивших законодательство в области охраны здоровья, закреплены в нормах отраслевого законодательства (трудового, административного, гражданского, уголовного).

Классифицируя специальные принципы медицинского права, можно выделить принципы отдельных институтов и направлений медицинской деятельности. Например, в рамках института медико-биологических исследований актуальны принцип полезности (извлечение максимальной пользы при минимуме причиняемого вреда), принцип предосторожности¹, предусматривающий установление контроля за возможными рисками и прогнозирование неблагоприятных последствий. Нельзя не назвать принципы доказательной медицины: обоснованность клинических исследований строго доказанными научными фактами, принцип рандомизированных исследований, принцип проведения независимых, мультицентровых исследований. В трансплантологии к специальным принципам относят закрепление в законодательстве либо принципа несогласия, либо принципа предполагаемого согласия (в Российской Федерации в соответствии с Законом РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека»² закреплена презумпция согласия), принцип отсутствия связи между врачом, удостоверяющим факт смерти потенциального донора, с лечащим пациента врачом, принцип безвозмездности передачи органов и тканей человека, принцип транспарентности, принцип добровольности донорства. Принципы осуществления трансплантации органов и тканей закреплены и на международном уровне в рамках Всемирной организации здравоохранения³.

В рамках института генома человека следует выделить

¹ Александров А. А. Биомедицинская этика в системе последипломного образования врачей: учеб.-метод. пособие / А. А. Александров, Т. В. Мишаткина, Т. В. Силич / под ред. Г. Я. Хулуца. – Мн., БелМАПО, 2008. – 134 с.

² О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон от 22 дек. 1992 г. № 4180-1 (ред. от 23.05.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 07.07.2018).

³ Руководящие принципы ВОЗ по трансплантации человеческих клеток, тканей и органов. Утверждены на Шестьдесят третьей сессии Всемирной ассамблеи здравоохранения в мае 2010 г., резолюция WHA63.22. URL: http://www.who.int/transplantation/Guiding_Principles_Transplantation_WHA63.22ru.pdf?ua=1 (дата обращения: 07.07.2018).

принцип недискриминации по признаку генетического наследия, принцип вмешательства в геном человека только для профилактических, терапевтических, диагностических целей, при отсутствии изменения генома наследников, принцип проведения генетических исследований только при условии последующей консультации врача-генетика. В рамках института проведения медицинских экспертиз должны действовать принципы профессионализма, научности, обоснованности, объективности, независимости, своевременности, полноты, проверяемости. Институт принудительных мер медицинского характера базируется на принципах применения данных мер только при совершении преступления, и когда психическое расстройство является опасным для окружающих и есть основания полагать, что лицо может причинить существенный вред, принцип обязательного предоставления защиты, принцип минимально необходимой достаточности государственного принуждения, принцип срочности принудительного лечения (применение мер медицинского характера прекращается в том случае, если лицо перестает представлять опасность для себя и окружающих). В фармацевтической деятельности выделяют принципы государственного контроля за производством медикаментов, безопасности лекарственных средств, их качества и эффективности¹.

Специальные принципы медицинского права можно классифицировать по следующим основаниям. Во-первых, по уровню закрепления – международные принципы и внутригосударственные. Во-вторых, в зависимости от формального закрепления и конкретизации – принципы, прямо закрепленные и четко сформулированные в нормативных правовых актах, и принципы, выводимые из «духа закона». В-третьих, по содержанию – правовые и этические принципы. В-четвертых, в зависимости от субъекта реализации – принципы, касающиеся врача и принципы, обеспечивающие права пациента. В-пятых, различают принципы отдельных институтов и направлений медицинской деятельности.

Формулирование специальных принципов медицинского права призвано дополнить и конкретизировать общие принципы применительно к специфике правовых отношений в сфере медицинской деятельности, обеспечить более детальную регламента-

¹ *Рерихт А. А.* Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития: монография /отв. ред. Е. В. Алферова, Н. Ю. Хаманева. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – С. 95.

цию на их основе медицинских правоотношений, эффективное взаимодействие между пациентом и врачом, гарантировать пациенту реализацию его права на получение квалифицированной медицинской помощи, создать врачу достойные условия для осуществления своей профессиональной деятельности. Кроме того, специальные принципы медицинского права должны быть положены в основу правотворческой деятельности, связанной с систематизацией медицинского законодательства, в частности, с кодификационными работами по созданию Медицинского кодекса Российской Федерации.

Библиографический список

1. *Александров А. А.* Биомедицинская этика в системе последипломного образования врачей: учеб.-метод. пособие / А. А. Александров, Т. В. Мишаткина, Т. В. Силич / под ред. Г. Я. Хулуца. – Мн., БелМАПО, 2008. – 134 с.

2. *Белкина Е. А.* Сущность и основные принципы биоэтики как прикладной науки // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2011. – Вып. 8. – С. 218–226.

3. *Мохов А. А.* Медицинское право (правовое регулирование медицинской деятельности). Курс лекций: учебное пособие. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 185 с.

4. *Недилько Ю. В.* Система правового регулирования страховой медицины в зарубежных странах // Очерки новейшей камералистики. – 2018. – № 3. – С. 29–33.

5. *Рерихт А. А.* Теоретические основы медицинского права: проблемы формирования и развития: монография / отв. ред. Е. В. Алферова, Н. Ю. Хаманева. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 214 с.

6. *Филиппов П. М., Ковалева О. А.* Принцип социальности жилищного права // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 5: Юриспруденция. – 2016. – Т. 15. – № 3 (32). – С. 31–37.

Д. Е. Захаров

доцент кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
кандидат юридических наук,
доцент
olga_zakharova_1992@inbox.ru

**ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД,
ПРИЧИНЕННЫЙ ЖИВОТНОМУ МИРУ**

**CIVIL LIABILITY FOR THE DAMAGE CAUSED TO THE ANIMAL
WORLD**

Традиционно категория юридической ответственности в случаях причинения вреда природным ресурсам находится в центре внимания ученых-правоведов. Современные научные воззрения и положения действующего законодательства допускают применение при повреждении или уничтожении объекта животного мира в отношении правонарушителя гражданско-правовой ответственности. В настоящей статье принята попытка осмысления теоретических аспектов возмещения имущественного вреда, причиненного животному миру. Автор утверждает, что теоретические основания не позволяют в полной мере признать возможность наступления гражданско-правовой ответственности при причинении вреда животному миру. В статье сделан обоснованный вывод о том, что ответственность за вред, причиненный животному миру, как правило, строится на нормах природоохранного законодательства, следовательно, не исключает применения положений гражданского законодательства.

Ключевые слова: животный мир; гражданско-правовая ответственность; возмещение вреда; экологический вред; причинение вреда; окружающая среда; объект животного мира; упущенная выгода; последствия повреждения; последствия уничтожения объектов животного мира.

Traditionally, the category of legal liability for harming natural resources is at the center of attention of legal scholars. Modern scientific views and provisions in the current legislation are applied in cases of damage or destruction of the object of the animal world in relation to the offender civil liability. This article attempts to reflect on the theoretical aspects of the compensation for property damage to the animal world. The author notes that theoretical grounds do not allow to fully recognize the possibility of civil liability in case of harm to the animal world. The author concludes that responsibility for harm caused to the animal world, is generally based on the norms of environmental legislation, which do not exclude the application of

the provisions of civil law.

Keywords: animal world; civil liability; compensation of harm; environmental harm; injury; environment; object of the animal world; lost profit; damage consequences; the consequences of the destruction of objects of the animal world.

Закон о животном мире¹ определяет, что юридические лица и граждане, причинившие вред объектам животного мира и среде их обитания, возмещают нанесенный ущерб добровольно либо по решению суда с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды (ст. 5б). Анализ судебной практики позволяет сделать вывод о том, что и при рассмотрении дел о повреждении или гибели диких животных в состоянии естественной свободы суды применяют положения действующего гражданского законодательства. Таким образом, возмещение вреда, причиненного дикому животному в отдельности и их совокупности (животный мир)², традиционно базируется на нормах гражданского законодательства.

Гражданское внедоговорное обязательство из причинения вреда складывается между должником и кредитором. Это означает, что причинившее вред лицо обязано возместить его в полном объеме, а потерпевший вправе требовать возмещения понесенного им вреда. На основании Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) убытки возмещаются лицу, имущественные права которого нарушены. Однако оформить имущественные (вещные) права на диких животных в состоянии естественной свободы не представляется возможным³. Основанием возло-

¹ О животном мире: федер. закон от 24 апр. 1995 г. № 52-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 17, ст. 1462.

² Животный мир – совокупность живых организмов всех видов диких животных, постоянно или временно населяющих территорию РФ и находящихся в состоянии естественной свободы (ст. 1 Федерального закона «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ).

³ Такой вывод следует из того обстоятельства, что дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы (объекты животного мира), не могут выступать объектом права собственности, поскольку вещами с позиции гражданского права не являются. Дикие животные в состоянии естественной свободы признакам объекта гражданских прав не отвечают, не могут быть признаны вещами и не должны включаться в сферу гражданско-правового регулирования. Российская Федерация (ее субъекты) не является собственником диких животных, находящихся на ее территории в состоянии естественной свободы, а значит, следует признать подобных диких животных никому не принадлежащими в том смысле, что они не имеют собственника. Об этом подробнее см.: *Захаров Д. Е.*

жения гражданско-правовой ответственности при причинении вреда животному миру выступает совершение «противоправного и, как правило, виновного деяния (действия или бездействия), причиняющего (или создающего возможность причинения) вред в результате умаления, ухудшения или уничтожения природных благ»¹. Причиненный вред – основание для возникновения у соответствующих лиц гражданских прав и обязанностей. Отсутствие вреда означает отсутствие основания для привлечения к гражданско-правовой ответственности. Федеральный закон «Об охране окружающей среды»² устанавливает имущественную ответственность для юридических и физических лиц, причинивших вред окружающей среде. К объектам окружающей природной среды традиционно относят земли, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, диких животных в состоянии естественной свободы и т. д. В соответствии с Федеральным законом «Об охране окружающей среды» вред, нанесенный окружающей среде, представляет собой негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. Данное определение отражает экологический аспект негативного влияния человека на природные объекты. Оно не затрагивает экономическую составляющую, поскольку экологический вред не является тождественным гражданско-правовому вреду, так как отражает социальную сущность негативного влияния на природную среду³.

Специфика животного мира как природного объекта (а не как объекта гражданских прав) отражается и на характере вреда, поскольку он имеет форму экологического вреда, который в действительности не поддается точному исчислению из-за трудностей в определении его последствий и отдаленности таких потерь.

Животные как объект гражданских прав // Адаптация российского права к условиям мирового кризиса: материалы региональной научно-практической конференции (13 мая 2009 г.). – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2009. – Т. 1. – С. 40–43; *Захаров Д. Е.* К вопросу о праве собственности на животный мир // Российский юридический журнал. – 2010. – № 3. – С. 130–137.

¹ Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / отв. ред. О. С. Колбасов, Н. И. Краснов. – М.: Наука, 1985. – С. 21.

² Об охране окружающей среды: федер. закон от 10 янв. 2002 г. № 7-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 2, ст. 133.

³ *Борисова Е. Е.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда окружающей природной среде: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002. – С. 7.

Как справедливо замечает Е. Е. Борисова, «понятие «вред, причиненный окружающей природной среде» носит условный характер, не отражающий в правовом смысле причинение гражданско-правового вреда природным объектам, которые не могут его претерпевать, а указывает на природную среду как объект его причинения»¹. Животный мир как совокупность диких животных, пребывающих в состоянии естественной свободы, является природным объектом, который выполняет экологические, экономические, культурные функции и обеспечивает качество среды обитания человека. Причинение же вреда в рамках гражданско-правовой ответственности означает уменьшение имущественной сферы потерпевшего, а поскольку животный мир имуществом признать невозможно, значит, и имущественный вред претерпевать он не может.

В литературе высказываются и иные точки зрения. Так, Н. Г. Нарышева считает, что при правонарушении животный мир в качестве объекта причинения вреда выступает и как имущество, и как природный объект². По мнению ученых, занимающихся проблемами охраны окружающей среды, вред, причиненный природной среде, может быть представлен в виде реальных и предполагаемых потерь в этой среде³. Имущественные неблагоприятные последствия правонарушения экономически находят отражение в убытках, включающих в себя реальный ущерб и упущенную выгоду (ст. 15 ГК РФ). Судебная практика идет по пути признания возможности взыскания как реального ущерба, так и упущенной выгоды по делам о возмещении вреда животному миру. И большинство ученых считают возможным отождествление вреда, причиненного дикому животному в состоянии естественной свободы, с понятием «вред» в гражданском праве. По мнению В. И. Романова, гражданско-правовые понятия ущерба и вреда относятся и к области возмещения вреда животному миру⁴,

¹ Борисова Е. Е. Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда окружающей природной среде: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002. – С. 7.

² Нарышева Н. Г. Тенденции дифференциации правового регулирования возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Экологическое право. – 2005. – № 1. – С. 73.

³ Петров В. В. Экологическое право России: учебник. – М.: БЕК, 1995. – С. 332.

⁴ Романов В. И. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный объектам животного мира и среде их обитания // Юрист. – 2003. – № 6. – С. 42.

что соответствует законодательному возложению гражданско-правовой ответственности за ущерб, нанесенный объектам животного мира (ст. 55, 56 Закона о животном мире). Т. Н. Малая считает, что «в возмещении причиненных убытков воплощены наиболее типичные черты имущественной ответственности за вред, причиненный нарушением законодательства о животном мире, которая, несмотря на некоторые особенности, не утратила своего гражданско-правового характера»¹.

Реальный ущерб, причиненный животному миру, заключается в уничтожении или повреждении диких животных, находящихся в состоянии естественной свободы. Размер реального ущерба должен определяться на основании стоимости поврежденного (уничтоженного) имущества, и для установления размера конкретного возмещения вреда, нанесенного дикому животному, применяется так называемый таксовый метод исчисления². Такса – это денежная сумма, в которой заранее определен размер возмещения в случае неблагоприятных изменений в животном мире. В науке идет дискуссия о правовой природе таксового возмещения вреда. Одни ученые отождествляют его со штрафом как мерой административной ответственности, другие называют особой формой гражданской ответственности, третьи рассматривают таксу в качестве особой материальной ответственности³. Представляется необоснованным признавать таксы одним из способов возмещения гражданско-правового вреда. В рамках гражданского права возмещение, которое обязан

¹ Малая Т. Н. Гражданско-правовые способы возмещения вреда при нарушении законодательства о животном мире // Актуальные вопросы советского права. Теория и практика. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – С. 72.

² При возмещении вреда происходят изъятие незаконно добытых объектов животного мира, а также конфискация орудий и средств, использованных при этом. Отдельно взыскивается стоимость вещей, оставшихся после незаконного завладения животным (мясо, рога, шкура). В. И. Романов считает, что соответствующее лицо обязано возместить стоимость этих вещей, поскольку в такой ситуации имеет место неосновательное обогащение (Романов В. И. Ответственность за вред, причиненный объектам животного мира в среде их обитания // Экологическое право. – 2003. – № 3. – С. 33).

³ См.: Балашенко С. А., Демичев Д. М. Экологическое право. – Минск: Ураджай, 2000. – С. 283; Романов В. И. Имущественная (материальная) ответственность за нарушение законодательства об охране животного мира // Сов. государство и право. – 1987. – № 2. – С. 70–71; Эффективность юридической ответственности в охране окружающей среды / отв. ред. О. С. Колбасов, Н. И. Краснов. – М.: Наука, 1985. – С. 29; Баскакова И. В. Гражданско-правовые средства обеспечения охраны окружающей среды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 7.

предоставить правонарушитель, направлено на восстановление имущественной сферы потерпевшего, ведь гражданско-правовая ответственность применяется в случае причинения вреда определенному имуществу. Стоит повторить, что дикие животные в состоянии естественной свободы товарно-материальными ценностями не являются, а значит, денежного эквивалента не имеют. Размер же возмещения в отношении диких животных определен специальным законодательством в виде конкретной денежной суммы в зависимости от вида животного, его возраста, размеров и других показателей, определяющих его природную ценность как объекта природы, а не как имущества. Именно специфический экономико-экологический характер причиняемого вреда и обуславливает применение предусмотренных законом такс и методик расчета суммы ущерба живой природе. В отличие от возмещения гражданско-правового вреда размер возмещения животному миру заранее определен в виде конкретной денежной суммы, а не складывается из стоимости поврежденного, уничтоженного имущества. Думается, что таксы стоит отнести к особому виду материальной ответственности, в которой сочетаются характерные черты гражданско-правовой и административной ответственности. С одной стороны, публичная составляющая проявляется в ее явно штрафном характере, с другой – частно-правовой элемент такой ответственности обусловлен наступлением отрицательных негативных последствий вследствие уничтожения или повреждения представителей живой природы. Кроме того, целью возложения этой ответственности выступает компенсация затрат на проведение мероприятий, направленных на восстановление, содержание и сохранение объектов животного мира.

Причинение вреда в гражданском праве предполагает возмещение не только реального вреда, но и упущенной выгоды. Взыскание упущенной выгоды означает возмещение доходов, которые получило бы лицо при обычных условиях гражданского оборота. Е. В. Нарышева считает, что уничтоженные объекты животного мира могут быть отнесены к убыткам в виде упущенной выгоды, которая выражается в неполучении платы за пользование животным миром, а также в неполучении продуктов

жизнедеятельности диких животных¹. С этим мнением вряд ли можно согласиться. Требование о возмещении упущенной выгоды предполагает, что субъект получает определенную выгоду от участия в гражданском обороте. Дикие животные в состоянии естественной свободы имуществом не являются и в хозяйственной деятельности не используются. Они вовлекаются в гражданский оборот лишь при их изъятии из естественной среды, что относится и к продуктам их жизнедеятельности. Кроме того, возмещение упущенной выгоды предполагает получение лицом дохода от своего имущества. Взимание же платы за пользование животным миром не стоит рассматривать как некую прибыль. Целью получения государством обязательных платежей за пользование природными богатствами животного мира выступает не получение прибыли. Эти средства призваны лишь восполнить экологические потери от хозяйственной деятельности человека по присвоению природных благ. Да и плата за пользование животным миром определяется не на основе стоимости конкретного животного, а исходя из необходимых затрат на проведение мероприятий по содержанию и сохранению животного мира в целом.

Отношения по охране животного мира в целом регулируются природоохранным законодательством, однако в случае правонарушения, в результате которого происходит уничтожение (повреждение) животных, к этим отношениям могут применяться общие положения гражданского законодательства о возмещении причиненного вреда. Неблагоприятные последствия для животного мира заключаются в уничтожении животного, причинении вреда его состоянию, вследствие чего оно выбывает из естественной среды обитания либо дальнейшее пребывание его в естественной среде становится невозможным вследствие утери такой способности и имеются неопровержимые доказательства этого (если животное может быть возвращено в естественную среду, то ущерб животному миру не наносится). В противном случае (например, животное ранено и скрылось) отсутствует и основание привлечения к рассматриваемой нами ответственности, но при этом не исключена возможность привлечения лица к административной или уголовной ответственности, например, за незаконную охоту. Вред, причиненный животному миру, носит условный ха-

¹ *Нарышева Е. В.* Возмещение вреда, причиненного нарушением законодательства об охране окружающей природной среды и природных ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – С. 87.

рактически и по своему содержанию не совпадает с понятием вреда, используемым в гражданском праве.

Считаем необоснованным то обстоятельство, что возмещение вреда, причиненного окружающей природной среде, отождествляется с гражданско-правовым вредом, поскольку объекты окружающей среды (дикие животные в состоянии естественной свободы) не являются объектами гражданско-правовой защиты. Уничтожение (повреждение) объектов животного мира приводит к возникновению экологического правонарушения, а материальная ответственность при возмещении вреда животному миру позволяет в достаточной степени унифицировать отношения при неблагоприятных экологических последствиях и повысить эффективность механизма возмещения ущерба, причиненного животному миру (с позиций его восполнения). Предусматривая обязанность по возмещению вреда, причиненного животному миру, «законодатель либо регулирует предпосылки возникновения права на возмещение вреда (по крайней мере, внешне исчерпывающим образом), его форму и размер, либо в большей или меньшей мере отсылает к гражданско-правовым конструкциям, либо, наконец, ограничивается использованием самого термина «возмещение вреда» или ему подобного»¹. При этом необходимо учитывать тот факт, что использование в данном случае института гражданско-правовой ответственности не исключает возмещения природной среде нанесенного вреда, чьи особенности вытекают из специфики природоохранительного отношения². Специфика животного мира обуславливает особенности мер по его охране. Следует согласиться с мнением В. В. Петрова о том, что в случае причинения вреда природе «общие гражданско-правовые нормы о возмещении вреда переплетаются с нормами специальной ответственности, образуя своеобразный эколого-экономический комплекс, облеченный правовой формой института возмещения вреда»³.

Библиографический список

¹ Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы). – М.: Прогресс, 1978. – С. 112.

² Правовая охрана окружающей природной среды в странах Восточной Европы / под ред. В. В. Петрова. – М.: Высш. шк., 1990. – С. 76.

³ Петров В. В. Экология и право. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 155.

1. *Балашенко С. А., Демичев Д. М.* Экологическое право. – Минск: Ураджай, 2000. – 398 с.
2. *Баскакова И. В.* Гражданско-правовые средства обеспечения охраны окружающей среды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – 30 с.
3. *Борисова Е. Е.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда окружающей природной среде: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2002. – 192 с.
4. *Варкалло В.* Ответственность по гражданскому праву (возмещение вреда – функции, виды, границы). – М.: Прогресс, 1978. – 328 с.
5. *Захаров Д. Е.* Животные как объект гражданских прав // Адаптация российского права к условиям мирового кризиса: материалы региональной научно-практической конференции (13мая 2009 г.). – Екатеринбург: Уральский гуманитарный институт, 2009. – С. 40–43.
6. *Малая Т. Н.* Гражданско-правовые способы возмещения вреда при нарушении законодательства о животном мире // Актуальные вопросы советского права. Теория и практика. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1985. – С. 71–73.
7. *Нарышева Е. В.* Возмещение вреда, причиненного нарушением законодательства об охране окружающей природной среды и природных ресурсов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1998. – 182 с.
8. *Нарышева Н. Г.* Тенденции дифференциации правового регулирования возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Экологическое право. – 2005. – № 1. – С. 71–77.
9. *Петров В. В.* Правовая охрана окружающей природной среды в странах Восточной Европы. – М.: Высш. шк., 1990. – 368 с.
10. *Петров В. В.* Экологическое право России: учебник. – М.: БЕК, 1995. – 557 с.
11. *Романов В. И.* Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный объектам животного мира и среде их обитания // Юрист. – 2003. – № 6. – С. 42–45.
12. *Романов В. И.* Имущественная (материальная) ответственность за нарушение законодательства об охране животного мира // Сов. государство и право. – 1987. – № 2. – С. 70–71.

О. А. Герасимов

доцент кафедры предпринимательского права
Уральского государственного юридического университета
кандидат юридических наук,
доцент
goa@e-tagil.ru

**МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ НОРМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
ПРАВА В РЕАЛЬНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ**

**INTERBRANCH RELATIONS OF THE NORMS OF BUSINESS LAW
IN THE REAL SECTOR OF THE ECONOMY**

В статье содержится анализ межотраслевых связей норм предпринимательского права, регулирующих отношения в реальном секторе экономики. Реальный сектор экономики может сохранить рыночные начала при условии частичного вмешательства государства в отдельные сферы рыночной экономики. В противном случае чрезмерная зарегулированность экономики приведет к ее огосударствлению, и она может превратиться в государственную с отдельными рыночными элементами. В процессе регулирования реального сектора экономики допускается взаимодействие административных правоотношений с гражданскими правоотношениями, с гражданско-правовыми сделками и отдельными элементами гражданских правоотношений. Позитивный характер такого взаимодействия возможен, если оно будет направлено на применение публично-правовых средств обеспечения эффективности правового регулирования в интересах предпринимателей. Предложено авторское определение юридического лица, позволяющее подчеркнуть межотраслевую связь между регулятивными нормами административного права и нор-

мами, устанавливающими правовой статус отдельного субъекта права в гражданском праве.

Ключевые слова: межотраслевые связи в праве; предпринимательское право; реальный сектор экономики; система законодательства; государственная регистрация предпринимателей; государственная регистрация юридического лица; государственная регистрация объектов недвижимости; рыночные отношения; правоотношение; субъективное право; правосубъектность.

In this article the inter-branch relations of the norms of business law governing relations in the real sector of the economy are studied. The real sector of the economy can save market endeavors subject to partial government intervention in certain areas of the market economy. Otherwise, excessive regulation of the economy will lead to its nationalization, and it will turn into a state economy with separate market elements. When regulating the real sector of the economy, there is an interaction of administrative legal relations with civil law relations, with civil law transactions and certain elements of civil law relations. Such interaction can be positive if it is aimed at the application of public law means of ensuring the effectiveness of legal regulation in the interests of entrepreneurs. The author's definition of a legal entity is proposed, which allows to emphasize the intersectoral relationship between the regulatory norms of administrative law and the norms establishing the legal status of a separate subject of law in civil law.

Keywords: interbranch relations in law; business law; real sector of the economy; legislation system; state registration of entrepreneurs; state registration of a legal entity; state registration of real estate; market relations; legal relationship; subjective right; legal personality; relationship.

Любая система по определению предполагает взаимосвязанность элементов. Связь элементов – это атрибут системы, без которого совокупность элементов не может обозначаться как система. Система права и система законодательства как внешнее проявление системы права не являются исключениями. Система права, представляя собой совокупность правовых норм как элементов системы, пронизана связями между правовыми нормами. Более того, удельный вес самих связей превысит удельный вес правовых норм.

Система законодательства выставляет примеры связи не только между правовыми нормами, но и между элементами правовых норм. К примеру, денежное обязательство, регулируемое отдельными нормами права, может возникнуть как правоотношение на основании таких юридических фактов, как договор займа, правонарушение, неосновательное обогащение и др. Взаимосвязи между нормами права, в том числе различных отрас-

лей, получили развитие наряду с развитием новых экономических идей, в частности, идеи о том, что государство должно более активно участвовать в рыночной экономике.

Такая взаимосвязь основана на дифференцированном подходе. В соответствии с ним регулированию в отдельно взятом государстве и в отдельно взятый промежуток времени должна подвергаться экономическая сфера, которая регулируется неэффективно при помощи исключительно рыночных механизмов. Право, будучи в той или иной мере отражением экономической жизни, следует за экономикой. Этот дифференцированный подход в праве проявляется через взаимосвязь двух систем права – публичного права и частного права.

Поэтому закономерным является появление учений о комплексных отраслях права, а также о межотраслевом и внутриотраслевом взаимодействии. Впервые на уровне отдельного цивилистического исследования проблема межотраслевого взаимодействия рассмотрена в работах М. Ю. Чельшева, ключевым аспектом которых является взаимодействие между нормами права разной отраслевой принадлежности¹.

Гражданское право, признаваемое самостоятельной и основной отраслью права, также представляет собой систему. Как указывает М. Ю. Чельшев, данная система имеет внутренние связи и внешние связи. Внутренними признаются связи между нормами в рамках одной отрасли, внешними – взаимодействие элементов системы (норм права) с другими системами в целом и с элементами других систем, например, с нормами административного права². Другой исследователь Е. П. Губин убедительно доказал, что государственное регулирование рыночной экономики – объективная необходимость, и предложил установить принцип участия государства в регулировании рыночных отношений в числе принципов рыночной экономики³.

Участие такого характера не может обеспечиваться нормами лишь одной отрасли права. Поэтому межотраслевое взаимо-

¹ Чельшев М. Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2009. – С. 10

² Чельшев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. – Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2008. – С. 17.

³ Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – С. 10.

действие является такой же объективной необходимостью. Наилучшим образом эффект взаимодействия обеспечивается при помощи законодательства, которое не может в полной мере соответствовать системе права. Единственным противоположным примером соответствия выступает Уголовный кодекс РФ, что объясняется низким количеством необходимого для государства нормативного материала.

Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) не является актом, в котором сосредоточены все нормы гражданского права. Тем не менее ГК РФ (ч. 2 ст. 3) устанавливает правило собственного верховенства, а следовательно, субординационную связь норм ГК РФ и приоритет норм гражданского права, содержащихся в ГК РФ¹. В то же время для такого подчинения в ГК РФ предусмотрены два условия: ГК РФ должен прямо регулировать соответствующее общественное отношение, то есть не иметь отсылочных норм, а также норма, содержащаяся в ГК РФ, должна быть гражданско-правовой. Помимо субординационной связи, М. Ю. Чельшев упоминал и о координационных связях, суть которых раскрывается во взаимодействии норм равной юридической силы. Итак, особенность ГК РФ заключается в том, что он выступает актом, устанавливающим баланс между нормами гражданского права и публичных отраслей права, является инструментом координационного взаимодействия. Об этом взаимодействии прямо указано в п. 8 Введения к Концепции развития гражданского законодательства².

Рассматривая реальный сектор экономики, несложно заметить наличие обих видов связей – и внутриотраслевых, и межотраслевых. ГК РФ имеет отсылочные нормы к публичному праву, что означает проявление координационного межотраслевого взаимодействия, а также существуют субординационные связи гражданско-правовых норм, содержащихся в ГК РФ и других законах. Например, вполне очевидно, что договор о развитии застроенной территории, регламентируемый ст. 46.2 ГК РФ, должен соответствовать общим положениям ГК РФ о договорах и обяза-

¹ Чельшев М. Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. – Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2008. – С. 26.

² Чельшев М. Ю. Вопросы межотраслевых связей гражданского права в Концепции развития гражданского законодательства и проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. – 2011. – № 1. – С. 3–7.

тельствах¹.

Количественный и качественный состав указанных связей не основан ни на каких критериях, что позволяет законодателю произвольно определять объем вмешательства государства в регулирование рыночной экономики. На наш взгляд, приоритетные положения должны черпаться только из Конституции РФ и из свобод, заложенных в ней. Целесообразнее подход ограниченного вмешательства государства в частные дела. В реальном секторе экономики вмешательство необходимо в проблемных местах – в той части, где требуется помощь в развитии реального сектора.

Таким образом, экономика должна быть рыночной при условии частичного вмешательства государства в ее отдельные сферы. Обратным было бы предположение о том, что чрезмерная урегулированность экономики означает ее огосударствление, и она становится государственной с отдельными рыночными элементами. Но такое обратное положение противоречит Конституции РФ и не должно находиться в программно-политических документах.

Требование о государственной регистрации в отношении индивидуальных предпринимателей сформулировано таким образом, что гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью с момента государственной регистрации (п. 1 ст. 23 ГК РФ). Согласно части 1 статьи 23 ГК РФ гражданин имеет «право» заниматься предпринимательской деятельностью. Редакция содержания статьи свидетельствует о некотором субъективном праве. Между тем существо возможности заниматься предпринимательской деятельностью другое. Возможность заниматься предпринимательской деятельностью относится к правоспособности граждан.

С. М. Корнеев указывает на тот факт, что содержание правоспособности – это те субъективные права и обязанности, которыми гражданин может обладать². По мнению ученого, это право на право – такое понимание правоспособности именно в таком виде преподносилось С. Н. Братусем³.

¹ Градостроительный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 190-ФЗ (ред. от 19.12.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017) // Рос. газ. – 2004. – 30 дек.

² Корнеев С. М. Избранное / сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. – М.: Статут, 2012. – С. 12.

³ Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 6.

С. С. Алексеев выделял так называемые общие правоотношения, состоящие в том, что в них право предоставлено определенному субъекту, а противостоят неопределенное количество обязанных субъектов. К соответствующим правоотношениям относились общие дозволения и общие запреты. В числе примеров общедозволительных отношений – правосубъектность, которая состоит из правоспособности и дееспособности¹.

В случае межотраслевого взаимодействия условие о регистрации гражданина в качестве индивидуального предпринимателя предусмотрено административно-правовой нормой, устанавливающей административное правоотношение по регистрации как между гражданином-предпринимателем и регистрирующим органом, так и общерегулятивное (если придерживаться взглядов С. С. Алексеева) отношение между зарегистрированным индивидуальным предпринимателем и неопределенным кругом лиц.

Государственная регистрация как акт государственного управления реализуется в форме административно-управленческих правоотношений, относимых к административному праву². В гражданском праве взаимные административные права и обязанности регистрирующих органов и заявителей, обращающихся с заявлениями о государственной регистрации юридического лица, воздействуют на гражданскую правоспособность юридических лиц. Это не такое воздействие, какое происходит при взаимодействии норм о регистрации индивидуальных предпринимателей с нормами о правоспособности граждан, что приводит лишь к ограничению правоспособности граждан. Нормы о государственной регистрации юридического лица при их реализации в регистрационных правоотношениях создают юридическое лицо, то есть приводят к возникновению правоспособности юридического лица. В частности, К. Д. Гасников указывает, что государственная регистрация придает силу учредительным документам юридического лица и сведениям о юридическом лице³.

¹ Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981. – С. 143.

² Лазариди А. С. Государственная регистрация юридических лиц (административно-правовые вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 7.

³ Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3 т. Т. 3 / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянец и др.; отв. ред. А. В. Габов. – М.: ИЗИСП, ИНФРА-М, 2015. – С. 56–57.

Если проанализировать определение юридического лица, существующее в ГК РФ, то в нем можно обнаружить особенность, суть которой состоит в том, что отсутствует указание на регистрацию юридического лица как на его сущностный признак. В абзаце 1 п. 3 ст. 49 ГК РФ определено, что правоспособность возникает с момента внесения сведений о юридическом лице в ЕГРЮЛ. Логичной представляется мысль о том, что до внесения таких сведений юридического лица не может существовать и поэтому определять правоспособность несуществующего субъекта таким образом не совсем верно.

На наш взгляд, определение юридического лица, содержащееся в ст. 48 ГК РФ, должно выглядеть следующим образом: «зарегистрированная в установленном законом порядке организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде». Данное определение подчеркивает межотраслевую связь между регулятивными нормами административного права и нормами, устанавливающими правовой статус отдельного субъекта права в гражданском праве. В первую очередь, государственная регистрация придает каждому юридическому лицу публично-правовой статус. Последний не обязательно наделяет публично-властной компетенцией, но выступает, напротив, подчиненным регистрирующему органу субъектом, то есть гражданско-правовой статус лишь подчиняется административно-правовому статусу юридического лица.

Государственная регистрация должна обеспечивать не только информационную функцию, но и более широко влиять на правоспособность. К примеру, размер уставного капитала или страховые ответственности юридического лица могут служить обязательными атрибутами для заключения более дорогостоящих сделок. Государственная регистрация должна служить гарантией предпринимательской деятельности, а не простым средством для взимания повышенных штрафов и упрощения налогообложения.

В качестве предложения мы выдвигаем позицию о том, что дифференцированное регулирование правового статуса юридического лица при помощи норм и индивидуальных актов административного права должно оказывать влияние на гражданскую правоспособность юридического лица. На наш взгляд, это стабилизирует имущественный оборот и сделает правовое регулирова-

ние более эффективным, несмотря на его усложнение. Усложнение предлагается в той сфере, где в течение нескольких лет практики правоприменения норм о юридических лицах, в частности, об обществах с ограниченной ответственностью, выявлены недостатки частноправового регулирования, вызванные неисполнением обязательств юридическими лицами, связанных с существованием так называемых юридических лиц «однодневок».

Следующее публично-правовое средство обеспечения эффективности правового регулирования – государственная регистрация прав на недвижимое имущество и учет недвижимости. В настоящее время государственная регистрация недвижимости осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости»¹. Замысел законодателя состоит в том, чтобы объединить в рамках единой административной процедуры постановку на кадастровый учет объекта недвижимости и государственную регистрацию прав на недвижимость.

Кадастровый учет недвижимости признается одним из признаков недвижимости². В то же время ввиду нераспространения действия закона о государственной регистрации на государственный учет и государственную регистрацию прав на воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, участки недр следует указать, что государственный кадастровый учет является признаком объектов недвижимости, признаваемых законом недвижимыми с учетом их природных свойств.

В соответствующей литературе говорится о том, что кадастровый учет является удостоверяющим фактом, позволяющим определить объект недвижимого имущества как индивидуально определенную вещь³. Думается, что суть кадастрового учета не только в удостоверении, а в определении самого объекта гражданского права. Административное правоотношение по учету объекта находится в теснейшей связи с объектами гражданских

¹ О государственной регистрации недвижимости: федер. закон от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 03.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.07.2015).

² Аксюк И. В. Недвижимость в законодательстве России: понятие, основания и способы возникновения права собственности на нее: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2007. – С. 17.

³ Ершов В. А. Все о земельных отношениях: кадастровый учет, право собственности, купля-продажа, аренда, налоги, ответственность. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. – С. 43.

прав. Благодаря административному правоотношению существует элемент гражданского правоотношения – его объект. Определение государственной регистрации традиционно и содержится в ч. 3 ст. 1 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» – юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества.

Таким образом, государственная регистрация понимается как юридический факт, однако нельзя не учитывать, что данный юридический факт приводит к возникновению особого дящегося административного правоотношения. Наличие данного дящегося административного правоотношения влияет на существование гражданского права или ограничения на объект недвижимого имущества. В данном случае наблюдается взаимодействие административного правоотношения с содержанием гражданского правоотношения.

Такое межотраслевое взаимодействие получает закрепление в статье 8.1 ГК РФ. Необходимая взаимосвязь регистрационного правоотношения и гражданских прав на недвижимость подтверждена в ряде специальных статей ГК РФ. Так, согласно ст. 219 ГК РФ, право собственности на здания, сооружения и другое вновь создаваемое недвижимое имущество, подлежащее государственной регистрации, возникает с момента регистрации.

Статья о государственной регистрации недвижимости содержится и в положениях ГК РФ об объектах гражданских прав (ст. 131 ГК РФ), где говорится не столько о самих объектах, сколько о правах на них. В связи с этим регистрация прав на объекты недвижимости является одним из признаков недвижимости. С позиции юридической техники расположение статей о правах на объекты совместно со статьями о самих объектах не вполне корректно. Между тем отдельные положения статьи 131 ГК РФ раскрывают еще один вопрос – вопрос о государственной регистрации сделок.

Государственная регистрация сделок – это дополнительный юридический факт, который приводит к возникновению правового отношения, порождаемого сделкой (ст. 164 ГК РФ). Существование в российском законодательстве положений о государственной регистрации сделок вызывает отдельные критические замечания. В Концепции развития гражданского законодатель-

ства предлагалось отказаться от государственной регистрации сделок в пользу их нотариального удостоверения. Акт нотариального удостоверения предполагает удостоверение воли сторон сделки и направлен в настоящее время исключительно в сферу частного права.

Государственная регистрация прав, напротив, имеет направленность на публично-правовую сферу и признана обеспечить открытость, общую известность и достоверность сведений о существующих правах на недвижимое имущество. Государственная регистрация сделки в настоящее время подменяет собой нотариальное удостоверение и предполагает лишь удостоверение соответствия сделки закону. Тем не менее выяснения волеизъявления сторон сделки и защиты их частных прав и интересов при государственной регистрации сделки не происходит¹.

Существование государственной регистрации сделки, а также различные правовые последствия несоблюдения требования о государственной регистрации сделки (действительность сделки, заключенность сделки или условие возникновения права) приводит к непоследовательности законодательства в области государственной регистрации сделок². Мы вполне солидарны с точкой зрения о том, что государственная регистрация сделок должна быть заменена на нотариальную форму удостоверения сделок.

На современном этапе государственная регистрация сделки является государственным актом, придающим сделке определенную форму. По этой причине государственная регистрация должна иметь те последствия, которые имеет сама сделка. Отсутствие государственной регистрации сделки должно означать ничтожность сделки. При этом неверно полагать о незаключенности сделки, потому что незаключенность сделки – частный случай недействительности (ничтожности) сделки. Отсутствие государственной регистрации сделки является таким же основанием недействительности, как и незаключенность в теоретическом смысле.

Рассматривая вопрос о правовых последствиях, важно от-

¹ Татаркина К. П. Форма сделок в гражданском праве России: монография. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. – С. 134.

² Алексеев В. А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. – М.: Волтерс Клаувер, 2007. – С. 214.

метить, что возникновение, изменений и прекращение прав на недвижимость должно зависеть от государственной регистрации права или его перехода, а не сделки. Такой подход упрощает и упорядочивает правовое регулирование и делает его тем самым более эффективным.

Исходя из вышеизложенного, можно сформулировать следующие теоретические выводы, касающиеся межотраслевого взаимодействия в области регулирования реального сектора экономики. Всякое взаимодействие всегда предполагает взаимодействие норм права или их элементов, принадлежащих различным отраслям права. Следует указать на взаимодействие сущностей, которые образуются в результате правового регулирования, в частности, на взаимодействие правоотношений, их структурных элементов и предпосылок к правоотношениям. Таким образом, при регулировании реального сектора экономики наблюдается взаимодействие административных правоотношений с гражданскими правоотношениями, с гражданско-правовыми сделками и с отдельными элементами гражданских правоотношений. Взаимодействие данного характера происходит, если акцент делать на публично-правовых средствах обеспечения эффективности правового регулирования.

Библиографический список

1. Аксюк И. В. Недвижимость в законодательстве России: понятие, основания и способы возникновения права собственности на нее: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2007. – 31 с.
2. Алексеев В. А. Недвижимое имущество: государственная регистрация и проблемы правового регулирования. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 504 с.
3. Алексеев С. С. Общая теория права. В 2 т. Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1981.
4. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. – М.: Госюриздат, 1950. – 367 с.
5. Губин Е. П. Правовые проблемы государственного регулирования рыночной экономики и предпринимательства: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 431 с.

6. *Ершов В. А.* Все о земельных отношениях: кадастровый учет, право собственности, купля-продажа, аренда, налоги, ответственность. – М.: ГроссМедиа, РОСБУХ, 2009. – 416 с.

7. *Корнеев С. М.* Избранное / сост. и науч. ред. П. В. Крашенинников. – М.: Статут, 2012. – 311 с.

8. *Лазариди А. С.* Государственная регистрация юридических лиц (административно-правовые вопросы): дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – 223 с.

9. *Татаркина К. П.* Форма сделок в гражданском праве России: монография. – Томск: Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, 2012. – 264 с.

10. *Чельшев М. Ю.* Вопросы межотраслевых связей гражданского права в Концепции развития гражданского законодательства и проекте Гражданского кодекса Российской Федерации // Гражданское право. – 2011. – № 1. – С. 3–7.

11. *Чельшев М. Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. – Казань: Издательство Казанского государственного университета, 2008. – 206 с.

12. *Чельшев М. Ю.* Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. – Казань, 2009. – 501 с.

13. Юридические лица в российском гражданском праве: монография. В 3 т. Т. 3 / А. В. Габов, К. Д. Гасников, В. П. Емельянцева и др.; отв. ред. А. В. Габов. – М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015. – 280 с.

Е. А. Коломиец

доцент кафедры гражданского права
Северо-Кавказского филиала
Российского государственного
университета правосудия
кандидат юридических наук

**О ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЕ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ
ПРАВ НА СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ И СЕТЕВЫЕ
ИНФОРМАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ**

**ON CIVIL-LAW PROTECTION OF EXCLUSIVE RIGHTS TO THE
MEANS OF INDIVIDUALIZATION AND NETWORK INFORMATION
RESOURCES**

В статье рассмотрены некоторые особенности гражданско-правовой защиты исключительных прав на средства индивидуализации и сетевые информационные ресурсы. Внесудебный порядок блокировки сайтов является излишней мерой и в ряде случаев приводит к нарушению прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота. Контент сайта может быть признан противозаконным только по решению суда. Гражданско-правовая защита любых результатов интеллектуальной деятельности, ее особенности определяются, в первую очередь, существенными признаками объекта защиты. Доменное имя имеет целый ряд общих признаков со средствами индивидуализации. Во-первых, как объект защиты, оно не обязательно должно носить творческий характер по своей сути. Во-вторых, за его обладателем закреплено право авторства. В-третьих, авторы средств индивидуализации не защищаются в порядке, установленном для защиты личных неимущественных прав. Наряду с этим домен, по сравнению с товарным знаком и фирменным наименованием, как средствами индивидуализации, имеет определенное информационное наполнение.

Ключевые слова: гражданско-правовая защита; исключительные права; средства индивидуализации объекта права; информационные ресурсы; доменное имя; сеть «Интернет»; защита информации; информационная технология; интернет-сайт; законный интерес; возмездная услуга; интеллектуальная собственность.

In this article some features of the civil law protection of exclusive rights to the means of individualization and network information resources are researched. The extrajudicial blocking of websites is an unnecessary

measure and may lead to a violation of the rights and legitimate interests of innocent participants of civil traffic. Website content may be declared illegal only by the court decision. Civil legal protection of any results of intellectual activity and its features is determined, first of all, by the essential features of the object of protection. A domain name has a number of common features with means of individualization. Firstly, as an object of protection, it does not have to be creative in its nature. Secondly, the right of authorship is assigned to its owner. Thirdly, the authors of the means of individualization are not protected in the manner established for the protection of personal non-property rights. Along with this, it should be noted that the domain, as compared with the trademark and brand name, as means of individualization, has a certain content.

Keywords: civil legal protection; exclusive rights; means of individualization of the object of law; informational resources; Domain name; The Internet; information security; information technology; Website; legitimate interest; chargeable service; intellectual property.

Гражданско-правовая защита на средства индивидуализации и сетевые информационные ресурсы имеет свои особенности¹. Одним из таких средств индивидуализации выступает доменное имя. Согласно п. 15 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» доменное имя представляет собой обозначение символами, предназначенное для адресации сайтов в сети «Интернет» в целях обеспечения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет». Понятие «доменное имя» впервые получило закрепление в законе только в 2012 году.

В целях защиты прав и законных интересов неопределенного круга лиц интернет-сайт, а также доменное имя данного интернет-сайта можно заблокировать по жалобе отдельно взятого лица, либо группы лиц на срок до трех дней, если на этом интернет-сайте обнаружена информация о незаконном обороте наркотиков, суициде либо детской порнографии. Эти действия имеют под собой правовую основу и осуществляются на основании Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержа-

¹ Об этом подробнее см.: Филиппов П. М., Мохов А. В. Некоторые особенности защиты гражданских прав на информацию // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 1/2. – С. 132–134.

О гражданско-правовой защите исключительных прав на средства индивидуализации и сетевые информационные ресурсы

щие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» с провайдером хостинга, который утвержден приказом Роскомнадзора от 21.02.2013 г. № 170¹.

С целью защиты прав на такие результаты интеллектуальной деятельности, как телефильмы и кинофильмы, принят специальный регламент, предусмотренный ст. 15.2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², предоставляющий правообладателю возможность блокировки доменного имени путем обращения в Роскомнадзор при наличии вступившего в законную силу соответствующего судебного акта, но на основании вступившего в силу судебного акта на срок до трех рабочих дней. Наряду с приказом Роскомнадзора от 12 августа 2013 года № 912 принят Порядок функционирования Информационная система взаимодействия³. Эти меры позволяют последовательно создавать нормативную базу, обеспечивающую защиту прав и законных интересов не только пользователей сети «Интернет», но и правообладателей результатов интеллектуальной деятельности, размещенных в сети «Интернет».

Роскомнадзором совместно с правообладателями в марте 2016 года разработан проект закона, который позволял в досудебном порядке блокировать «зеркала» пиратских сайтов и даже удалять эти пиратские продукты из выдачи поисковых систем. Как нам представляется, внесудебный порядок блокировки сайтов является излишней мерой и может привести к нарушению прав и законных интересов добросовестных участников гражданского оборота. В настоящее время контент сайта признается противозаконным только по решению суда.

Обратимся к судебной практике в интересующей нас сфе-

¹ Об утверждении Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено «с провайдером хостинга»: приказ Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) от 21 февр. 2013 г. № 170 г. // Рос. газ. – 2013. – 17 апр.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон РФ от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (в ред. от 12.03.2014). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О порядке функционирования Информационной системы взаимодействия: приказ Роскомнадзора от 12 авг. 2013 г. № 912 (ред. от 13.05.2015). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 18.06.2015).

ре исследования. В Центральный районный суд г. Сочи Краснодарского края поступило заявление прокурора города Сочи в целях защиты прав Российской Федерации и неопределенного круга лиц, охраны государственных и общественных интересов путем ограничения доступа к информации, размещенной в сети «Интернет». Действия прокуратуры г. Сочи обусловлены тем, что в ходе мониторинга сети «Интернет» были выявлены конкретные факты размещения информации, содержащей сведения о лицах, осуществляющих распространение и поддержку идей движения «АУЕ» (Арестанский Уклад Един). Наряду с этим обнаружены сведения об участниках группы, назвавшей себя «группа колумбайнер», в которую входили студенты, школьники и где содержалась пропаганда, пробуждающая интерес к совершению убийств, суицида, вандализма.

В ходе судебного разбирательства установлены факты, подтверждающие, что указанная деятельность в сети «Интернет» нарушает ст. 4 Федерального закона № 124-ФЗ от 24.07.1998 г. «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», а также нарушает требования Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В связи с этим принято решение признать указанные интернет-сайты распространителями информации, запрещенной на территории России. Указанная группа включена в единый реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», позволяющих впоследствии выявить интернет-сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, запрещенную к распространению на территории Российской Федерации¹.

Важно учитывать, что право владельца доменного имени представляет собой субъективное гражданское право на использование доменного имени в течение срока, предусмотренного договором. Это право реализуется обязанностями администратора доменных имен, обеспечивающего предоставление соответствующей возмездной услуги. Доменное имя позволяет придать индивидуально определенный характер деятельности по оказанию услуги, персонифицирует эту услугу в границах конкретного относительного гражданского правоотношения. При

¹ Решение Центрального районного суда г. Сочи Краснодарского Края от 27 февр. 2018 г. № 2-1182/2018 по делу № М-671/2018. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/IGfThOPX4CHm/> (дата обращения: 12.01.2018)

этом рынок услуг по предоставлению доменных имен постоянно расширяется, что подтверждает статистика, свидетельствующая о росте количества совершаемых сделок, предусматривающих предоставление доменного имени, позволяющего индивидуализировать сайт пользователя в сети «Интернет».

Следует признать, что далеко не любое доменное имя обладает высокой экономической ценностью. Наиболее ценными доменными именами являются доменные имена, которые на момент его получения уже узнаваемы или имеют высокую возможность быть узнаваемыми в обозримый период. Это может быть обусловлено тем, что оно вызывает определенные ассоциации с известными и «раскрученными» сайтами или сформулированы посредством смешивания обозначения доменного имени с уже известными обозначениями. В данном случае очень важно не допустить несанкционированного вмешательства в сферу иных немущественных субъективных прав.

Поскольку сайт сам по себе может представлять определенную экономическую ценность, его создание, продвижение и расширение круга пользователей предполагает вложение существенных инвестиций. В связи с этим титульные владельцы интернет-сайтов, пользующихся повышенным спросом среди пользователей сети «Интернет», нуждаются в надежной и эффективной защите принадлежащего им права на доменное имя. По юридической природе наличие доменного имени предполагает закрепление за его правообладателем абсолютного права, позволяющего индивидуализировать любой информационный ресурс, размещенный в телематической сети «Интернет» и обеспечивать его надлежащую защиту.

Гражданско-правовая защита любых результатов интеллектуальной деятельности, ее особенности определяются, в первую очередь, существенными признаками объекта защиты. Доменное имя имеет целый ряд общих признаков со средствами индивидуализации. Во-первых, как объект защиты, оно не обязательно должно носить творческий характер по своей сути. Во-вторых, за его обладателем закрепляется право авторства. В-третьих, авторы средств индивидуализации не защищаются в порядке, установленном для защиты личных немущественных прав. Вместе с тем домен, по сравнению с товарным знаком и фирменным наименованием, как средствами индивидуализации, имеет определенное информационное наполнение.

Следует подчеркнуть, что исключительное право на товарный знак гарантирует правообладателю возможность запрещать использование иными лицами тождественного или сходного до степени смешения обозначения, предназначенные для индивидуализации товаров, услуг, если эти обозначения препятствуют достижению целей правообладателя. При разработке критериев способности правовой защиты товарных знаков и знаков обслуживания учитывались различного рода ограничения сферы действия исключительных прав, предусмотренные определенным перечнем товаров и услуг. Чтобы сравнить фирменное наименование и доменное имя, требуется выявить сферу деятельности фирмы и состав аудитории информационного ресурса¹.

С учетом этого доменное имя представляет собой объект, который может быть создан либо выбран при осуществлении регистрации различными лицами. Вне зависимости от этого защита интеллектуальных прав на доменное имя должна осуществляться после прохождения специальной регистрации, а также проверки на соответствие объекта признакам его охраноспособности и наличия зарегистрированного права.

Наличие особого института охраны доменных имен позволяет выделить домены, соответствующие по всем признакам объекта интеллектуальной собственности. По своему характеру защита доменных имен практически ничем не отличается от защиты права на товарный знак. Следует при этом обязательно учитывать особенности доменного имени, как объекта интеллектуальных прав. Доменное имя изначально на момент регистрации само по себе не представляет какой-либо экономической ценности. Однако в дальнейшем, по мере наполнения домена различной информацией, оно начинает приобретать экономическую ценность и приобретает определенный правовой режим.

В связи с этим следует различать момент регистрации доменного имени в сети «Интернет» и момент возникновения основания для защиты прав на такой объект интеллектуальных прав. Согласно п. 4 ст. 1259 ГК РФ не требуется какой-либо регистрации объекта авторского права для того, чтобы возникло право на его осуществление или защиту. Для этого достаточно, чтобы произведение было выражено в любой объективной форме: на бума-

¹ Савинова А. А. Защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях по российскому гражданскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 112.

О гражданско-правовой защите исключительных прав на средства индивидуализации и сетевые информационные ресурсы

ге, электронном носителе, в сети «Интернет». Для этого совершенно не требуется каких-либо доказательств его экономической ценности.

Авторские права на сайт в целом и размещенные на этом сайте отдельные материалы (контент), созданные творческим трудом их автора, охраняются законом и могут быть защищены в суде в случае их нарушения. Сайт, как объект гражданского права, по своей сути и содержанию есть комплексный объект, содержащий различные сведения, имеющие различный правовой режим. К ним относятся доменное имя, персональные данные о гражданах и иных субъектах права, информация различного характера, изображение гражданина, фирменное наименование юридического лица, базы данных и др.

Ранее между читателем и автором находился только издатель. В настоящее время, с развитием информационных технологий, между автором и конечным потребителем возникает интернет-сайт. По мнению А. А. Савиновой, интернет-сайт, как результат человеческой деятельности, представляет собой комплексный объект авторских и (или) смежных прав в виде информационного ресурса в форме систематизированной структуры систем данных, направленных на функционирование компьютерных устройств и предоставление пользователям телематической сети «Интернет» доступа¹.

Интернет-сайт можно сравнить со своеобразным сборником статей, являющимся результатом коллективного творческого труда. Наряду с правом на размещение материалов в таком сборнике и осуществление подбора материалов существует и право на произведения, которые содержатся в этом сборнике. Поскольку в законе отсутствует норма, позволяющая отнести сайт к периодическим изданиям, к нему нельзя применить положение о возникновении первоначального исключительного права. Исключительное право на сайт изначально возникает непосредственно у автора, соавторов, работодателя, после оно может быть передано его владельцу. В связи с этим на практике сложность с определением фактического обладателя субъективного исключительного права на сайт является причиной проблем в осуществлении защиты исключительных прав. Именно по этой причине, на наш взгляд,

¹ Савинова А. А. Защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях по российскому гражданскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 135.

права на сайт должны быть закреплены за владельцем сайта.

Библиографический список

1. *Савинова А. А.* Защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях по российскому гражданскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 187 с.

2. *Филиппов П. М., Мохов А. В.* Некоторые особенности защиты гражданских прав на информацию // Актуальные проблемы правоведения. – 2003. – № 1/2. – С. 132–134.

Раздел

**Юридическая наука
и практика стран СНГ**

А. Г. Диденко

профессор Каспийского университета (Республика Казахстан)
доктор юридических наук,
профессор
an_didenko@mail.ru

О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ¹**ON THE JUSTICE IN PRIVATE LAW**

Статья посвящена категории справедливости в частном праве. По мнению автора, не существует в природе общества, где бы не говорили о справедливости и не предпринимали попыток дать этому социальному явлению определение, выходящее за рамки обыкновенного афоризма. Перед гражданско-правовой теорией – целый ряд задач, требующих радикальных решений: утвердить новое понимание справедливости в условиях равенства государственной и частной форм собственности, установить четкие границы сферы гражданско-правового регулирования отношений, основанных на равенстве и автономии воли их участников, определить оптимальное соотношение частного и публичного. Это предполагает необходимость постановки и решения более крупных теоретических задач в науке гражданского права. Основой справедливости в частном праве признается равенство. В этой правовой отрасли справедливость пробивает себе дорогу благодаря своей природе, основанной на равенстве субъектов как основной черте справедливости. Справедливость конкретна. Она привязана к историческому моменту общества с

¹ В основе статьи – выступление профессора А. Г. Диденко на XII сессии Европейско-Азиатского правового конгресса «Право и справедливость: глобальные вызовы», состоявшегося в г. Екатеринбурге 13 сентября 2018 года.

состоянием его культуры, права, религии, политики, экономики, нравственности, расслоения общества.

Ключевые слова: право; справедливость; частное право; цивилистика; демократия; авторитаризм; государственная собственность; частная собственность; наука гражданского права; субъект права; реализация права; публичное право; злоупотребление правом; добросовестность.

In this article the concept of justice in private law is researched. According to the author of the article, there is no human society which uses the notion of justice purely in its spiritual meaning. Civil-legal theory faces many challenges which must be solved, for example – creating a new notion of justice which takes into the consideration the equality of private and state property, to define the sphere of civil regulations of relationships between the subjects based on their equality and free will, and to clearly define the relationship between private and state property. This defines the necessity of facing and solving the bigger theoretical issues of the civil law. The key point of the civil law is equality and this is the basis for the notion of justice in civil law. In that sense, the meaning of justice is very clear and it has strong ties with historical status of the culture, law, religion, politics, economy, morality and division of the society

Keywords: law; justice; private law; civilization; democracy; authoritarianism; state property; private property; civil law; subject of law; exercise of right; public law; abuse of right; innocence.

Присутствие на юбилейной конференции – честь для каждого участника. Для меня, представителя казахстанской цивилистики, наиболее близкой из всех стран СНГ екатеринбургской школе, такая встреча – особое событие. Это продолжение тесных научных и дружеских связей. О многом говорят недавние публикации в Алма-Ате биографий О. А. Красавчикова и В. С. Якушева. Ожидается публикация биографии В. Кофмана. Только здесь можно получить заряд мыслей, оценку результатов проделанного.

Правовую школу свердловчан всегда отличала научная оригинальность, основательность и при этом особая деликатность в отношении оценки чужих мнений. Думаю, что это – результат деятельности представителей фронтового поколения: С. С. Алексева, В. С. Якушева, О. А. Красавчикова и их коллег, Ю. Г. Басина и др. В качестве образца я привел бы последнюю рецензию О. Иоффе на статью его близкого друга Ю. Басина о праве собственности. Полное несогласие, но какая корректность. И уже сегодняшняя иллюстрация. Бронислав Мичиславович Гонгало в журнале «Хозяйство и право» выразил протест по поводу моей позиции о значении советского гражданско-правового наследия,

которое в целом я свел к поэтическим строкам «и я сжег все, чему поклонялся, поклонился тому, что сжигал». Скорее всего, он ошибается, зато насколько деликатна и серьезна его полемика.

Вот я и приехал в надежде получить на мою небольшую зарисовку подобного рода реакцию со стороны коллег. К какому разряду я отношу рассматриваемый вопрос, который весьма далек от повседневной практики? Это – алгебра гражданского права. Нет общества, где бы не говорили о справедливости и где бы не было попыток дать ей определения, которые по преимуществу сводятся к афористическим высказываниям.

Распространен взгляд о том, что справедливость означает действовать по праву, но действовать по праву в авторитарном и недемократическом обществе не означает утверждение справедливости. Для меня исходной позицией является постулат о неопределяемости этой категории как в целом, так и применительно к понятию права вообще. Данная категория лишь **является** в отдельных формах публичного и частного права, а также в более конкретных ситуациях, где она определима. За этими пределами она «вещь в себе».

Мудрец И. Кант, а его очень почитал С. С. Алексеев, говорил, что ничто так не поражает, как звездное небо над нами и нравственный закон внутри нас. Это не афоризм, а идея. Нравственный закон внутри нас – это также требование справедливости. Это вещи в себе. Они не имеют причины, как и понятие Бога, бесконечности времени и пространства. И. Кант говорит о явлении нравственного закона в праве в целом. День сегодняшний требует новых подходов. И. Кант не говорил о праве частном и публичном, их взаимопроникновении. Сегодня перед гражданско-правовой теорией стоят требующие радикальных решений задачи: утвердить новое понимание справедливости в условиях равенства государственной и частной собственности, четко очертить границы гражданско-правового регулирования, найти оптимум соотношения частного и публичного. Из сказанного вытекает требование постановки и решения теоретических задач.

У понятия справедливости нет такого творца, как Леонардо да Винчи. У нее более высокий создатель – общество. На долю Хаммурапи (XVI век до н.э.), Солона (VI в. до н.э.), Юстиниана (VI век), Наполеона (XIX век) выпала историческая миссия организовать и более или менее адекватно сгруппировать в законодательстве общественные запросы, в том числе о справедливости, но не сотворить законодательство. Это понятие создается и цементиру-

ется национальным духом, идеалами, верой, традициями. Поэтому дать ему общее определение бессмысленно и невозможно. Ф. Энгельс говорил, что представление о вечной справедливости изменяется не только в зависимости от времени и места: оно неодинаково даже у разных лиц и принадлежит к числу тех вещей, под которыми «каждый понимает нечто другое». К. Маркс не писал специальных работ о справедливости, но нередко скептически отзывался об этой ценности.

Из современных авторов я бы сослался на митрополита Антония Сурожского. Я несколько раз был в Лондонской православной церкви, где он служил, и приобретал книги его и о нем. В своих лекциях о красоте и уродстве он в созвучии с Ф. Достоевским говорит о красоте как о неопределяемом, что в полной мере относится и к справедливости.

Справедливость – рабочий инструмент при принятии норм права, при их истолковании, при применении. Я не буду говорить о справедливости при принятии норм права. Это область публичного права. Остановлюсь только на осуществлении принадлежащего лицу субъективного права, для которого ст. 8 Гражданского кодекса Республики Казахстан (ГК РК) устанавливает требование справедливости. Субъекту предписывается действовать при реализации своего права не только по закону, но и по справедливости.

Интересно заметить, что ст. 10 ГК РФ в числе требований по осуществлению права не называет справедливость, а только добросовестность и разумность. Возникает вопрос, на который нет ясного ответа: каковы последствия нарушения справедливости при отсутствии упреков лица в добросовестности? Такие ситуации возможны, и есть практика, когда суд, руководствуясь принципом справедливости, при отсутствии каких бы то ни было упреков к поведению правообладателя, уменьшает его притязания по сравнению, к примеру, с предусмотренными договорами бонусами, вознаграждениями в силу их чрезмерности.

Основной недостаток нормы о требованиях справедливости, добросовестности и разумности при осуществлении права состоит в следующем. И поскольку я в своих рассуждениях стою на глубоко формальной позиции, то готов, чтобы ко мне были применены не используемые сегодня, а когда-то популярные термины талмудиста и начетчика.

На мой взгляд, законодатель принял реакционное решение,

установив одно последствие нарушения всех этих требований – возможность отказа в защите права. Ни ГК РСФСР 1922 г., ни ГК РСФСР 1964 г., ни Модельный ГК, ни Модельные правила не знают такого широкого основания аннулирования права (а отказ в защите есть аннулирование, или еще точнее – обесценивание права). Это не мера ответственности. Модельный ГК говорит об отказе в защите при шикане, злоупотреблении правом, ограничении конкуренции. Прежние гражданские кодексы говорили об охране прав законом, кроме случаев, когда осуществляется в противоречии с назначением права.

К случаям, когда сам закон обесценивает право, надо подходить предельно осторожно, с максимально жестким законодательным перечнем таких случаев. Законодатель расширил посягательство на эту основную ценность, дав возможность суду на основе оценочных понятий, то есть по существу по собственному усмотрению лишать субъекта принадлежащего ему права.¹ Законодательство знает случаи отказа в защите права по прямому указанию закона. Например, нельзя требовать через суд возврата исполненного по истечении срока исковой давности (ст. 186 ГК РК), не подлежат судебной защите требования по пари (ст. 914 ГК РК). Но совсем иное дело, когда возможность отказа в судебной защите основано не на императивной норме, а на усмотрении судьи.

Сказанное не означает, что не следует учитывать справедливость, разумность и добросовестность. Нарушение этих требований со стороны правообладателя должно влечь по просьбе заинтересованных лиц (а не по усмотрению суда) защиту интересов потерпевшего самыми различными правовыми способами: уменьшением притязаний правообладателя, приостановлением его действий, многими другими приемами, но без акцента на угрозу лишения его права.

Итак, что такое справедливость в частном праве? Основой справедливости в частном праве является равенство. В этой правовой отрасли справедливость пробивает себе дорогу благодаря своей природе, основанной на равенстве субъектов, основной черте справедливости. Действия участников гражданских пра-

¹ См. также: Камышанский В.П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. - С. 5-7;

Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть Закона. 2013. № 4 (16). – С. 19-23.

воотношений содержат в себе нравственную установку равенства субъектов друг с другом. В рамках самого частного права признаки справедливости законодательства и справедливости осуществления субъективных прав также существенно различаются, так как для нормотворчества характерна необходимость нахождения оптимального сочетания справедливости с целесообразностью, чего не требуется при осуществлении права.

Давно замечено, что частный имущественный оборот требует свободных, не стесненных в своих движениях товарладельцев, которые как таковые равноправны и ведут между собой обмен на основе одинакового для них всех права. Объяснение идеи необходимости равенства, вытекающего из экономических условий общества, впервые было развито К. Марксом в «Капитале». При этом К. Маркс одновременно указывал, что нигде путь осуществления этой идеи не был свободен, нигде не было равенства шансов для конкурентов, хотя это равенство являлось первым и все более настоятельным требованием. Сегодня мы можем наблюдать, что там, где нет прочного среднего слоя, где на рынке действует диктат олигархов или привилегированных групп лиц, существует кастовая структура и пропасть между общественными стратами, не может быть реализован принцип справедливости, там резко сужается возможность утверждения равенства субъектов.

Справедливость важна при истолковании правовых норм. Статья 6 ГК РК позволяет использовать при истолковании основные принципы гражданского законодательства. В процессе правоприменения трудно встретить ссылку на справедливость при уяснении смысла нормы права как на центральный принцип гражданского права. Обычно достаточно более традиционных видов толкования, систематического, исторического и других, хотя возможности для этого есть. Например, для применения ряда норм ГК РК требуется наличие признака существенности нарушения. «Существенность» – оценочное понятие, и суд должен прийти к выводу, насколько справедливо его применение в конкретной ситуации, отвечает ли оно требованию равенства сторон.

Статья 392 ГК РК говорит о толковании договора, а ст. 383 ГК РК о соответствии договора законодательству. Поэтому иногда приходится для выяснения смысла договора привлекать истолкование законодательства на основе принципа справедливости. Таким образом, основываться ли на понимании справедливости как

вещи в себе или на том, что она не является родовым понятием, итог один – анализу подлежат отдельные проявления этого явления, а не общее понятие.

Что касается конкретики, то спор о справедливости той или иной ситуации сродни спору о произведении искусства: для одних оно прекрасно, для других – безобразно или посредственно. И один и тот же наблюдатель в зависимости от настроения, опыта, состояния души может один и тот же объект оценивать по-разному. Тем не менее, оно все же имеет объективную самостоятельную ценность вне зависимости от субъективных оценок и его восприятия. Как бы трудно, а то и невозможно в сиюминутное мгновение найти объективные критерии оценочного понятия, они существуют. Справедливость конкретна. Она привязана к историческому моменту общества с состоянием его культуры, права, религии, политики, экономики, нравственности, расслоения общества.

Все же нельзя замыкаться на исключительности принципа равенства. Когда ст. 8 ГК РК говорит о справедливости при осуществлении права, то в эту категорию вкладывается более широкое значение, чем необходимость равенства. Глубинное содержание (требование) справедливости в частном праве, то есть его принцип есть равенство субъектов. Однако это требование сопровождается и порой затемняется такими явлениями, как добросовестность, честность, порядочность, целесообразность. Постоянно требуется выяснять значение справедливости в конкретном случае. Это может быть не только принцип гражданского права – требование равенства субъектов, но и требование нравственного поведения, добросовестность.

Частью справедливости является добросовестное поведение, поэтому недобросовестное поведение всегда является несправедливым. Оно характеризуется субъективным отношением лица к своим действиям, а несправедливое поведение может быть объективным, не зависящим от субъективного усмотрения.

Особенно важна связь справедливости с добросовестностью. Несправедливость может выступать в форме недобросовестного поведения. Если установлено, что несправедливые действия носят объективный характер, не связанный с субъективным отношением лица к своему поступку (например, объективно дискриминационный характер поступка, объективное ущемление прав миноритарных акционеров, объективно завышенный характер притязаний субъекта и т. п.), то это по действующему законода-

тельству **должно** вести к отказу в защите права, поскольку нарушен главный принцип частного права – равенство субъектов, а не к **возможности** в отказе в защите, как в случае, когда несправедливость выступает в форме недобросовестности.

В заключение хотелось бы вспомнить слова Фауста: «Verweile doch, du bist so schön!». В русском языке прижился следующий перевод этой фразы: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!». На мой взгляд, правильный перевод: «Продлись, мгновенье, ты прекрасно!». Я желаю, чтобы мгновенье подобных встреч ученых-единомышленников продлевалось и далее на благо развития правовой науки.

Библиографический список.

1. Камышанский В.П. Конституционные ограничения права собственности // Юрист. 2004. № 5. С. 5-7.
2. Камышанский В.П., Ветер Н.Ю. Обход закона и злоупотребление правом: общее и особенное // Власть Закона. 2013. № 4 (16). – С. 19-23.

Ч. А. Туратбекова

доцент кафедры гражданского права
и процесса Кыргызско-Российского
Славянского университета,
кандидат юридических наук
ch.turatbekova@gmail.com

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «ИНОСТРАННЫЙ ЭЛЕМЕНТ»**EVOLUTION OF THE NOTION “FOREIGN ELEMENT”**

Автором обоснован тезис о том, что иностранный элемент является одной из ключевых категорий международного частного права. Предмет указанной отрасли права определяется именно через присутствие в частноправовом отношении иностранного элемента. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть прототипы иностранного элемента в дореволюционном праве кыргызов. По результатам исследования автор приходит к выводу о том, что прототипами иностранного элемента можно считать, например, субъектов иного вероисповедания, при регулировании отношений с которыми предусмотрены особенности правового регулирования. Современная правовая система Кыргызской Республики строится на принципах правового регулирования, заложенных в советский период. Однако нельзя отрицать факт влияния дореволюционного права кыргызов на общественно-правовые связи, которые трансформировались в действующую правовую систему.

Ключевые слова: иностранный элемент; международное частное право; дореволюционное право кыргызов; коллизионное право; субъект права; правоотношение; иностранный гражданин; правопорядок; юридический факт; применимое право.

The foreign element is one of the key categories of private international law. The subject of this branch of law is determined by the presence of a for-

eign element in private law. In this article the attempts to consider the prototypes of a foreign element in the pre-revolutionary law of the Kyrgyz are made. Based on the results of the study, the author arrives at the conclusion that, subjects of a different religion can be considered as prototypes of a foreign element, while regulating relations with which features of legal regulation were provided. The modern legal system of the Kyrgyz Republic is based on the principles of legal regulation that were laid down in the Soviet period. However, it is impossible to deny the fact of the influence of the pre-revolutionary right of the Kyrgyz people on the social and legal relations, which, ultimately, were transformed into the existing legal system.

Keywords: foreign element; international private law; pre-revolutionary Kyrgyz law; conflict of laws; subject of law; legal relationship; foreign citizen; law and order; legal fact; applicable right.

Традиционным пониманием того, на что нацелено международное частное право, является подход, согласно которому международное частное право изучает частноправовые отношения, выходящие за рамки одного государства. Самым распространенным в юридической литературе оборотом, подчеркивающим присутствие в отношении иностранного субъекта, объекта или юридического факта, признают сочетание слов «осложненный иностранным элементом».

Возникает вопрос: что есть иностранный элемент в современном понимании? Если обратимся к классическим учебникам по международному частному праву, то встретим примерно следующее определение: «Иностранный элемент может проявляться в трех вариантах: 1. Субъект правоотношения – иностранное лицо, иностранец (иностраный гражданин, апатрид, бипатрид, беженец; иностранное юридическое лицо, предприятие с иностранными инвестициями, международное юридическое лицо, ТНК; международные межправительственные и неправительственные организации; иностранное государство). 2. Объект правоотношения находится за границей. 3. Юридический факт, с которым связано правоотношение, имеет место за границей»¹. Отдельные авторы более детально раскрывают «сухую» тройку «субъект, объект, юридический факт», приводя конкретные примеры и акцентируя внимание на том, что приведенные виды иностранного элемента «могут присутствовать в любом сочетании: они могут относиться к одной из групп или к двум либо все

¹ Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник. – М.: Эксмо, 2005. – С. 17–18.

три группы могут иметь иностранные элементы...»¹.

Примечательно, что для выделения отношений, составляющих предмет международного частного права, называют, как правило, два признака: частноправовой характер правоотношения и присутствие иностранного элемента. Отмечается, что «только одновременное наличие двух рассмотренных признаков позволяет вычлени́ть из общественных отношений тот круг, который является предметом международного частного права»². Отдельные авторы подчеркивают такой признак, как наличие иностранного элемента, называя его главным³. Встречаются и противоположные мнения, согласно которым сам по себе иностранный элемент не является квалифицирующим признаком предмета международного частного права. Так, Л. П. Ануфриева утверждает: «На самом деле один лишь факт, что речь идет об иностранном гражданине или о местонахождении вещи за границей либо о событии или факте, происшедшем за рубежом, еще недостаточен для того, чтобы регулирование осуществлялось именно средствами международного частного права, а не какой-либо другой отраслью права»⁴. Основным признаком Л. П. Ануфриева считает не наличие иностранного элемента, а «проявление юридической связи данного общественного отношения с правовыми порядками двух или более государств»⁵. Мы солидарны с приведенным мнением, поскольку в действительности не всякое частноправовое отношение, в котором присутствует тот или иной вариант иностранного элемента, способно породить правовую связь с правовыми порядками разных стран. Зачастую подобное отношение по умолчанию регулируется правом какой-либо страны без возникновения коллизионного вопроса. В связи с этим не считаем возможным согласиться с мнением В. А. Толстых о том, что в науке⁶ предмет регулирования международного частного права не явля-

1 Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – С. 9.

2 Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – С. 11.

3 См., например: Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – С. 13.

4 Ануфриева Л. П. Международное частное право: учебник. В 3 т. Т. 1: Общая часть. – М.: Издательство БЕК, 2000. – С. 61.

5 Ануфриева Л. П. Указ. соч. С. 62.

6 Говоря о науке, В. А. Толстых подразумевает российскую доктрину международного частного права. Сказанное, однако, справедливо и для доктрины международного частного права всех постсоветских стран.

ется объектом дискуссий¹.

В законодательстве Кыргызской Республики понимание иностранного элемента можно найти в п. 1 ст. 1167 Гражданского кодекса: «Право, подлежащее применению к гражданско-правовым отношениям с участием иностранных граждан или иностранных юридических лиц либо осложненным иным иностранным элементом, определяется на основании настоящего Кодекса, иных законов, международных договоров и признаваемых международных обычаев, а также на основании соглашения сторон». Такую формулировку нельзя назвать полноценным определением. В нем нет указания на то, что субъектом отношения может выступать иностранное государство; отношение может иметь место на территории иностранного государства и т. д. Но поскольку норма сформулирована открытым способом (в ней присутствует словосочетание «иным иностранным элементом»), ее можно считать удовлетворительной.

Международное частное право не могло бы возникнуть как отрасль права, как наука в случае отсутствия различий в правовом регулировании одних и тех же отношений в практике разных стран. Иностраный элемент в любом его проявлении есть нечто чуждое, что обременяет возникшее частноправовое отношение, которое бы регулировалось действующим законодательством страны в случае его отсутствия. В связи с этим возникает вопрос: в какой форме мог существовать и проявлять себя иностранный элемент на ранних стадиях формирования современной правовой системы?

Представляется неоспоримым тот факт, что современная правовая система Кыргызской Республики строится на принципах правового регулирования, заложенных в советский период. Однако нельзя отрицать факт влияния дореволюционного права кыргызов на общественно-правовые связи, которые трансформировались в действующую правовую систему. Дореволюционное право кыргызов не знало такого института, как коллизионно-правовое регулирование отношений, осложненных иностранным элементом. При этом отдельные особенности правового регулирования, на наш взгляд, можно рассматривать как прототипы одностороннего коллизионного регулирования вследствие наличия в отношении чуждых элементов.

¹ См.: Толстых В. А. Международное частное право: коллизионное регулирование. – СПб.: Юридический Центр Пресс, 2004. – С. 33.

Обратимся к истории формирования гражданского права кыргызов. Данная тема отражена в нескольких фундаментальных научных работах по истории государства и права Кыргызской Республики. В частности, одним из важнейших исследований, которое дает развернутое понимание сущности правообразующих процессов в дореволюционном Кыргызстане, является работа Т. И. Ганиевой, посвященная становлению и развитию гражданского права Кыргызстана с 1864 по 2000 год¹. В этой работе рассмотрены основные этапы формирования гражданского права, что представляет для нас особенный интерес с учетом того, что коллизионные нормы, несомненно, составляют часть гражданского права.

Этой теме посвящены и исследования К. А. Альчиева, С. С. Сатыбекова, А. Супатаева, Ф. П. Тайгина, Р. Т. Тургунбекова и некоторых других авторов, которые в советский период рассматривали вопросы становления гражданского и гражданского процессуального права советского кыргызского государства и, несомненно, включали в орбиту своего научного познания специфические особенности правового регулирования, существовавшие в обычном праве кыргызов в дореволюционный период.²

Повышенный интерес к обычному праву кыргызов можно заметить в научной юридической среде после 2000-го года. Мы предполагаем, что рубеж XX и XXI вв. стал исторически переломным моментом, когда национальное самосознание кыргызского народа приобрело устойчивость после глобальных потрясений, к которым, безусловно, можно отнести распад СССР. Осознание себя как независимого народа, естественно, породило внутреннюю потребность в изучении исторических корней, предпосылок и условий становления собственной национальной правовой и государственной системы. В этот момент и появляется значительное количество научных работ, посвященных различным аспектам формирования государства и права.

1 Ганиева Т. И. Становление и развитие гражданского права Кыргызстана (1864-2000 года): дис. ... д-ра юрид. наук. – Бишкек, 2015. – 307 с.

2 Альчиев К. А. Становление и развитие гражданского права в Советском Кыргызстане. – Ф., 1975; Супатаев А., Тайгин Ф. П. Возникновение и развитие суда в Кыргызской ССР. – Ф., 1971; Зайков Ф. А., Безрук В. Д., Сатыбеков С. С., Поляков В. Г. Гражданский и Гражданский процессуальный Кодексы Кыргызской ССР. – Ф., 1965; Сатыбеков С. С. Гражданское судопроизводство Кыргызской ССР (историко-правовое исследование). – Ф., 1987; Тургунбеков Р. Т. Становление и развитие суверенного государства кыргызского народа. – Ф., 1969.

Как отмечает Ж. Ч. Тегизбекова, до вхождения Кыргызстана в состав России (вторая половина XIX в.) общественные отношения кыргызов в основном регулировались обычаями. После вхождения в состав России на территории Кыргызстана наряду с обычаями действовали законы Российской империи, а после революции 1917 года – законы Советского государства¹.

Б. Р. Сайпидинов указывает, что кыргызское право дореволюционного периода сформировалось из ряда источников. Среди них – обычаи, практика суда биев, положения съезда биев, пословицы и поговорки, нормы царского (российского) законодательства. Но основное место занимает обычай².

Если подытожить существующие мнения в науке Кыргызской Республики и обобщить, становится очевидным тот факт, что обычное право кыргызов сформировалось в догосударственный период, то есть как таковым правом не являлось, представляя собой совокупность неписаных правил, которыми руководствовались при разрешении отдельных правовых вопросов или споров. Обычное право в дореволюционный период в Кыргызстане представляло собой некое объединение различных неписаных источников, в том числе религиозного характера, отражавших, как правило, точку зрения правящего класса, по своим признакам соответствовавшего феодальной верхушке.

Характеризуя обычное гражданское право кыргызов, Т. И. Ганиева отмечает, что до установления советской власти в Кыргызстане гражданское право по своей сущности являлось феодальным правом, которое регулировало имущественные и личные неимущественные отношения. Гражданское право исходило из принципов священности и неприкосновенности частной собственности, деления граждан на привилегированных и непривилегированных, их фактического и юридического неравенства по имущественному состоянию, по полу, по принадлежности к той или иной национальности и вере. Субъектами гражданского права и гражданских правоотношений выступали в основном физические лица (граждане), которые не были одинаковы в правовом отношении (по адату и шариату) правоспособными и дееспособ-

¹ Тегизбекова Ж. Ч. Роль и место обычаев и традиций в правовой системе Кыргызской Республики // Вестник КНАУ. – 2015. – № 3. – С. 172.

² Сайпидинов Б. Р. Брачно-семейные отношения по обычному праву кыргызов в XIX в. // Вестник КРСУ. – 2015. – № 1. – С. 49.

ными¹.

Гражданское право Кыргызстана в досоветский период было феодальным правом, регулирующим имущественные, наследственные, брачно-семейные отношения в интересах светских, духовных феодалов, имущественных слоев общества, на основе неприкосновенности частной собственности, неравенства полов, религий, национальности, места в обществе².

В частном праве кыргызов в дореволюционный период отдельные обычаи отдаленно напоминают коллизионно-правовые нормы, то есть попытки каким-либо образом урегулировать отношения, осложненные иностранным элементом. Например, в период обычного права кыргызов одним из условий вступления в брак было вероисповедание. Разумеется, в отсутствие собственного государства у кыргызов того периода нельзя обоснованно назвать брак с представителем другого вероисповедания браком с иностранным элементом, однако, как мы полагаем, что-то общее между такими браками есть.

Брак по нормам обычного права в кыргызском обществе (как в отношении мужчины, так и женщины) с представителем другого вероисповедания рассматривался как незаконное сожитие. Такой брак с самого начала считался недействительным³. Г. Загряжский указывал: «Киргиз не может вступать в брак с неединоверкою. Киргизка не может выйти замуж за неединоверца⁴. После вступления Кыргызстана в состав Российской империи кыргызские мужчины могли жениться на невесте другой веры, так как считалось, что влияние мужа будет способствовать вовлечению ее как новообращенную в ряды правоверных, а женщинам запрещалось выходить замуж за человека другой веры⁵.

Что касается договорного права, то по содержанию договор должен был соответствовать адату и шариату, заключаться по взаимному согласию без обмана и насилия, без кабалы¹. Договоры

1 Ганиева Т. И. Указ. соч. С. 13.

2 Зайков Ф. А. Семья и семейные отношения кыргызов в прошлом и современность // Сб. науч. тр. юрид. факультета КРСУ. – 2000. – № 8. – С. 110–121.

3 Зайков Ф. А. Указ. соч. С. 51.

4 Загряжский Г. Юридический обычай киргиз // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. – 1876.

5 Сайпидинов Б. Р. Брачно-семейные отношения по обычному праву кыргызов в XIX в. // Вестник КРСУ. – 2015. – № 1. – С. 51.

1 Нурбеков К. Н. История государства и права Киргизской ССР. Вып.2. – Б.: КГНУ, 1999. – С. 73–76.

(келишим) делились: на заключаемые в соответствии с шариатом и протившариатные (законные и противозаконные); совершаемые по доброй воле лица (ыктыярдуу) или без таковой; договоры, совершаемые дееспособными, а также недееспособными лицами, но с разными правовыми последствиями¹. В заключении договоров непосредственно не могли участвовать несовершеннолетние, душевнобольные и женщины сами, их представляли только отцы, дети и близкие родственники мужского пола².

Следовательно, основные институты частного права были сконструированы таким образом, что исключали из числа субъектов общественных отношений некоторые категории граждан, несколько похожие по своим признакам, а также по особенностям участия их в гражданском обороте если не на иностранный в современном понимании этого термина, то на некий чужеродный элемент. Соответственно, регулирование отношений с участием такого чужеродного элемента в обычном праве присутствовало. Разумеется, что форма соответствующих правил абсолютно не похожа на собственно коллизионно-правовое регулирование. Полагаем, что для обычного права кыргызов были характерны императивные коллизионно-правовые нормы, которые устанавливали четкие предписания по разрешению правовых ситуаций, где могли бы принимать участие отдельные категории чужеродных элементов.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы. В обычном праве кыргызов правовое положение некоторых категорий граждан было настолько отличным от правового положения других граждан, что под запретом оказывались некоторые действия, юридически значимые поступки, сделки и иные общественные отношения с участием таких граждан. В связи с этим предлагаем признать, что обычному праву кыргызов было присуще выделение так называемых чужеродных элементов, правоотношения с которыми регулировались особыми императивными обычаями, как правило, запрещающими совершение тех или иных действий. Безусловно, говорить о том, что такие обычаи могут быть охарактеризованы как вариации коллизионно-правовых норм, нельзя, но некоторые схожие черты правового регулирования с помощью установления запрещающих обычаев проследить можно. Иностраный элемент в современном пони-

1 Ганиева Т. И. Указ. соч. С. 69.

2 Ганиева Т. И. Указ. соч. С. 59.

мании этого термина подразумевает отнесенность субъектов, объектов или юридических фактов к тому или иному государству. На более ранних стадиях развития права были предусмотрены особенности правового регулирования отношений, в которых присутствует некий чужеродный элемент (как правило, речь шла о субъекте правоотношения). Чужеродность могла проявляться по-разному: например, принадлежность к иной религии. Мы полагаем, что подобные примеры можно рассматривать как прототипы современной категории «иностраннный элемент».

Библиографический список

1. *Ануфриева Л. П.* Международное частное право: учебник. В 3 т. Т. 1: Общая часть. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 288 с.
2. *Ганиева Т. И.* Становление и развитие гражданского права Кыргызстана (1864–2000 года): дис. ... д-ра юрид. наук. – Бишкек, 2015. – 307 с.
3. *Гетьман-Павлова И. В.* Международное частное право: учебник. – М.: Эксмо, 2005. – 752 с.
4. *Зайков Ф. А.* Семья и семейные отношения кыргызов в прошлом и современность // Сб. науч. тр. юрид. факультета КРСУ. – 2000. – № 8.
5. *Загряжский Г.* Юридический обычай киргиз / Г. Загряжский // Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. IV. – 1876.
6. Международное частное право: учебник / отв. ред. Г. К. Дмитриева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2018. – 680 с.
7. *Нурбеков К. Н.* История государства и права Киргизской ССР. Вып. 2. – Б.: КГНУ, 1999. – 130 с.
8. *Сайпидинов Б. Р.* Брачно-семейные отношения по обычному праву кыргызов в XIX в. // Вестник КРСУ. – 2015. – № 1. – С. 49–53.
9. *Тегизбекова Ж. Ч.* Роль и место обычаев и традиций в правовой системе Кыргызской Республики // Вестник КНАУ. – 2015. – № 3. – С. 172–175.
10. *Толстых В. А.* Международное частное право: коллизийное регулирование. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 526 с.

А. А. Чубаров

соискатель института философии
и политико-правовых исследований
Национальной академии наук
Кыргызской Республики
arslan2907@gmail.com

**КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ
КАТЕГОРИИ «ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО»****CONCEPTUAL APPROACHES TO THE UNDERSTANDING OF THE
CATEGORY "INFORMATION SOCIETY"**

Актуальность статьи обусловлена активным развитием информационного общества и его компонентов в мировых масштабах. В ней содержится обобщение имеющихся научных разработок в области определения сущности информационного общества как нового цивилизационного этапа в развитии человечества. Автором проведено исследование основных концепций, объясняющих сущность и базовые характеристики информационного общества, сделаны выводы о дальнейших ориентирах развития информационного пространства. Рассмотрены этапы становления информационного общества и меняющиеся концептуальные подходы к пониманию основных ценностей в формате тотальной информатизации. Информационные технологии расширяют права граждан, появляется возможность не только потреблять информацию, но и производить ее. Информационные технологии увеличивают возможности людей, что связано и с активным участием в процессе принятия политических решений, в результате прозрачности, предоставляемой технологиями, наблюдения за деятельностью правительства.

Ключевые слова: информация; общество; концепция; научно-технический прогресс; угроза; безопасность; информационное общество;

информационная технология; информационная цивилизация; информационное право; информационная безопасность; право на информацию.

The relevance of the article is based on the active development of the information society and its components on a global scale. It contains a generalization of existing scientific developments in the field of pointing out the essence of the information society as a new civilizational stage in the development of mankind. The author examines the basic concepts that explain the nature and basic characteristics of the information society and draws conclusions about the further guidelines for the development of the information space. The stages of the formation of the information society and the changing conceptual approaches to understanding basic values in the format of total information are researched. Information technologies expand the rights of citizens, due to the ability to not only consume information, but also to produce it. In addition, information technology increases the capabilities of people. This is due to active participation in the political decision-making process, as a result of the transparency provided by technology, and overseeing the activities of governments.

Keywords: information; society; concept; scientific and technical progress; threat; security; Information society; information technology; information civilization; information law; information security; right to information.

Информационное пространство стало неотъемлемой частью жизни любого современного общества и государства. Для понимания роли информационного пространства в обеспечении основных направлений жизнедеятельности общества очень важно уяснить социально-философский контекст становления этого пространства, поскольку еще совсем недавно информация не была столь безусловным атрибутом процессов, протекающих фактически на всех уровнях деятельности общественных и государственных институтов.

Необходимо отметить, что феномен повсеместной информатизации является объектом философского познания. Поскольку информация трансформировалась в совершенно новый с точки зрения оборотоспособности и вовлеченности в общественно значимые процессы объект целенаправленной деятельности человека, в том числе связанной с технологическими решениями и их внедрением, философия должна предложить свое видение и разъяснение предпосылок и дальнейших перспектив активного участия информации в жизнедеятельности общества.

При этом следует обратить внимание на тот факт, что в качестве объекта философского познания информация подверглась концептуальному исследованию не так давно. Разумеется, опре-

деленные взгляды на природу информации и ее значение присутствуют и в классической философии, однако, изучение информации как составной части повседневной жизни человека и ее влияния на становление индивида и общества в целом началось сравнительно недавно.

Так, хронология научно-теоретических концепций, объясняющих сущность процессов информатизации и связанных с ними вопросов безопасности информационной среды, обусловленных масштабным внедрением информационных технологий, показывает следующее. Для первых концепций формирующегося информационного общества, представленных трудами Д. Белла, О. Стоуньера, А. Турена и других, свойственна надежда на проникновение научно-технической рациональности во все сферы жизнедеятельности общества, которая позволит гармонизировать его и максимально упорядочить¹. На тот момент можно было наблюдать технократический оптимизм, веру в успех власти технократов и неудержимого научно-технического прогресса. Работы более позднего периода, к примеру, М. Кастельса, Т. Росзака и др., отличаются гораздо меньшей степенью научно-технического фанатизма и большим вниманием к психологическим, духовно-нравственным, гуманистическим сторонам развития информационной цивилизации².

Наибольшее развитие теорий, объясняющих характер нарождающейся эпохи, пришлось на конец XX в., когда философы начинают рассуждать о новом мировом порядке, сопровождающемся информационной экспансией развитых стран³. В начале XXI века страны бывшего социалистического лагеря оказались в несколько иной с точки зрения развития информационного общества ситуации, чем страны Западной Европы, США, Япония, для которых технический прогресс и информатизация ключевых общественно значимых процессов состоялась в иное время и в ином качественном направлении. Именно поэтому для стран СНГ сегодня особенно важно осознать перемены, которые произошли в обществе и требуют адекватного отражения на уровне философской концепции.

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. – М.: Academia, 1999. – С. 7.

² Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М.: Высш. шк. экономики, 2000. – С. 17.

³ Моисеев Н. Н. Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль. – 1996. – № 1. – С. 24.

Тем не менее предпринимались попытки обобщить тенденции развития человеческой цивилизации именно с позиции информационных процессов. Интересна точка зрения Р. Ф. Абдеева, который видит процесс развития общества в его взаимодействии с достижениями информатики, кибернетики, синергетики, микроэлектроники, генетики, что позволяет ему говорить о будущем человечества как об информационной цивилизации¹. По мнению ученого, которое кажется нам справедливым, чрезмерное возрастание роли информационных ресурсов и коммуникаций является объективным фактором формирования информационного общества, а в условиях интенсификации информационных процессов знание и информация в полной мере правят производством, позволяя из ничего вырабатывать высокоэффективные материалы². Оптимистично настроен автор в прогнозах дальнейшего развития информационной цивилизации, указывая, что эволюционный путь позволит осуществить отход от логики капиталистического пути развития, преодолеть экономический фетишизм и на деле превратить человека в самоцель общественного развития³. Тенденциями развития информационного общества должны в таком случае выступить: безусловный приоритет общечеловеческих гуманистических идеалов и ценностей; взаимная интеграция государств; разоружение и бережное отношение к природе. Данные тенденции очень тесно связаны с общей теорией информационной безопасности и ее основными векторами.

Несколько иной, хоть и близкой по духу, концепции придерживается И. С. Мелюхин, который стремительное развитие современного общества увязывает с активным внедрением информационных технологий. При этом автор обеспокоен растущим влиянием информационных технологий на личность человека, его социальные потребности, труд, быт⁴. С одной стороны, ученый высказывает мысль о том, что технологические изменения, которые, как правило, требуют значительных финансовых ресурсов, способны существенно увеличить дистанцию между развитыми и отсталыми странами, отдельными группами внутри сообщества,

¹ Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. – М.: ВЛАДОС, 1994. – С. 97.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 98.

⁴ Мелюхин И. С. *Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития*. – М.: Издательство МГУ, 1999. – С. 148.

поколениями людей. Подобная диверсификация общества может быть обусловлена тем, что информационными технологиями в сущности может владеть только узкая социальная группа, что порождает возможность деформации процесса функционирования общества¹. С другой стороны, информационные технологии путем моментального доступа к информации расширяют права граждан, появляется возможность не только потреблять информацию, но и производить ее. Кроме того, информационные технологии увеличивают возможности людей. Это связано с активным участием в процессе принятия политических решений, в результате прозрачности, предоставляемой технологиями, наблюдения за деятельностью правительства. Граждане обладают средствами (цифровая подпись и методы шифрования информации), в определенной степени обеспечивающими защиту частной жизни, коммуникаций и личных посланий².

Если подобные концептуальные взгляды характерны для конца XX века, то на современном этапе, когда мы имеем дело с уже состоявшимся информационным обществом, необходим иной подход к оценке свершившихся изменений. Так, по мнению О. М. Манжуевой, основные теории развития нового общества в контексте информационной безопасности демонстрируют относительно невысокую степень критичности исследователей к возможностям, открывшимся на основе использования информационных технологий³. Как верно отмечает автор, информационная цивилизация ставит общественное развитие в тесную зависимость от научно-технического прогресса, в результате чего традиционные экономические, социальные, политические проблемы, присущие цивилизационным системам, усугубляются информационным фактором⁴.

Автор обращает внимание на явную недостаточность этического компонента при выстраивании концепции информационного общества. Это объясняется тем, что в информационном обществе отсутствуют как таковые утвержденные и провозглашенные идеалы справедливости при одновременном предоставлении максимальной степени внутренней и внешней свободы человеку.

¹ Там же. С. 156.

² Там же. С. 33.

³ Манжуева О. М. Феномен информационной безопасности: сущность и особенности: дис. ...д-ра философ. наук. – Улан-Удэ, 2015. – С. 46.

⁴ Манжуева О. М. Указ. соч. С. 46.

Информационная безопасность оценивается, таким образом, именно в ключе возможности противостоять рискам, связанным со слабо проработанной этической составляющей информационных процессов. Ввиду данного обстоятельства оказываются недооцененными возникающие в обществе новые виды опасностей, угроз и негативные эффекты применения информационных технологий.

Таким образом, по мере развития концепций понимания информационного общества и его значения характерная для первых теорий высокая степень научно-технического фанатизма значительно уменьшается, уступая место вниманию к последствиям внедрения информационных технологий, к психологическим, духовно-нравственным, гуманистическим сторонам развития информационной цивилизации, тем самым создавая методологическое основание для решения проблем информационной безопасности.

Библиографический список

1. Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации*. – М.: ВЛАДОС, 1994. – 336 с.
2. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество*. – М.: Academia, 1999. – 956 с.
3. Кастельс М. *Информационная эпоха: экономика, общество и культура / под науч. ред. О. И. Шкаратана*. – М.: Высш. шк. экономики, 2000. – 606 с.
4. Манжуева О. М. *Феномен информационной безопасности: сущность и особенности*: дис. ... д-ра философ. наук. – Улан-Удэ, 2015. – 383 с.
5. Мелюхин И. С. *Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития*. – М.: Издательство МГУ, 1999. – 208 с.
6. Моисеев Н. Н. *Информационное общество как этап новейшей истории // Свободная мысль*. – 1996. – № 1. – С. 81–83.
7. Стоуньер Т. *Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе*. – М.: Мысль, 1986. – 409 с.

Раздел

Юридическая наука и практика Республики Крым

В. Н. Коваль

директор Юридического института
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Севастопольского государственного университета
доктор юридических наук,
заслуженный юрист Украины,
заслуженный юрист Республики Крым
v.n.koval@sevsu.ru

**ВОПРОСЫ ПРЕЮДИЦИАЛЬН
ОСТИ В ПРАКТИКЕ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ,
ФУНКЦИОНИРУЮЩИХ НА ТЕРРИТОРИИ
РЕСПУБЛИКИ КРЫМ И ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ**

**ISSUES OF PREJUDICE IN THE WORKING PROCESS OF THE
ARBITRATION COURTS OPERATING ON THE TERRITORY OF
THE REPUBLIC OF CRIMEA AND CITY OF SEVASTOPOL**

Данная статья посвящена вопросам преюдициальности, возникающим в ходе рассмотрения дел арбитражными судами на территории Республики Крым и Севастополя – города федерального значения. Рассматривая вопрос о преюдициальности судебных решений судов, функционировавших в Республике Крым и Севастополе на момент принятия Республики Крым в состав Российской Федерации, автор исходит из того, что она существует. При этом тождество участвующих в деле лиц – государственных органов обусловлено функциональным правопреемством. Автор указывает также на возможное признание судами преюдициального значения судебных актов, принятых до 18 марта 2014 года судами Украины, расположенными за пределами Республики Крым. Особое внимание уделено в статье статусу решений судов, действовавших на территории Республики Крым и Севастополя до 18 марта 2014 года. Автором сделан вывод, исходя из анализа норм Федерального конститу-

Вопросы преюдициальности в практике арбитражных судов, функционирующих на территории Республики Крым и города Севастополя

ционного закона № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя», о невозможности их отнесения к решениям иностранных судов и необходимости исходить из того, что данные решения должны приравниваться к решениям, вынесенным арбитражными судами Российской Федерации, и при совпадении субъектного состава по делу приниматься в качестве преюдициальных. Данный подход, по мнению автора, обусловлен особенностью интеграции находившихся на территории Республики Крым судов и субъектов хозяйствования в правовую и экономическую системы России, регламентированной на законодательном уровне.

Ключевые слова: арбитражный процесс; арбитражная преюдиция; Республика Крым; Севастополь; судебная система; принятие Крыма; правопреемство; гражданское правоотношение; судебная защита; судебное решение; судебная власть.

In this article, the author covers the main issues of prejudiciality arising from the cases submitted to the arbitration courts in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol. Speaking about prejudicial court decisions that functioned on the territory of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol at the time the Republic of Crimea was admitted to the Russian Federation, the author assumes that it takes place, and the identity of the state bodies involved in the case is due to functional succession. The author also points to the possible recognition by the courts of the prejudicial significance of judicial acts adopted by the courts of Ukraine until March 18, 2014, located outside the Republic of Crimea. The author paid particular attention to the status of decisions of the courts that operated in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol until March 18, 2014, having come to a conclusion based on the analysis of the norms of the Federal Constitutional Law No. 6-FKZ “On Adoption of the Russian Federation to the Russian Federation The federations of the new subjects – the Republic of Crimea and the federal cities of Sevastopol”, the impossibility of referring them to the decisions of foreign courts and the need to proceed from the fact that these decisions should be equated to decisions of the Russian Federation arbitration courts, and, in the case of coincidence of the subject composition of the case, be taken as prejudicial. This approach, according to the author, is due to the peculiarity of the integration of courts and business entities located on the territory of the Republic of Crimea into the legal and economic system of the Russian Federation, which is regulated at the legislative level.

Keywords: arbitration process; arbitration prejudice; Republic of Crimea; Sevastopol; judicial system; the annexation of the Crimea; legal succession; civil law relationship; judicial protection; succession; legal judgment; judicial power.

В настоящее время под преюдициальностью понимается невозможность для участвующих в деле лиц либо их пра-

вопреемников оспаривать в ином процессе установленные вступившим в законную силу решением суда факты и правоотношения, которые отражаются в резолютивной и мотивировочной частях¹.

Согласно части 2 статьи 69 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (АПК РФ) обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица².

Преюдициальность имеет свои объективные и субъективные пределы. Объективными пределами преюдициальности являются обстоятельства, которые установлены вступившим в законную силу судебным актом по ранее рассмотренному делу. Преюдициальным будет являться то обстоятельство, которое имеет значение для правильного рассмотрения дела, установленное судом и изложенное в мотивировочной части вступившего в законную силу судебного акта. Обстоятельство, которое должно быть установлено, или если оно не оценивалось, не входит в предмет доказывания и не исследовалось, преюдициальным быть не может. Субъективными пределами преюдициальности являются наличие одних и тех же лиц, участвующих в деле, или их правопреемников в первоначальном и последующем процессах³.

Один из ключевых органов, определяющих правовые основания функционирования органов власти, – Конституционный Суд Российской Федерации⁴, который в своем Постановлении от 21 декабря 2011 года № 30-П указал, что действующие во всех видах судопроизводства общие правила распределения бремени доказывания предусматривают освобождение от доказывания

¹ См., например: Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / С. А. Алехина, А. Т. Боннер, В. В. Блажеев и др.; отв. ред. М. С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – С. 351.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 3 августа 2018 года) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3012.

³ Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 6 августа 2015 года № С01-561/2015 по делу № СИП-982/2014. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Конституционный судебный процесс: учебник для бакалавриата / Будаев А. М., Васильев С. А., Дорошенко Е. Н., Комарова В. В., Митюков М. А., Нарутто С. В., Невинский В. В., Осавелюк А. М., Страшун Б. А., Таева Н. Е. – М.: Норма, 2017. – 352 с.

входящих в предмет доказывания обстоятельств, к числу которых процессуальное законодательство относит обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным решением по ранее рассмотренному делу (ст. 90 УПК РФ, ст. 61 ГПК РФ, ст. 69 АПК РФ)¹. В данном основании для освобождения от доказывания проявляется преюдициальность как свойство законной силы судебных решений, общеобязательность и исполнимость которых в качестве актов судебной власти обусловлены ее прерогативами.

Признание преюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу в этом же или ином виде судопроизводства, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности².

При этом следует исходить из того, что к выводам юридического характера правила преюдиции применению не подлежат. Положения ч. 2 ст. 69 АПК РФ касаются лишь вопросов освобождения от доказывания обстоятельств дела, а не их правовой квалификации, и лишь при условии принятия арбитражными судами судебных актов арбитражных судов в отношении одних и тех же лиц³.

Согласно ст. 6 Федерального конституционного закона от 21 марта 2014 года № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» со дня принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов и до 1 января 2015 года действовал переходный период, в течение которого урегулируются вопросы инте-

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2011 г. № 30-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2012. – № 2, ст. 398.

² *Ветров В.* Преюдиция в арбитражном процессе. URL: https://vitvet.com/blog/vvetrov/preyudiciya_v_arbitrazhnom_processe/ (дата обращения: 27.09.2018).

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 03 авг. 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3012.

грации новых субъектов Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации¹.

Судебные акты судов, действовавших на территории Республики Крым и города Севастополя на день принятия в Российскую Федерацию, принятые в указанный переходный период (с 18 марта до 26 декабря 2014 года), вступившие в законную силу, являются преюдициальными в споре с участием тех же лиц, поскольку принявшие их суды, действовавшие на данной территории до окончания переходного периода, не являлись ни чрезвычайными, ни созданными в нарушение закона о судебной системе Российской Федерации, поскольку включены в судебную систему вышеупомянутым Законом.

Давая оценку тождеству лиц, участвующих в деле, следует учитывать, что учреждения и органы Украины, действовавшие на территории Республики Крым и города Севастополя на момент принятия Республики Крым в состав Российской Федерации, как и некоторые органы новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя, созданные и действовавшие в переходный период, были ликвидированы без правопреемства. Поскольку соответствующие функции перешли ко вновь созданным органам субъектов Российской Федерации, следует исходить из функционального правопреемства, и, соответственно, если стороной в споре является Правительство Севастополя либо Департамент по имущественным и земельным отношениям г. Севастополя, как орган, осуществляющий функции арендодателя в отношении муниципального имущества, то решение по спору с участием Севастопольского городского Совета либо Фонда коммунального имущества, осуществлявшего соответствующие функции на территории города Севастополя до 18 марта 2014 года, по моему мнению, следует считать рассмотренным с идентичным субъектным составом.

К аналогичному мнению пришли суды при рассмотрении дела № А84-4333/2016, с чем согласился суд кассационной ин-

¹ О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер.-конст. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ (ред. от 28 дек. 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 12, ст. 1201.

станции, указав при этом, что суды обеих инстанций пришли к обоснованному выводу о наличии между Севастопольским городским Советом и Правительством Севастополя функционального правопреемства и, соответственно, тождественности заявленного иска в рамках настоящего дела по требованиям о сносе самовольной постройки с иском, рассмотренным Хозяйственным судом города Севастополя в рамках другого дела (рассмотренного до 18 марта 2014 года), решением по которому удовлетворены требования Севастопольского межрайонного природоохранного прокурора в интересах государства в лице Севастопольского городского Совета об обязанности привести земельный участок в пригодное для использования состояние путем сноса зданий и сооружений. При таких обстоятельствах, принимая во внимание, что в настоящем случае имеет место вступивший в законную силу судебный акт, между теми же сторонами и по тем же основаниям, суды первой и апелляционной инстанции пришли к правомерному выводу о прекращении производства по делу в части требований¹.

Актуальна с точки зрения исследования и проблематика преюдициального значения решений хозяйственных судов, принятых на территории Украины до 18 марта 2014 года за пределами Республики Крым и города Севастополя. В связи с этим представляют определенный интерес два решения – Арбитражного суда Воронежской области от 16 марта 2005 года и Федерального арбитражного суда (ФАС) Московского округа. Так, в решении Арбитражного суда Воронежской области указано, что обстоятельства, установленные вступившим в законную силу решением компетентного суда иностранного государства, не могут быть приняты в порядке ст. 69 АПК РФ в качестве обстоятельств, не требующих дальнейшего доказывания. В то же время, как указал ФАС Московского округа в Постановлении от 30 апреля 2004 года по делу № КГ-А40/2985-04, «взаимное признание и приведение в исполнение таких решений (о признании недействительным договора) не предусмотрено Соглашением о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 года, однако арбитражный суд вправе признавать или не признавать преюдициальное значение обстоятельств,

¹ Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 26 окт. 2016 г. № А84-2294/2016. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

ими установленных. У суда нет оснований не принимать обоснованность отраженных в решениях Хозяйственного суда Автономной Республики Крым сведений, являющихся предметом исследования»¹.

Однако особенным статусом обладают решения судов, принятые хозяйственными судами на территории Республики Крым и г. Севастополя до 18 марта 2014 года. Считать их решениями иностранных судов со всеми вытекающими из этого последствиями нет оснований, хотя бы потому, что Федеральный конституционный закон 6-ФКЗ предусматривает их пересмотр и исполнение². Так, исполнительные документы, выданные либо вынесенные судами Украины до 18 марта 2014 года на основании вступивших в законную силу судебных актов, прошедших рассмотрение в суде кассационной инстанции в соответствии с частями 9–16 ст. 9 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ, имеют ту же юридическую силу, что и исполнительные документы, выданные либо вынесенные судами Российской Федерации, и подлежат принудительному исполнению в соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»³ (часть 2 статьи 1 Федерального закона от 8 июня 2015 года № 138-ФЗ «О применении положений Федерального закона "Об исполнительном производстве" на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя»⁴).

Кроме того, согласно п. 11 ст. 9 указанного Закона, постановления хозяйственных судов, действующих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя

¹ Юрова Н. М. Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. – М.: Волтерс Клаувер, 2008. – С. 24.

² О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер.-конст. закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ (ред. от 28 дек. 2017 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 12, ст. 1201.

³ Об исполнительном производстве: федер. закон от 02 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (ред. от 03 авг. 2018 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 41, ст. 4849.

⁴ О применении положений Федерального закона «Об исполнительном производстве» на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя: федер. закон от 08 июня 2015 г. № 138-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2015. – № 24, ст. 3365.

на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, вступившие в законную силу до этого дня и являвшиеся предметом апелляционного рассмотрения в Севастопольском апелляционном хозяйственном суде, в течение трех месяцев после вступления их в законную силу, но не позднее 5 августа 2014 года могут быть обжалованы в Высший Арбитражный Суд Российской Федерации.

После 5 августа 2014 года судебные постановления, указанные в ч. 11 рассматриваемой статьи законодательного акта, в течение трех месяцев после вступления их в законную силу могут быть обжалованы в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации, образованного в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»¹.

Так, Конституционный Суд РФ в своем определении от 24 марта 2015 года № 653-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Ризати Крым» на нарушение конституционных прав и свобод частями 11-13 и 15 статьи 9 Федерального конституционного закона 6-ФКЗ указал, в частности, следующее. Статья 46 Конституции РФ, гарантируя каждому право на судебную защиту его прав и свобод (часть 1), а также право на судебное обжалование решений и действий (или бездействия) органов государственной власти, в том числе судебной (часть 2), непосредственно не устанавливает какой-либо определенный порядок реализации данных прав и не предполагает возможность для гражданина по собственному усмотрению выбирать способ и процедуру судебного оспаривания. В соответствии со статьей 71 (пункт «о») Конституции РФ они определяются федеральным законом².

¹ О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации: закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 года № 2-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 6, ст. 548.

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Ризати Крым» на нарушение конституционных прав и свобод частями 11-13 и 15 статьи 9 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в Определении от 25 сентября 2014 года № 2155-О, принятие в Российскую Федерацию Республики Крым и образование в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя – особый случай, требующий принятия ряда специальных мер, обеспечивающих, в том числе интеграцию судебных систем новых субъектов Российской Федерации в судебную систему Российской Федерации и реализацию материальных прав участников гражданских правоотношений, сложившихся в Республике Крым до ее принятия в Российскую Федерацию, и процессуальных прав этих лиц, осуществляющих защиту указанных прав в суде¹.

В качестве одной из таких мер положения частей 11 и 12 ст. 9 Федерального конституционного закона 6-ФКЗ предусматривают возможность обжалования постановлений хозяйственных судов, действующих на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя на день принятия в Российскую Федерацию Республики Крым и образования в составе Российской Федерации новых субъектов, вступившие в законную силу до этого дня и являвшиеся предметом апелляционного рассмотрения в Севастопольском апелляционном хозяйственном суде, в течение трех месяцев после вступления их в законную силу в Высший Арбитражный Суд Российской Федерации в порядке надзора. Данные законоположения предоставляют гарантии того, что допущенные судами первой и апелляционной инстанций фундаментальные ошибки, предопределившие исход дела и повлекшие существенные нарушения прав и законных интересов участвующих в рассмотрении конкретного дела лиц, могут быть исправлены в порядке надзора.

Таким образом, Конституционный Суд исходил из особенностей, связанных с присоединением Республики Крым, обусло-

Севастополя»: определение Конституционного Суда РФ от 24 марта 2015 г. № 653-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision193685.pdf> (дата обращения: 08.11.2018).

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Топольяна Сурина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 9 статьи 9 Федерального конституционного закона «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 сент. 2014 г. № 2155-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision178310.pdf> (дата обращения: 08.11.2018).

вивших и особый статус решений судов, вынесенных до 18 марта 2014 года. В связи с этим законодатель предусмотрел возможность обжалования таких актов для реализации материальных прав участников гражданских правоотношений, возникших до принятия Республики Крым в состав Российской Федерации, чего невозможно было бы сделать в отношении решений иностранных судов.

Существуют и основания для невосприятия данных актов как таковых (иностранных), в связи с тем, что судьи, ранее выносившие решения как судьи хозяйственных судов, находившихся на территории Республики Крым и г. Севастополя до 18 марта 2014 года, осуществляют правосудие во вновь созданных судах. Вышеизложенный подход нашел свое отражение в судебной практике.

Так, оставляя без изменения решения судов первой и апелляционной инстанций, Арбитражный суд Центрального округа в своем постановлении по делу № А83-1952/2015, со ссылкой на статью 6, ч. 21 статьи 9 Федерального конституционного закона № 6-ФКЗ посчитал правильным вывод суда о том, что Закон № 6-ФКЗ не рассматривает решения судов Автономной Республики Крым, принятых до 18 марта 2014 года, как решения иностранных судов, а потому не требуется признание и приведение этих решений в исполнение как решений иностранных судов.

Судебная коллегия суда апелляционной инстанции в своем постановлении по делу № А83-2898/2013 доводы заявителя апелляционной жалобы о том, что исполнительные документы выданы иностранным судом, а поэтому должны быть приведены в исполнение соответствующим образом, а также о том, что при предыдущем рассмотрении данного дела судья участвовал в нем в качестве судьи иностранного суда, то есть имеется незаконный состав суда, отклонила, поскольку на федеральном уровне путем принятия соответствующего Федерального закона установлено, что исполнительные документы, выданные либо вынесенные судами Автономной Республики Крым и города Севастополя, Республики Крым и города с особым статусом Севастополя до 18 марта 2014 года для целей принудительного исполнения имеют ту же юридическую силу, что и исполнительные документы, выданные либо вынесенные судами Российской Федерации, и подлежат принудительному исполнению в соответствии с Федеральным законом от 2 октября 2007 года № 229-ФЗ «Об исполнительном

производстве». Такие решения не признаются решениями иностранных судов и, соответственно, оснований считать судью, принявшего решение по настоящему делу, судьей иностранного суда и, как следствие, – для выводов о вынесении определения о замене взыскателя правопреемником на стадии исполнения незаконным составом суда, у судебной коллегии не имеется.

Практика рассмотрения кассационных жалоб на определения о замене взыскателя правопреемником по делам, рассмотренным до 18 марта 2014 года, свидетельствует об аналогичном подходе к составу суда, поскольку судебные акты не отменялись по указанным основаниям, за исключением судебного акта по делу № А83-3439/2014. В данном деле суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что решение Хозяйственного суда Автономной Республики Крым, Украина, от 17 декабря 2009 года по делу № 2-18/4127-2009, с заявлением о признании и приведении в исполнение которого обратился предприниматель, принято судьей иностранного суда. При этом тот же судья принял определение по настоящему делу. В связи с изложенным суд пришел к выводу о наличии оснований для заявления самоотвода и отменил определение суда по безусловным основаниям (п. 1 ч. 4 ст. 228 АПК РФ – рассмотрение дела арбитражным судом в незаконном составе суда). Таким образом, фактически суд кассационной инстанции указал на то, что функционировавший на территории Республики Крым хозяйственный суд является иностранным судом, а соответственно, принятые им решения – решениями иностранного суда.

Преюдициальная связь судебных актов обусловлена указанным свойством обязательности как элемента законной силы судебного акта, ввиду которой в процессе судебного доказывания суд не должен дважды устанавливать один и тот же факт в отношениях между теми же сторонами. Тем самым данная норма освобождает от доказывания фактических обстоятельств дела, лиц, участвующих в деле. Иной подход означает возможность опровержения опосредованного вступившим в законную силу судебным актом вывода суда о фактических обстоятельствах другим судебным актом, что противоречит общеправовому принципу определенности, а также принципам процессуальной экономии и стабильности судебных решений.

Общеправовой принцип правовой определенности предполагает стабильность правового регулирования и исполнимость вынесенных судебных решений. Поэтому при установлении осно-

ваний для обжалования и пересмотра вступивших в законную силу судебных актов, сроков, в пределах которых допускается такое обжалование, а также при определении судебных инстанций, которые правомочны рассматривать соответствующие жалобы (представления), законодателю – в силу указанного принципа – надлежит исходить из того, что участники гражданских правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав и обязанностей¹.

С учетом положений закона 6-ФКЗ, устанавливающего сохранение действия правоустанавливающих и иных документов, выданных органами Украины без какой-либо легализации, необходимо исходить из того, что и вынесенные судами решения должны приравниваться к решениям, вынесенным арбитражными судами Российской Федерации, и при совпадении субъектного состава по делу приниматься в качестве преюдициальных. Именно такого подхода необходимо придерживаться с учетом определенных особенностей статуса как судов, так и субъектов хозяйствования, находившихся и проживающих на территории Республики Крым до 18 марта 2014 года, а также особенностей их интеграции в правовую и экономическую системы Российской Федерации, регламентированных на законодательном уровне.

Следует отметить, что на основании решений судов возникали, изменялись и прекращались гражданские права и обязанности, в ходе рассмотрения дел устанавливались обстоятельства возникновения, изменения или прекращения прав и обязанностей. Для хозяйствующих субъектов и граждан суды, которыми рассматривались споры на территории Республики Крым, являлись надлежащими судами, рассматривающими соответствующие споры, на легитимность решений которых могли полагаться

¹ По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 05 февр. 2007 г. № 2-П // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2007. – № 7, ст. 932.

субъекты¹ в дальнейшем в случае возникновения споров с теми же участниками.

Библиографический список

1. *Васильев С. А.* Функционирование субъектов конституционно-правовых отношений как основание новой теоретической конструкции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4. – № 1 (70). – С. 10–18.

2. *Ветров В.* Преюдиция в арбитражном процессе. URL: https://vitvet.com/blog/vvetrov/prejudiciya_v_arbitrazhnom_processe/ (дата обращения: 27.09.2018).

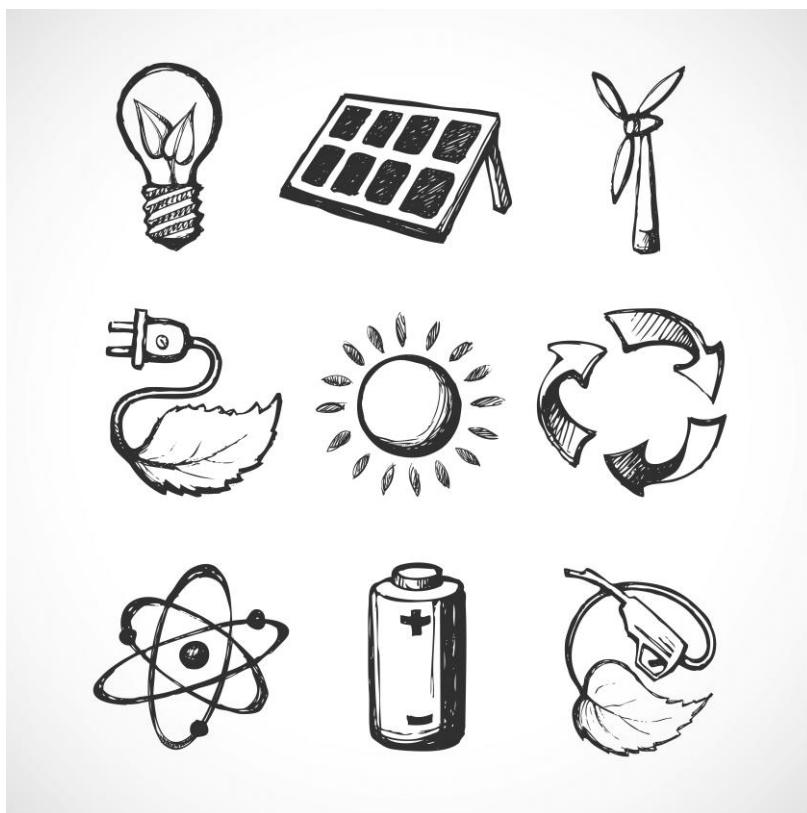
3. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / С. А. Алехина, А. Т. Боннер, В. В. Блажеев и др.; отв. ред. М. С. Шакарян. – М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. – 816 с.

4. Конституционный судебный процесс: учебник для бакалавриата / Будаев А. М., Васильев С. А., Дорошенко Е. Н., Комарова В. В., Митюков М. А., Нарутто С. В., Невинский В. В., Осавельюк А. М., Страшун Б. А., Таева Н. Е. – М.: Норма, 2017. – 352 с.

5. *Юрова Н. М.* Международное гражданское процессуальное право: теоретические основы имплементации норм в правовой системе Российской Федерации. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 352 с.

¹ *Васильев С. А.* Функционирование субъектов конституционно-правовых отношений как основание новой теоретической конструкции // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. – 2018. – Т. 4. – № 1 (70). – С. 10–18.

Раздел

Социально-правовые механизмы энергосбережения

В. Ф. Попондопуло
заведующий кафедрой коммер-
ческого права Санкт-
Петербургского государствен-
ного университета
доктор юридических наук,
профессор
popondopulo.v@jurfak.spb.ru

О. А. Городов
профессор кафедры коммерче-
ского права
Санкт-Петербургского государ-
ственного университета
доктор юридических наук,
профессор
gorodov@inbox.ru

Д. А. Петров
доцент кафедры
коммерческого права
Санкт-Петербургского государ-
ственного университета
доктор юридических наук,
доцент
petrov.d@jurfak.spb.ru

**ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕРАЦИИ НА ОСНОВЕ ВОЗОБНОВЛЯЕМЫХ
ИСТОЧНИКОВ ЭЛЕКТРИЧЕСКОЙ ЭНЕРГИИ В РОССИИ**

ENERGY GENERATING ISSUES BASED ON RENEWABLE ENERGY SOURCES IN RUSSIA

В статье критически оценивается существующее понятие возобновляемых источников энергии в электроэнергетике, рассмотрены квалифицирующие признаки генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии. Раскрыты факторы отраслевого значения и показана их роль в развитии соответствующего сегмента рынка электроэнергетики (политика ценообразования, меры бюджетной поддержки производителей, инвестиционные условия создания генерирующих объектов, сроки планирования перспективного развития электроэнергетики, специальная модель договорного регулирования). Анализируются проблемы, преодоление которых позволит оптимизировать инвестиционный процесс в отрасли.

Ключевые слова: возобновляемые источники энергии; принцип восполнимости; природные ресурсы; биоэнергия; геотермальная энергия; гидроэлектроэнергия; энергия океана; энергия приливов и отливов; волновая энергия и тепловая энергия океана; солнечная энергия; энергия ветра; электроэнергетика; политика использования возобновляемых источников энергии; инвестиционный процесс.

In this article the existing concept of renewable energy sources in the power industry are critically assessed, the qualifying features of the generating facility operating on the basis of renewable energy sources are highlighted. The factors of energy branch importance, which are important for the development of the relevant segment of the energy market (pricing policy, measures of budget support for producers, investment conditions for the creation of generating facilities, the timing of planning for the long-term development of the power industry, a special model of contractual regulation) are stated. The problems, which will not allow optimizing investment processes in the industry, are analyzed.

Keywords: renewable sources of energy; principle of renewability; natural resources; bioenergy; geothermal energy; hydropower; ocean energy; energy of the tides, wave energy and thermal ocean energy; solar energy; wind energy; electric power; policy of the use of renewable energy sources; pricing policy; budget support to manufacturers; investment conditions for the establishment of power generation facilities; the timing of planning of perspective development of electric power industry; special model contractual regulation; the investment process.

Возобновляемыми источниками энергии в соответствии со ст. 3 Федерального закона от 26.03.2003 № 35-ФЗ «Об

электроэнергетике»¹ (далее – Закон об электроэнергетике) признаются энергия солнца, энергия ветра, энергия вод (в том числе энергия сточных вод), за исключением случаев использования такой энергии на гидроаккумулирующих электроэнергетических станциях, энергия приливов, энергия волн водных объектов, в том числе водоемов, рек, морей, океанов, геотермальная энергия с использованием природных подземных теплоносителей, низкопотенциальная тепловая энергия земли, воздуха, воды с использованием специальных теплоносителей, биомасса, включающая в себя специально выращенные для получения энергии растения, в том числе деревья, а также отходы производства и потребления, за исключением отходов, полученных в процессе использования углеводородного сырья и топлива, биогаз, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках.

В первую очередь, обращает на себя внимание **исчерпывающий перечень возобновляемых источников энергии**, представленный в данном определении, что дает нам право считать все иные источники энергии, не входящие в него, невозобновляемыми источниками энергии.

В основу такого подхода положен критерий исчерпаемости энергии, потребления энергии без возможности ее восстановления, невозпроизводимости энергии, что не всегда соответствует существующим физическим процессам. К примеру, солнечная энергия, преобразуемая в электрическую посредством специальных устройств, конечна и зависима от самого Солнца как астрономического тела, которое с точки зрения астрономии не вечно, но излучаемая им солнечная энергия с точки зрения прогнозируемого срока его существования в сопоставлении с текущим экономическим укладом и известным сроком существования нашей цивилизации постоянна. Газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, или газ, образующийся на угольных разработках, будет источником энергии до момента существования таких свалок или угольных разработок.

Поэтому в основу выделения законодателем понятия «возобновляемые источники энергии» положен, скорее, не признак воспроизводимости или невозможности воспроизводства энергии, а предпри-

¹ Об электроэнергетике: федер. закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2003. – № 13, ст. 1177.

нята попытка противопоставить традиционные для сложившейся модели экономического развития древесину, уголь, газ, нефть, атомную энергию и прочие виды энергии иным, нетрадиционным источникам энергии, что абсолютно не отражает суть рассматриваемого явления.

Ранее понятие возобновляемых источников энергии предвзялось прилагательным «нетрадиционные», что не только не отражало сути указанных источников энергии, поскольку некоторыми из них человечество пользуется давно (энергия солнца, ветра, естественного движения водных масс и пр.) и они стали традиционными, но и вступало в противоречие с действующими нормативными правовыми актами, вводящими термин «возобновляемые источники энергии». Такое введение обуславливалось, по всей видимости, стремлением подчеркнуть особую роль возобновляемых источников энергии среди иных их разновидностей и выразилось, прежде всего, в проекте Федерального закона № 98033104-2 «О государственной политике в сфере использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии»¹. Этот законопроект отклонен, что свидетельствует о его технико-юридических недостатках, но не о незначительности проблемы использования в электроэнергетике возобновляемых источников энергии.

Вместе с тем объяснение можно найти в другом. Государство должно стимулировать разработку новых технологий создания первичных энергетических ресурсов и инновационное использование существующих, вовлечение в производственные процессы не используемых ныне источников энергии. К примеру, в соответствии с абз. 34 п. 1 ст. 21 Закона об электроэнергетике Правительство РФ осуществляет поддержку использования возобновляемых источников энергии или торфа, а также стимулирование использования энергетических эффективных технологий в соответствии с бюджетным законодательством Российской Федерации.

Поэтому понятие «возобновляемые источники энергии» следует считать условным и охватывающим различные нетрадиционные для существующего технико-экономического уклада ис-

¹ Информация о причинах отклонения проекта Федерального закона № 98033104-2 «О государственной политике в сфере использования нетрадиционных возобновляемых источников энергии». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

точники энергии, в связи с чем формулировать его исчерпывающим перечислением источников энергии контрпродуктивно. Иное означает отказ от инновационного пути развития.

Грань между «возобновляемыми» и «невозобновляемыми» источниками энергии следует искать через их **способность к восполнимости**, восстановлению. Восполнимость означает, что при однократном использовании энергия источника уменьшится, но впоследствии она восполнится, достигнет того уровня, который существовал до момента использования: водохранилище весной наполнится водой, растения вырастут и т. д. Восполнимость возобновляемых источников энергии следует противопоставить производству минерально-сырьевой базы, невозобновляемой по своей сути (ч. 3 ст. 2 Закона РФ от 21.02.1992 № 2395-1 «О недрах»¹). Как справедливо отмечает М. М. Бринчук, характеризуя природные ресурсы (нефть, газ, уголь и др.) как невозполнимые и исчерпаемые, в этом случае речь идет не о возобновлении в смысле восполнения, появления вновь природных ресурсов (минерально-сырьевой базы), а о поиске новых месторождений полезных ископаемых².

Именно принцип открытости перечня возобновляемых источников энергии при условии их возобновляемости положен в основу понятия «возобновляемой энергии», сформулированного в статье III Устава Международного агентства по возобновляемой энергии (IRENA)³, вступление в которое Российской Федерации признано целесообразным⁴. В данном случае «возобновляемая энергия» включает в себя все формы энергии, постоянно вырабатываемой возобновляемыми источниками, в частности: биоэнергию; геотермальную энергию; гидроэлектроэнергию; энергию океана, включая, помимо прочего, энергию приливов и отливов, волновую энергию и тепловую энергию океана; солнечную энергию; энергию ветра.

¹ О недрах: закон РФ от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 10, ст. 823.

² Бринчук М. М. Энергетическая безопасность и экологическое право // Экологическое право. – 2007. – № 4, 5.

³ Устав Международного агентства по возобновляемой энергии. International Renewable Energy Agency. URL: http://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/About-IRENA/Statute/Statute_RU.pdf (дата обращения: 10.10.2018).

⁴ См.: О вступлении Российской Федерации в Международное агентство по возобновляемой энергии: распоряжение Правительства РФ от 28.08.2014 № 1657-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2014. – № 36, ст. 4885.

Использование критерия восполнимости возобновляемых источников энергии позволяет выделить из их состава источники энергии, которые в процессе технологического производства не используются, растрачиваясь впустую (например, попутный газ при нефтедобыче, сжигаемый в факелах вместо его транспортировки, газ, выделяемый отходами производства и потребления на свалках таких отходов, газ, образующийся на угольных разработках). И если в первом случае государство должно стимулировать к развитию технологической базы, позволяющей использовать возобновляемые источники энергии как новые, немассовые виды источников, предоставляя преференции различного рода, то во втором случае (при неэффективном использовании, растрате) необходимо лишать субъектов права осуществлять виды деятельности, при которых сопутствующие источники энергии не используются.

Соответственно, правовой режим возобновляемых источников энергии будет характеризоваться признанием генерирующих объектов функционирующими на основе использования возобновляемых (восполнимых) источников энергии и предоставлением их владельцам различного рода льгот, закупкой производимой ими электрической энергии по специальным тарифам и пр.

Политика использования возобновляемых источников энергии, с одной стороны, опирается на общие правила, устанавливаемые Законом об электроэнергетике, с другой – предполагает необходимость учета присущих этим источникам особенностей, обуславливающих относительную дороговизну вырабатываемой с их помощью электроэнергии. Поэтому государственная политика (и это мировая практика) в области использования возобновляемых источников энергии включает комплекс мероприятий, позволяющих заинтересовать бизнес-сообщество в развитии возобновляемых источников энергии и стимулировании для их использования в производстве электрической энергии.

К таким мерам можно было отнести привлечение частных инвестиций, в том числе на условиях публично-частного партнерства, для сооружения новых и реконструкции действующих генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии, обеспечивающих необходимую динамику роста генерирующих мощностей, по использованию механизма венчурных фондов для инвестирования в объ-

екты электроэнергетики, функционирующие на основе использования возобновляемых источников энергии.

Цели и принципы использования возобновляемых источников энергии, целевые показатели объема производства электрической энергии с использованием возобновляемых источников энергии и ее потребления, меры по достижению этих показателей закреплены в «Основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2024 года», утвержденных распоряжением Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р¹.

Цели и задачи долгосрочного развития энергетического сектора России, приоритеты и ориентиры, а также механизмы государственной энергетической политики на отдельных этапах определены в Энергетической стратегии России на период до 2030 года².

Квалификация генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии, как соответствующего целевым показателям, установленным в соответствии с основными направлениями государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики, осуществляется по правилам, критериям и условиям, устанавливаемым Правительством РФ (абз. 33 п. 1 ст. 21 Закона об электроэнергетике). Правила квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии, утверждены постановлением Правительства РФ от 3 июня 2008 г. № 426³.

В соответствии с пунктами 2, 3 указанных правил признание генерирующих объектов функционирующими на основе использования возобновляемых источников энергии квалифициро-

¹ Об основных направлениях государственной политики в сфере повышения энергетической эффективности электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии на период до 2024 года: распоряжение Правительства РФ от 08.01.2009 № 1-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 4, ст. 515.

² Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 48, ст. 5836.

³ О квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии: постановление Правительства РФ от 03.06.2008 № 426 // Собр. законодательства Рос. Федерации – 2008. – № 23, ст. 2716.

ванными генерирующими объектами осуществляет Совет рынка¹, которому указанное право делегировано нормой абз. 9 п. 3 ст. 33 Закона об электроэнергетике.

В основе квалификации генерирующего объекта, функционирующего на основе использования возобновляемых источников энергии, и, соответственно, предоставления преференциального режима его владельцу, положен, по сути, один критерий – реальность выработки и поставки электрической энергии (выработка электрической энергии осуществляется с использованием возобновляемых источников энергии, на эксплуатирующемся объекте, присоединенном к электрическим сетям сетевой организации и включенном в схему размещения генерирующих объектов электроэнергетики на основе использования возобновляемых источников энергии).

Вместе с тем проблема правового регулирования отношений, связанных с генерацией электрической энергии на основе использования возобновляемых источников энергии, выражается в том, что национальное законодательство об электроэнергетике ориентировано преимущественно на невозобновляемые и традиционные для Российской Федерации источники энергии (использование углеводородов и атомной энергии, а также гидроэлектроэнергетика, по формальным критериям относимая к возобновляемым источникам энергии). Правовое регулирование генерации электрической энергии на основе использования возобновляемых источников энергии в значительной мере носит декларативный характер и не учитывает проблемы «малой генерации» (генерации электрической энергии на основе использования возобновляемых источников энергии, за исключением гидроэлектростанций).

Повышение объемов электрической энергии, генерируемой на основе использования возобновляемых источников энергии, и развитие соответствующего сегмента рынка электроэнергетики сдерживается рядом факторов отраслевого значения (помимо макроэкономических факторов):

– **политикой ценообразования**, применяемой в рассматриваемом сегменте рынка электроэнергии. Абзац 6 п. 2 ст. 23.1 Закона об электроэнергетике предусматривает установление

¹ Согласно ч. 2 п. 1 ст. 33 Закона об электроэнергетике Советом рынка является некоммерческая организация, которая образована в форме некоммерческого партнерства и объединяет на основе членства субъектов электроэнергетики и крупных потребителей электрической и тепловой энергии.

надбавки, прибавляемой к равновесной цене оптового рынка для определения цены электрической энергии, произведенной на функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии квалифицированных генерирующих объектах в случаях и в порядке, которые должны быть, но пока не предусмотрены Правительством РФ;

– отсутствием **мер бюджетной поддержки производителей**, то есть не определены бюджетные ассигнования, необходимые для поддержки и стимулирования реализации проектов использования возобновляемых источников энергии и экологически чистых производственных технологий;

– действующие правила не учитывают **инвестиционные условия создания генерирующих объектов**, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии. Необходимо установить комфортные сроки окупаемости инвестиционных проектов, объемы обязательного приобретения электрической энергии, произведенной на таких объектах, субсидирование затрат на подключение к сетям, возложение на сетевые организации обязательства для компенсации своих технологических потерь по покупке на рынке электроэнергии, произведенной за счет возобновляемых источников энергии и пр.;

– **короткий горизонт планирования** перспективного развития электроэнергетики. Правила разработки и утверждения схем и программ перспективного развития электроэнергетики, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 17.10.2009 № 823 «О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики»¹, предусматривают учет возобновляемых источников энергии при разработке схем размещения объектов электроэнергетики и программы развития единой национальной (общероссийской) электрической сети на долгосрочный период. Ввиду подпункта «д» пункта 22 указанных правил программа развития Единой энергетической системы России разрабатывается на 7 лет, что с учетом продолжительности инвестиционного цикла для генерирующих объектов, функционирующих на основе использования возобновляемых источников энергии, недостаточно;

¹ О схемах и программах перспективного развития электроэнергетики: постановление Правительства РФ от 17 октября 2009 г. № 823 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 43, ст. 5073.

– необходима разработка **новой модели договорного регулирования**, учитывающей в своей совокупности особенности функционирования генерирующего объекта на основе использования возобновляемых источников энергии (формы договора о присоединении к торговой системе оптового рынка электрической энергии, форм и условий договоров купли-продажи электрической энергии на оптовом рынке, иных договоров, обеспечивающих функционирование торговой системы оптового рынка электрической энергии). В них необходимо учесть фактические договорные возможности сторон, баланс прав и законных интересов участников правоотношения, срок действия договора и периоды поставки электрической энергии (мощности), периоды платежей, объемы электрической энергии (мощности), покупаемой (продаваемой) по договору, порядок изменения условий договора и прочие аспекты, связанные с технологическими особенностями функционирования генерирующего объекта на основе использования возобновляемых источников энергии.

В заключение хотелось бы обратить внимание на тот факт, что перечень изложенных выше проблем в сфере использования возобновляемых источников энергии не является исчерпывающим, необходима широкая дискуссия по вопросам установления специального правового режима в сфере использования возобновляемых источников энергии.

Как справедливо отмечается в литературе, требует разрешения проблема доступности субъектов предпринимательской деятельности к энергосетям с целью получения необходимых энергетических мощностей. Правоотношение энергоснабжения нуждается в большей сбалансированности прав и законных интересов энергоснабжающих организаций и потребителей энергии. Требуется дополнительное обоснование предельно допустимого размера вырабатываемой объектом микрогенерации электрической энергии, уточнение дефиниции «объект микрогенерации», стимулирование использования энергетически эффективных технологий в соответствии с бюджетным законодательством РФ¹.

¹ Камышанский В. П. Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. – 2018. – № 4. – С. 9–12; Камышанский В. П., Чирисьян А. Р. О некоторых формах государственной поддержки энергоснабжения на основе генерирующих объектов возобновляемых источников энергии: социально-правовой аспект // Власть Закона. – 2017. – № 4. – С. 194–200; Копылов А. Е. Состояние и перспективы развития законодательной и нормативной базы

Существенная для отрасли часть предусматриваемых Законом об электроэнергетике положений, исполнение которых позволило бы оптимизировать сферу использования возобновляемых источников энергии, до сих пор не нашли своего нормативного развития и практического воплощения.

Преодоление создавшейся ситуации возможно только за счет пристального внимания представителей юридической науки, выработки новых доктринальных подходов для российских законодателей и правоприменителей с учетом особенностей генерации электрической энергии на основе использования возобновляемых источников.

Библиографический список

1. *Бринчук М. М.* Энергетическая безопасность и экологическое право // Экологическое право. – 2007. – № 4. – С. 10–16.
2. *Бринчук М. М.* Энергетическая безопасность и экологическое право // Экологическое право. – 2007. – № 5. – С. 2–11.
3. *Камышанский В. П.* Гражданско-правовое стимулирование энергоснабжения с использованием возобновляемых источников энергии как формы энергосбережения // Гражданское право. – 2018. – № 4. – С. 9–12.
4. *Камышанский В. П., Чиришьян А. Р.* О некоторых формах государственной поддержки энергоснабжения на основе генерирующих объектов возобновляемых источников энергии: социально-правовой аспект // Власть Закона. – 2017. – № 4. – С. 194–200.
5. *Копылов А. Е.* Состояние и перспективы развития законодательной и нормативной базы российской системы поддержки ВИЭ // Энергетическое право. – 2015. – № 2. – С. 39–44.

российской системы поддержки ВИЭ // Энергетическое право. – 2015. – № 2. – С. 39–44.

Раздел

**Трибуна
МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ**

Д. В. Братусь

соискатель кафедры гражданского права
Уральского государственного юридического университета
юрист юридической фирмы «Братусь, Сагадиев, Демеубаев
и партнеры»
dv_bratus@mail.ru

**ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АВТОРСКИЕ ПРАВА
(ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ)****THE ORGANIZATIONAL COPYRIGHT
(GENERAL PROVISIONS)**

В статье рассмотрена новая группа субъективных авторских прав – организационные авторские права. Автором обоснована актуальность темы, теоретическое и прикладное значение данной новейшей категории. Проанализированы виды, понятие, иные базовые элементы механизма организационных авторских прав (применимая терминология, генезис и другие), а также материалы судебной практики по авторским правам. Выявлены тенденции развития цивилистической доктрины и исследуемые отдельные противоречия соответствующего законодательства.

Ключевые слова: авторские права; иные авторские права; организационные авторские права; понятие, виды и признаки организационных авторских прав.

In this scientific paper a new group of subjective copyrights as organizational copyrights is studied. The relevance, theoretical and applied significance of this newest category is substantiated. The types, the definition and other basic elements a mechanism of the organizational copyrights (applicable terminology, genesis, etc.) are analysed. Judicial practice on copyright is analysed, trends of the development of civil doctrine are revealed, and some contradictions of copyright law are discussed.

Keywords: copyright; other copyrights; organizational copyrights; characteristics of organizational copyrights.

В теории авторского права нерешенной остается проблема об отнесении отдельных авторских прав к правам, которые законодателем определены как «иные». В системе интеллектуальных прав «иные» права являются однопорядковой категорией, наравне с личными неимущественными и исключительными правами.

Между тем сложно понять основания их обособления. Конструкция «иных» авторских прав, если обратиться к словам К. Маркса, постепенно рискует превратиться в некую «общественную реторту», в которой все смешивается по остаточному принципу. Таким образом, сложилась ситуация, когда какое-либо субъективное авторское право, по мнению специалиста, твердо не отвечает признакам личного или исключительного, оно «автоматически» причисляется к так называемому иному. При погружении в проблематику «иных» авторских прав спорным оказывается большинство относящихся к ней аспектов.

В новейшей литературе часто можно наблюдать стремление автоматически причислить к «иным» правам те юридически обеспеченные возможности правообладателей, которые не отвечают традиционным признакам личного или исключительного права. Главный довод – «иные» права якобы не отличаются концептуальным единством, якобы ГК РФ не предлагает юридико-технические приемы, позволяющие обособить их в отдельный вид, и не содержит их ясного перечня¹. Подобное толкование, на наш взгляд, является некорректным. Концептуальное единство – имманентная категория. Она – результат доктринального осмысления. Так называемые иные авторские права – новое (легально закрепленное и кардинально усовершенствованное в части четвертой ГК РФ), актуальное и динамично развивающееся явление (совокупность норм). О потенциале и перспективах этой категории свидетельствует широкая цивилистическая полемика. Суждения об отсутствии в ГК РФ их перечня, впрочем, как и перечня личных неимущественных прав автора², нельзя признать справедливыми³. Не редки упреки в адрес законодателя в непоследовательности и неспособности «четко определить природу тех или

¹ Матвеев А. Г. Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие. – Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2015. – С. 345–349; Гаврилов Э. П. Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. – М.: Юрсервитум, 2015. – С. 199. К мнению Э. П. Гаврилова присоединяется В. Витко (Витко В. Рецензия на книгу Э. П. Гаврилова «Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век» // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 47).

² См. доп.: Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. А. А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – С. 170, 172 (автор главы – Е. В. Бадулина).

³ См., например, ст. 1226, пп. 2 – пп. 5 п. 2 ст. 1255, ст. 1265 – ст. 1269, ст. 1292 – ст. 1294 ГК РФ.

иных прав автора произведения»¹. Выяснение природы – это тоже задача цивилистики². Законодатель и правоприменитель решают практические проблемы, используя достижения теории.

Становится популярным мнение³ об отказе от нормативной классификации интеллектуальных прав, а заодно – и от категории «иных» интеллектуальных прав⁴. Элементарное вычеркивание всякой спорной (новой) нормы угрожает целостности правовой системы. Очевидно, что появление категории «иных» прав обосновано заинтересованностью субъектов авторских правоотношений. Отечественные ученые отмечают, что вопрос о взаимовлиянии субъективного права и интереса заслуживает внимания⁵.

В результате окончательного запутывания ситуации предлагаются («между прочим, с теми или иными искажениями... сути»⁶) неожиданные, курьезные конструкции вроде абсолютного, относительного и смешанного (абсолютно-относительного) личного неимущественного права⁷. В содержании «иных» авторских прав сочетаются различные по природе правомочия – имущественные и неимущественные. Однако в доктрине выделяется, как правило, одно, «основное», «главное» правомочие, и на этом основании формулируется условно-обобщенный вывод о природе «иного» субъективного права. Обычно в качестве «ведущего» выступает

¹ *Еременко В. И.* К вопросу о личных неимущественных правах авторов произведений // *Адвокат.* – 2010. – № 7. – С. 27–37.

² Первым в отечественной цивилистике понятие «юридическая природа» разработал *О. А. Красавчиков* (*Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве // Он же. Категории науки гражданского права. Избранные труды: В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 229–241).

³ *Зимин В. А.* Личные неимущественные и «иные» интеллектуальные права в системе интеллектуальных прав // *Гуманитарные научные исследования.* – 2015. – № 4. – С. 86; *Гаврилов Э. П.* Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. – М.: Юрсервитум, 2015. – С. 199.

⁴ *Зимин В. А.* Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГАИС, 2015. – С. 15, 141. См. аналогичный комментарий научной позиции *В. А. Зимина*: *Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой.* – М.: Статут, 2017. – С. 175. сн. 3 (автор главы – *Е. В. Бадудина*).

⁵ Об этом подробнее см.: *Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю.* Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград: ВА МВД России, 2009. – С. 25.

⁶ Цит. по: *Гонгало Б. М.* Предмет гражданского права // *Проблемы теории гражданского права: сб. ст.* – М.: Статут, 2003. – С. 8.

⁷ *Хатламаджиян К. Т.* Права авторов результатов интеллектуальной деятельности нормативно неопределенной природы: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2013. – С. 7.

имущественное правомочие¹. Из этого следует, на наш взгляд, коренная причина многих теоретических разногласий. Не уделяется внимание определенному сочетанию личных неимущественных и имущественных правомочий в содержании «иных» прав. Это сочетание или, как говорил О. А. Красавчиков, «переплетение» – яркое свидетельство «организационного момента», проявляющегося в характеристике «иных» авторских прав.

Организационные (координирующие) начала в связи с действием «иных» авторских прав упоминаются в новейшей литературе², но вопрос о сущности, признаках, понятии, генезисе организационных авторских прав еще не рассматривался. Если «иные» авторские права отвечают всем обоснованным в классической литературе³ критериям (невозможность отнесения ни к личным, ни к имущественным правам; «организационный момент» в процедуре осуществления; координационный характер; относительная самостоятельность и т. д.), то логичным будет их признание организационными авторскими правами.

Проблема юридической природы так называемых иных интеллектуальных (авторских) прав не является схоластикой, но связана с решением неисчерпывающего множества насущных задач⁴. Ее решение или хотя бы выработка оптимальных с точки зрения общепризнанных достижений цивилистики подходов к решению, например, позволяет:

– определить оборотоспособность, ограниченную оборотоспособность или необоротоспособность «иных» авторских прав в целом или в части определенных правомочий, составляющих соответствующее субъективное авторское право;

¹ См., например: Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. – С. 280; Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / отв. ред. Л. А. Трахтенгерца. – М.: Контракт; Инфра-М, 2009.

² Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник: / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – С. 194 (автор главы – Е. С. Гринь); Дозорцев В. А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. – М.: Статут, 2003. – С. 20, 153.

³ См., например: Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Он же. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 48–49.

⁴ Практическое значение исследования природы авторских прав подтверждает А. Л. Маковский (Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. – С. 280).

– верно выбрать способ защиты «иных» авторских прав из вариантов, предусмотренных ст. 1251 и ст. 1252 ГК РФ;

– квалифицировать требование о защите «иных» авторских прав как иск «имущественного характера», «имущественного характера, не подлежащего оценке» или «неимущественного характера» (ст. 333.19, ст. 333.20 НК РФ) и рассчитать для него размер государственной пошлины;

– зафиксировать срок действия «иных» авторских прав, прямо не указанный в законе для некоторых из них;

– конкретизировать детали применения правил о сроке исковой давности для различных требований о защите «иных» авторских прав;

– уточнить исчерпывающий или неисчерпывающий перечень «иных» авторских прав;

– установить принципиальную допустимость или запрет на управление «иными» авторскими правами на коллективной основе (в целом или в части определенных правомочий);

– определить оптимальный вариант усовершенствования законодательства об «иных» авторских правах – фрагментарное (доработка имеющихся норм) или комплексное развитие закона (выделение соответствующих правил в отдельную главу седьмого раздела ГК РФ или в специальный параграф главы 70 ГК РФ);

– сориентировать на будущее судебную практику и уточнить спорные судебные позиции по группам интеллектуальных (авторских) прав – личным неимущественным, исключительному и «иным» и т.д.

Негативно сказывается и отсутствие у третьей группы интеллектуальных (авторских) прав приемлемого обозначения. В научных трудах продолжают дублироваться «рабочие» термины законодателя: «иные» интеллектуальные права (ст. 1226, ч. 2 п. 1 ст. 1231 ГК РФ) и «иные» авторские права (п. 3 ст. 1255 ГК РФ). Активно применяются в цивилистической литературе и сомнительные альтернативные версии: «особые»¹, «остальные»², «сопут-

¹ Хохлов В. А. Авторское право: законодательство, теория, практика. – М.: Городец, 2008. – С. 138–140; Шостак И. Проблемы классификации интеллектуальных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 36.

² Зимин В. А. Личные неимущественные и «иные» интеллектуальные права в системе интеллектуальных прав // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4. – С. 87.

ствующие»¹, «промежуточные»², «дополнительные»³, «производные»⁴ права, «права нормативно неопределенной природы»⁵ и др. Нет ясности, следовательно, необходим адекватный термин.

Рассмотрим признаки организационных авторских прав. О. А. Красавчиков писал о возможности переплетения личных и имущественных отношений с теми, которые составляют «организационный момент» всех остальных и сохраняют свою самостоятельность при любых условиях⁶. В составе каждого «иног» авторского права можно наблюдать «переплетение» личных неимущественных и имущественных правомочий. Например, право доступа (ст. 1292 ГК РФ) включает в себя следующие правомочия автора. Во-первых, визуально воспринимать произведение искусства или архитектуры в реальном или виртуальном пространстве. С точки зрения существа анализируемого правомочия речь идет о положительных действиях автора (именно автора!) по зрительному восприятию и мысленному осмыслению конкретного творения (проведению в процессе созерцания организационных (подготовительных) мероприятий по его воспроизведению: выбор времени суток, освещения, ракурса, способа воспроизведения и т. д.). Во-вторых, воспроизводить произведение (в целом или в части) в процессе созерцания или постфактум. В этом элементе рельефно проявляется имущественный характер.

¹ Рожкова М. А. Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. – М.: Проспект, 2015. – С. 16, 17.

² Еременко В. И. К вопросу о личных неимущественных правах авторов произведений // Адвокат. – 2010. – № 7. – С. 27–37.

³ Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И. А. Близнаца. – М.: Проспект, 2017. – С. 145 (авторы главы – К. Б. Леонтьев, О. Ю. Митин).

⁴ Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству: учеб. пособ. для магистров / отв. ред. Л. А. Новоселова. – М.: Проспект, 2017. – С. 54 (авторы главы – Л. А. Новоселова, Е. С. Гринь, Е. В. Ульянова).

⁵ Хатламаджиян К. Т. Права авторов результатов интеллектуальной деятельности нормативно неопределенной природы: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2013.

Поскольку юридическая природа определяется отраслевой принадлежностью юридических фактов и норм права (Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве // В кн.: Он же. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – С. 230), термин «нормативно неопределенная природа» в принципе некорректен, как и все, что с ним связано.

⁶ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Он же. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 48–49.

В праве следования также переплетаются имущественное и личное неимущественное правомочия. Имущественное правомочие на получение вознаграждения за перепродажу произведения искусства (ст. 1293 ГК РФ) тесно связано с правомочием неимущественного характера на получение автором, его наследниками, организацией по коллективному управлению достоверных сведений о сделке. Эти сведения должны предоставить участники сделки¹. При сокрытии информации право следования фактически блокируется. Желательно в части четвертой ГК РФ предусмотреть отдельную статью о праве творца на информацию о юридической судьбе произведения и исключительных прав.

Следует выделить и еще один тезис: неимущественные юридически значимые действия в сфере архитектуры, градостроительства и садово-паркового дизайна всегда связаны с имущественными интересами сторон². Заказчик не только выплачивает автору вознаграждение за разработку архитектурного решения, но при совершении тех или иных самовольных изменений архитектурного проекта несет финансовые (незапланированное увеличение стоимости работ), технические (ухудшение качества результата строительства), административные (штраф и другие санкции) и гражданско-правовые (привлечение к имущественной ответственности по иску правообладателя) риски. «Допущенные... отступления от проектной документации по своей сути являются переработкой спорного архитектурного решения, которое представляет собой один из способов его использования»³.

Использование (переработка) произведения без согласия автора – нарушение исключительного (имущественного) авторского права (пп. 9 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), за совершение которого с нарушителя может быть взыскана денежная компенсация (п. 3 ст. 1252, ст. 1301 ГК РФ) и (или) применены другие санкции. По это-

¹ См. п. 4 ст. 1244 ГК РФ, п. 6 постановления Правительства РФ от 19.04.2008 г. № 285 «Об утверждении Правил выплаты автору вознаграждения при публичной перепродаже оригиналов произведений изобразительного искусства, авторских рукописей (автографов) литературных и музыкальных произведений» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2008. – № 17, ст. 1880.

² Взаимосвязь подтверждается судебной практикой: см., например, постановления Суда по интеллектуальным правам от 18.12.2015 г. и от 21.07.2017 г. по делу № А60-10618/2011.

³ Вывод, сформулированный в мотивировочной части определения Верховного Суда РФ от 24.04.2017 г. № 305-ЭС-17-3662 по арбитражному делу № А40-214554/15-27-1819. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

му аспекту сложилась устойчивая судебная практика¹. В отмеченном переплетении имущественных и личных неимущественных правомочий заключается первый признак «иных» авторских прав.

Следующая особенность, как говорил О. А. Красавчиков – «организационный момент», предрешенная законом процедура реализации «иных» авторских прав.

Так, доступ к творению (произведению искусства, архитектурному объекту) становится реальным после того, как собственник и автор согласуют технические (например, в связи с организацией осмотра и воспроизведения на расстоянии) и прочие условия (режим) доступа: время, помещение, количество и периодичность посещений, список сопровождающих автора лиц (помощников), вносимые в помещение (выносимые из него) предметы, условия пребывания и т. д. Интересы сторон должны учитываться разумно и справедливо. Злоупотребление сторонами своим статусом не допускается (ст. 10 ГК РФ). Нарушение пределов осуществления гражданских прав рассматривается как злоупотребление правом, как гражданское правонарушение². Право доступа должно быть регламентировано шире. Законодателю, например, стоит предусмотреть рамочные условия договора о доступе к произведению.

«Организационный момент» доминирует и в отношениях по поводу служебного произведения, архитектурного, градостроительного и садово-паркового проектов. Создание и использование этих произведений по договору прямо предусмотрено законом³.

¹ См.: определение Верховного Суда РФ от 18.03.2016 г. № 309-ЭС16-737 по арбитражному делу № А60-10618/2011, постановления Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 г. № 7697/12 и от 27.09.2011 г. № 5816/11, п. 9 Обзора практики рассмотрения споров, связанных с применением Закона Российской Федерации «Об авторском праве и смежных правах» (утв. Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 28.09.1999 г. № 47 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1999. – № 11).

² Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С. Права детей и их охрана: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института экономики, социологии и права, 2011. – С. 39.

³ Абз. 2 п. 1 ст. 1294 и п. 2 – п. 4 ст. 1295 ГК РФ. Порядок осуществления права авторского контроля и надзора при практическом воплощении проектов (архитектурных и планировочных решений) подробнейшим образом детализируется в подзаконных актах. Свод правил «Положение об авторском надзоре за строительством зданий и сооружений» (утв. приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ от 19.02.2016 г. № 98/пр), Поста-

Для возникновения и, как правило, реализации, например, права авторства никакой особой процедуры не требуется. То же можно утверждать об авторском праве на имя и авторском праве на неприкосновенность произведения, об исключительном праве, возникающих и действующих с момента создания произведения. Специальный порядок (регламент) характерен только для «иных» авторских прав, следовательно, материально-правовая процедура в конструкции «иных» авторских прав – это второй признак данной категории. По сути, об этом и говорил О. А. Красавчиков¹.

Сочетание имущественных и личных правомочий в содержании «иных» авторских прав стимулирует сопоставление противоположных юридических эффектов. Исключительные права способствуют динамике оборота, личные права обеспечивают статическое состояние объекта.

В составе прав третьей группы имущественные и личные неимущественные правомочия неотделимы друг от друга. Возникает своеобразная конкуренция, которая провоцирует дифференцированные оценки при типичных обстоятельствах. Например, Верховный Суд РФ констатирует неимущественный характер права авторского контроля (надзора) в архитектурно-строительной деятельности². Это – стабильная судебная практика (более десятка новейших судебных актов высшей судебной инстанции)³.

Однако Д. В. Мурзин в своем актуальном комментарии судебной практики пишет, что «более точной была бы характеристика рассматриваемого права как иного»⁴, что представляется

новление Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию» и т. д.

¹ Красавчиков О. А. Гражданские организационно-правовые отношения // Он же. Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 59.

² Определение от 20.04.2017 г. по делу № А32-3236/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ См. постановление Суда по интеллектуальным правам от 24.01.2017 г. по делу № А40-214554/2015, определение Верховного Суда РФ от 24.04.2017 г. № 305-ЭС-17-3662 по тому же делу, постановление Суда по интеллектуальным правам от 22.12.2016 г. по делу № А32-3236/2016, определение Верховного Суда РФ от 20.04.2017 г. № 308-ЭС17-3094 по тому же делу, постановление Президиума ВАС РФ от 06.11.2012 № 7697/12 по делу № А32-3236/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Научно-практический комментарий судебной практики в сфере защиты интеллектуальных прав / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – М.: Норма, 2014. – С. 315.

обоснованным¹. Между тем сложно согласиться с выводами о его возможной «уступке». Неотъемлемый «личностный компонент» (Л. О. Красавчикова) в содержании «иных» прав, их закрепление, как правило, за автором, предопределяет судьбу имущественных правомочий, что не позволяет говорить об отчуждении «иных» прав в целом. Закон не допускает «расщепление» единого субъективного права. Доктрина крайне негативно реагирует на подобного рода концепции². Видимо, с этих позиций объяснима и консервативная судебная практика. Вместе с тем прямо предусмотрена оборотоспособность имущественных прав³. Отсюда и возникает конкуренция разнородных правомочий в содержании единого субъективного права.

Фундаментальность и актуальность этих суждений доказана современной жизнью – там, где на первом плане закрепляется имущественный интерес (или – в широком смысле – интерес капитала), личность со своими естественными правами уходит не на второй план, а низводится и в итоге исчезает как субъект отношения⁴. Неотчуждаемость (непередаваемость), таким образом, является третьим признаком «иных» авторских прав. Данную характеристику в контексте организационных отношений предсказывал О. А. Красавчиков⁵.

Общее качество статичности «иных» авторских прав не препятствует «подвижности», динамичности их отдельных элементов

¹ В легальных перечнях личных неимущественных прав (п. 2 ст. 1228, пп. 2 – пп. 5 п. 2 ст. 1255, ст. 1265 – ст. 1269 ГК РФ) о возможности автора следить за ходом строительных и проектных садово-парковых работ законодатель ничего не говорит. В списке способов использования произведения (п. 2 ст. 1270 ГК РФ) право авторского контроля (надзора) тоже не названо. В нем, например, прямо оговорена близкая по области деловой активности, но не тождественная по содержанию практическая реализация архитектурного, дизайнерского, градостроительного или садово-паркового проекта (пп. 10 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Статья с нормой, посвященной анализируемой здесь юридически обеспеченной возможности (п. 2 ст. 1294 ГК РФ), структурно расположена законодателем среди «иных» авторских прав.

² См., например: *Вилкин С. С.* Рецензия на работу Д. В. Тариканова «Юридическая личность коммерческих организаций в гражданском праве России» // *Вестник гражданского права*. – 2007. – Т. 7. – № 3. – С. 272–273, 276–277.

³ См. п. 4 ст. 129, п. 1 ст. 1250, п. 1 ст. 1229, ст. 1233 – ст. 1241, ст. 1270, ст. 1283 – ст. 1288 ГК РФ.

⁴ *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 97.

⁵ *Красавчиков О. А.* Гражданские организационно-правовые отношения // *Он же.* Категории науки гражданского права. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. – М.: Статут, 2005. – С. 52.

в определенных законом пределах. Так называемые иные авторские права в целом являются неотчуждаемыми, но благодаря закрепленным в их конструкции «делегирующим» механизмам и оборотоспособным (имущественным) элементам через автора (при его жизни или после его смерти), могут возникать у лиц, связанных с автором договорными или, например, наследственными узами.

Особый интерес представляет новейшая юридическая конструкция права на обнародование произведения (ст. 1268 ГК РФ). По многим признакам данное субъективное право выходит за пределы конститутивного фундамента авторских прав первой группы. При жизни творца оно осуществимо третьим лицом с согласия автора или по авторскому договору, после смерти – обладателем исключительного права, если это не противоречит посмертной воле автора. Рассмотренная особенность авторских прав третьей группы составляет их четвертый признак. Так, согласно п. 3 ст. 1293 ГК РФ, право следования может возникать у наследников автора. Закон закрепляет за автором «иное» авторское право на служебное вознаграждение, причитающееся ему от работодателя (п. 3 ст. 1255, ст. 1295 ГК РФ). Правом на получение служебного вознаграждения после смерти творческого работника обладают его наследники¹.

Подробнее рассмотрим понятие организационных авторских прав. Конструкция «иных» авторских прав стала концентрированным выражением идеи «переплетения» имущественных и личных неимущественных интересов в авторском праве. Поиск «количества», «удельного веса» разнородных элементов в составе «иных» авторских прав малопродуктивен ввиду идеальной природы данного явления.

Исходя из методологических наставлений О. А. Красавчикова, *организационными авторскими правами* можно считать установленные Гражданским кодексом Российской Федерации абсолютные, неотчуждаемые права автора, осуществляемые на началах координации личных и имущественных элементов, нацеленные на эффективную реализацию исключительного права.

Не менее важен в контексте рассмотренной нами темы вопрос о видах организационных авторских прав, их классифика-

¹ См. пп. «в» п. 91 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ции. На основании проведенного анализа, с учетом всех особенностей предлагаем следующую классификацию организационных авторских прав:

- предпосылочные организационные авторские права: право обнаружения произведения; право на отзыв; право доступа;
- компенсационно-делегирующие организационные авторские права: права автора и его наследников на получение служебного вознаграждения; право следования;
- контрольные организационные авторские права: право согласования изменений, вносимых третьим лицом в творческий результат после смерти автора;
- информационные организационные авторские права: право на информацию о произведении; право работодателя на указание своего имени (наименования) в служебном произведении.

Библиографический список

1. *Вилкин С. С.* Рецензия на работу Д. В. Тариканова «Юридическая личность коммерческих организаций в гражданском праве России» // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7. – № 3. – С. 261–281.
2. *Витко В.* Рецензия на книгу Э. П. Гаврилова «Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век» // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 45–54.
3. *Гаврилов Э. П.* Право интеллектуальной собственности. Общие положения. XXI век. – М.: Юрсервитум, 2015. – 492 с.
4. *Дозорцев В. А.* Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сб. ст. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
5. *Еременко В. И.* К вопросу о личных неимущественных правах авторов произведений // Адвокат. – 2010. – № 7. – С. 27–37.
6. *Зимин В. А.* Личные неимущественные и «иные» интеллектуальные права в системе интеллектуальных прав // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 4. – С. 85–88.
7. *Зимин В. А.* Правовая природа интеллектуальных прав по законодательству Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – М.: РГАИС, 2015. – 172 с.

8. Интеллектуальная собственность в современном мире: монография / под ред. И. А. Близнеца. – М.: Проспект, 2017. – 688 с.
9. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / под ред. А. Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. – 715 с.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части четвертой (постатейный) / отв. ред. Л. А. Трахтенгерц. – М.: Контракт; Инфра-М, 2009. – 472 с.
11. *Красавчиков О. А.* Категории науки гражданского права. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. – М.: Статут, 2005. – 494 с.
12. *Матвеев А. Г.* Интеллектуальные права на произведения науки, литературы и искусства: учеб. пособие. – Пермь: Пермский гос. нац. исслед. ун-т, 2015. – 444 с.
13. Наследование интеллектуальных прав по российскому законодательству: учеб. пособ. для магистров / отв. ред. Л. А. Новоселова. – М.: Проспект, 2017. – 103 с.
14. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – М.: Статут, 2017. – 512 с.
15. *Рожкова М. А.* Интеллектуальная собственность: основные аспекты охраны и защиты: учебное пособие. – М.: Проспект, 2015. – 248 с.
16. *Филиппов П. М., Джумагазиева Г. С.* Права детей и их охрана: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоград. ин-та экономики, социологии и права, 2011. – 92 с.
17. *Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю.* Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им. – Волгоград: ВА МВД России, 2009. – 248 с.
18. *Халфина Р. О.* Общее учение о правоотношении. – М.: Юридическая литература, 1974. – 348 с.
19. *Хатламаджиян К. Т.* Права авторов результатов интеллектуальной деятельности нормативно неопределенной природы: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д: ЮФУ, 2013. – 204 с.
20. *Хохлов В. А.* Авторское право: Законодательство, теория, практика. – М.: Городец, 2008. – 368 с.
21. *Шостак И.* Проблемы классификации интеллектуальных прав // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 12. – С. 31–38.

О. В. Грабко

Судья Двенадцатого арбитражного
апелляционного суда
federal64@yandex.ru

КЛАССИФИКАЦИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО КОНТРОЛЯ**CLASSIFICATION OF CIVIL CONTROL**

Статья посвящена вопросам классификации видов контроля и надзора, которые находятся в центре внимания современных ученых-юристов, занимающихся исследованием проблем контроля в рамках конституционного, административного, муниципального, таможенного, финансового, налогового права и других отраслевых наук. В связи с этим приведены традиционные классификации методов контроля. В то же время отмечено отсутствие классификации видов гражданско-правового контроля в современной цивилистической науке. Определено значение классификации, в том числе как метода научного познания, для формирования теории гражданско-правового контроля. Выделены и обоснованы следующие возможные формы классификации видов гражданско-правового контроля в зависимости от ее основания: договорный и внедоговорный (по основанию возникновения), внутренний и внешний (по отношению к основному правоотношению), предварительный и последующий (по времени реализации), информационный и деятельностный (по содержанию).

Ключевые слова: гражданское право; цивилистика; гражданско-правовые отношения; сделки; контроль; надзор; классификация; гражданско-правовой контроль; договорный и внедоговорный гражданско-правовой контроль; внутренний и внешний гражданско-правовой контроль; предварительный и последующий гражданско-правовой контроль.

In this article the issues of classification of types of control and supervision traditionally in the focus of modern legal scholars who are engaged in research of control problems within the framework of constitutional, administrative, municipal, customs, financial, tax law and other branch sciences are pointed out. The importance of classification as a method of scientific

knowledge is substantiated. In this connection, traditional classification of control methods is highlighted in this work. At the same time, there is a lack of classification of types of civil law control in modern civil science. The importance of classification for the formation of the theory of civil-law control is pinpointed. Classification of civil-law control on various bases is given. The following possible forms of classification of types of civil law control are distinguished and substantiated depending on the basis of the classification: contractual and extra-contractual (on the basis of origin), internal and external (in relation to the basic legal relationship), preliminary and subsequent (in terms of implementation time), information and activity (according to the content).

Keywords: civil law; civil law relations; transactions; control; supervision; classification civil-legal control; contractual and non-contractual civil-legal control; internal and external civil-legal control; preliminary and subsequent civil-legal control.

Юридическое классифицирование и его значение для формирования теории гражданско-правового контроля. Выявление особенностей гражданско-правового контроля и его отдельных видов предполагает необходимость их классифицирования для упорядочения исследуемого массива явлений путем их деления на устойчивые виды.

По справедливому замечанию В. А. Белова, «классификация является первой ступенью всякого научного познания, поскольку упорядочивает знание и способствует выявлению видовых и родовых признаков исследуемого явления»¹. Классификация представляет собой логическую операцию деления. Она имеет важное теоретическое и практическое значение при осуществлении научного исследования. Под классификацией понимают общенаучный метод систематизации знания, имеющий своей целью организацию определенной совокупности исследуемых объектов той или иной области действительности, знания или деятельности, в систему соподчиненных классов, по которым эти объекты распределены на основании их сходства в определенных родовых признаках².

Ценностной составляющей логической операции классици-

¹ Белов В. А. Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – С. 73.

² См.: Субботин А. Л., Абушенко В. Л., Бочаров В. А. Классификация. Гуманитарная энциклопедия. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/687> (дата обращения: 17.01.2018).

кации следует признать ее способность определять место любого объекта в системе, установить сущностные связи, отличительные признаки и свойства исследуемого объекта. При этом в соответствии с методологическими требованиями при проведении научных классификаций суммарное количество членов классификации должно быть равным объему всего классифицируемого множества исследуемых предметов¹. Вопросы классификации видов контроля и надзора традиционно находятся в центре внимания современных ученых-юристов, которые занимаются исследованием проблем контроля в рамках конституционного², административного³, муниципального⁴, таможенного⁵, финансового⁶,

¹ См.: *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. В 2 т. Т. 2: Логика правового исследования (как написать диссертацию). – С. 323.

² *Балаян Г. К.* Некоторые аспекты конституционных основ и видов государственного контроля // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 3. – С. 13–17; *Беляев В. П.* Общественный контроль в современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 6. – С. 2–6; *Джагарян А. А.* Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 33 с.; *Масловская М. В.* Контроль и его виды в Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 4. – С. 3–9; *Полещук А. С.* Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 26 с.; *Стародубова О. Е.* Общественный контроль: правовая поддержка // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 130–136; *Шерстобоев О. Н.* Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 4. – С. 28–31 и др.

³ *Кудилинский М. Н.* Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 8. – С. 47–53 и др.

⁴ *Зырянов С. М.* Правовая природа и виды муниципального контроля // Журнал российского права. – 2009. – № 11. – С. 26–35 и др.

⁵ *Агамагомедова С. А.* Виды таможенного контроля: понятие и критерии классификации // Таможенное дело. – 2016. – № 3. – С. 3–7; *Костин А. А.* Классификация видов таможенного контроля // Таможенное дело. – 2010. – № 1. – С. 32–36; *Сергеев Е. В.* Таможенный контроль: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 187 с.

⁶ *Ильин А. Ю., Царева О. Е., Андреев С. А.* Виды, формы и методы государственного финансового контроля в бюджетной сфере // Финансовое право. – 2016. – № 5. – С. 24–31; *Лагутин И. Б.* Виды, формы и методы финансового контроля: общие вопросы теории и практика правового регулирования на региональном уровне // Российская юстиция. – 2012. – № 6. – С. 10–14; *Лапина М. А., Ловиных А. С.* Понятие и виды финансового контроля // Юридический мир. – 2012. – № 4. – С. 28–31.

налогового¹ права и других отраслевых наук.

В юридической литературе достаточно известна следующая классификация видов контроля: государственный – осуществляется органами государственной власти за соблюдением законодательства, требований иных нормативно-правовых актов в сфере экономики, социально-культурной и административно-политической сферах; муниципальный – осуществляется на территории муниципального образования органами местного самоуправления или уполномоченными ими органами в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном нормативными правовыми актами органов местного самоуправления; производственный – осуществляется субъектами хозяйственной и иной деятельности в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном их уставами в целях обеспечения выполнения в процессе этой деятельности требований, установленных законодательством и иными нормативно-правовыми актами; общественный – осуществляется общественными и иными некоммерческими объединениями в соответствии с законодательством РФ в порядке, установленном их уставами, а также контроль, осуществляемый гражданами за подготовкой и принятием исполнительными органами государственной власти и органами местного самоуправления решений, затрагивающих их интересы, и предотвращения нарушения законодательства в той или иной сфере².

Кроме того, не меньшей популярностью среди правоведов пользуется и классификация видов контроля в зависимости от статуса органов, его реализующих: президентский контроль; контроль законодательной власти; контроль исполнительной власти; судебный контроль; прокурорский надзор; контроль Уполномоченного по правам человека. При этом реализация контроля обеспечивается возможностью применения различных видов государственного принуждения³. Следует иметь в виду, что рас-

¹Ильин А. Ю. Юридическое содержание видов, форм и методов налогового контроля // Финансовое право. – 2014. – № 1. – С. 28–34; Копина А. А. Дифференциация видов налогового контроля в зависимости от категорий налогоплательщиков // Финансовое право. – 2014. – № 10. – С. 7–13.

² См., например: Макштарева С. А. Отражение понятия «правовой контроль» в юридической науке // История государства и права. – 2008. – № 3. – С. 2–3.

³ Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник. – М.: Норма, 2000. – С. 395.

смотренные выше классификации видов контроля относятся к сфере публично-правового контроля, а следовательно, не могут быть использованы для классифицирования видов гражданско-правового контроля, так как характеризуются наличием принципиально иных признаков, главное место среди которых занимает реализация контроля властными субъектами.

В настоящее время в цивилистической науке не разработана классификация видов гражданско-правового контроля, что актуализирует ее необходимость. Несмотря на отсутствие глубокой доктринальной проработки понятия «гражданско-правового контроля», а также его отдельных видов, исследование данной категории представляется целесообразным и с практических, и с теоретических позиций, поскольку посредством гражданско-правового контроля выявляются сбои в механизме отраслевого регулирования, проводится корректировка, изменение правовых норм, регламентирующих гражданский оборот. Основное назначение гражданско-правового контроля – способствовать исполнению гражданско-правовых обязательств в установленный срок, обеспечить эффективную и беспрепятственную работу всего механизма гражданско-правового регулирования и качественное функционирование гражданского оборота в целом. Важнейшая задача контроля в связи с этим – предупреждение нежелательных последствий.

С учетом изложенного классификация видов гражданско-правового контроля позволяет систематизировать знания о данном правовом явлении, облегчить уяснение и понимание его сущности, улучшить теоретико-правовой аппарат в рассматриваемой области, а также повысить эффективность правоприменительной деятельности в исследуемой сфере. В. М. Сырых предложил следующий алгоритм действий при использовании метода классифицирования: 1) поиск основания классификации; 2) выявление форм (видов) проявления основания классификации; 3) выделение членов классификации; 4) описание особенностей каждого выделенного члена¹.

Разделяя позицию В. М. Сырых, считаем необходимым с учетом специфики гражданско-правового контроля осуществить классифицирование следующим образом: 1) определить основные классификации, присущее множеству гражданско-правовых явлений, характеризующихся наличием элементов контроля; 2)

¹ Сырых В. М. Указ. соч. С. 316.

выявить виды проявления основания классификации – варьирующегося признака, присущего всем видам проявления гражданско-правового контроля; 3) выделить члены классификации гражданско-правового контроля и дать им характеристику. Как отмечал О. А. Красавчиков, «для проведения любой классификации должен быть избран какой-то определенный признак»¹. В интерпретации В. М. Сырых подобный признак является основанием классификации и представляет собой свойство, присущее объекту классификации, которое имеет способность варьироваться по форме своего проявления².

Договорный и внедоговорный гражданско-правовой контроль. В основу классификации видов гражданско-правового контроля могут быть положены различные критерии, позволяющие уяснить сущность данного вида контроля, его особенности и сферу применения в гражданском праве. Гражданско-правовой контроль может быть классифицирован по такому критерию, как основание возникновения. Изучение данной классификации – концептуальный аспект настоящего исследования, поскольку она положена в основу структурного оформления этой работы, а также в основу формирования цивилистической теории гражданско-правового контроля.

Из анализа части первой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ)³ следует, что слово «контроль» употребляется в нем в ряде статей: п. 4 ст. 41 ГК РФ – в контексте обязанности органа опеки и попечительства осуществлять контроль за исполнением помощником совершеннолетнего дееспособного гражданина своих обязанностей; ст. 67.1 ГК РФ – применительно к особенностям управления и контроля в хозяйственных товариществах и обществах; п. 1 ст. 295 ГК РФ – собственник имущества, находящегося в хозяйственном ведении, осуществляет контроль за использованием по назначению и сохранностью принадлежащего предприятию имущества.

Чаще о контроле и надзоре упоминается в части второй ГК

¹ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – С. 81.

² Сырых В. М. Там же. С. 315.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 29.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2017).

РФ¹: ст. 748 ГК РФ – контроль и надзор заказчика за выполнением работ по договору строительного подряда; ст. 749 ГК РФ – участие инженера (инженерной организации) в осуществлении прав и выполнении обязанностей заказчика; ст. 814 ГК РФ – если договор займа заключен с условием использования заемщиком полученных средств на определенные цели (целевой заем), заемщик обязан обеспечить возможность осуществления займодавцем контроля за целевым использованием суммы займа; ст. 845 ГК РФ – контроль за использованием клиентом денежных средств, находящихся на счете; ст. 860.1 ГК РФ – законом или договором номинального счета с участием бенефициара на банк может быть возложена обязанность контролировать использование владельцем счета денежных средств в интересах бенефициара в пределах и в порядке, которые предусмотрены законом или договором; ст. 860.3 ГК РФ – о праве банка контролировать соблюдение установленных ограничений в совершении операций по номинальному счету; п. 3 ст. 922 ГК РФ – об обязанности банка осуществлять контроль за доступом в помещение, где находится предоставленный клиенту сейф по договору хранения ценностей в индивидуальном банковском сейфе; п. 2 ст. 1031 ГК РФ – об обязанности правообладателя по договору коммерческой концессии контролировать качество товаров (работ, услуг), производимых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора коммерческой концессии.

Наконец, третья часть ГК РФ² вообще не содержит правовых норм, оперирующих категорией «контроль» либо «надзор» в контексте гражданско-правового контроля. В четвертой же части ГК РФ³ законодатель говорит о контроле и надзоре в рамках следующих правовых норм: ст. 1228 ГК РФ – в контексте того, что лица, осуществлявшие контроль за выполнением соответствующих работ, не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности; ст. 1294 ГК РФ – применительно к праву автора

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 05.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 05.12.2017).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья): федер. закон от 26 нояб. 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.03.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2017).

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.07.2017).

произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства осуществлять авторский контроль за разработкой документации для строительства и авторский надзор за строительством здания или сооружения либо иной реализацией соответствующего проекта; ст. 1489 – о праве лицензиара осуществлять контроль за соблюдением условия лицензионного договора о соответствии качества производимых или реализуемых лицензиатом товаров, на которых он помещает лицензионный товарный знак, требованиям к качеству, устанавливаемым лицензиаром; ст. 1511 ГК РФ – о необходимости включать в устав коллективного товарного знака положения о порядке контроля за использованием коллективного знака.

Нельзя не обратить внимание и на иные нормативно-правовые акты гражданского законодательства, оперирующие категорией «контроль» в ее гражданско-правовом смысле. Так, о контроле за деятельностью унитарного предприятия упоминается в Федеральном законе РФ от 14.11.2002 г. № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»¹; о контроле за финансово-хозяйственной деятельностью акционерного общества и о лице, контролирующем общество, – в Федеральном законе РФ от 26.12.1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах»², аналогичные нормы установлены также в Федеральном законе РФ от 15.04.1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»³, Федеральном законе РФ от 18.07.2009 № 190-ФЗ «О кредитной кооперации»⁴; о контроле за распоряжением имуществом, составляющим ипотечное покрытие, говорится в Федеральном законе РФ от 11.11.2003 № 152-ФЗ «Об ипотечных ценных бумагах»⁵, о контроле за распоряжением имуществом, принадлежащим акционерно-

¹ О государственных и муниципальных унитарных предприятиях: федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 161-ФЗ (ред. от 29.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.12.2017).

² Об акционерных обществах: федер. закон от 26 дек. 1995 г. № 208-ФЗ (ред. от 31.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.12.2017).

³ О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан: федер. закон от 15 апр. 1998 г. № 66-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2016).

⁴ О кредитной кооперации: федер. закон от 18 июля 2009 г. № 190-ФЗ (ред. от 03.07.2016). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2016).

⁵ Об ипотечных ценных бумагах: федер. закон от 11 нояб. 2003 г. № 152-ФЗ (ред. от 25.11.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 25.11.2017).

му инвестиционному фонду, и имуществом, составляющим паевой инвестиционный фонд, – в Федеральном законе РФ от 29.11.2001 г. № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах»¹ и иных нормативно-правовых актах.

Обобщая изложенное, предлагаем следующее основание для классификации и виды гражданско-правового контроля: договорный и внедоговорный гражданско-правовой контроль. Данная классификация, в основу которой положен такой признак, как основание возникновения гражданско-правового контроля в смысле теории юридических фактов, носит весьма условный характер и не имеет непосредственной связи с известным делением гражданско-правовых обязательств на договорные и внедоговорные (или охранительные).

Учитывая основные правила классификации, в том числе необходимость осуществления классификации по одному и тому же основанию, в качестве которого могут выступать только существенные главные свойства, признаки исследуемой совокупности; стремление к максимальной терминологической чистоте, не допускающей смешения авторского категориального аппарата; правило, согласно которому сумма членов классификации должна равняться объему всего классифицируемого множества предметов; правило о том, что члены классификации должны исключать друг друга, предлагаем деление гражданско-правового контроля на договорный, то есть контроль, основанием возникновения которого служит договор, а также внедоговорный (или недоговорный), то есть гражданско-правовой контроль, возникающий на основании иных юридических фактов.

Выделение именно таких видов гражданско-правового контроля связано, прежде всего, с тем, что из множества проявлений контроля в гражданском праве его наиболее ярким и часто встречающимся случаем следует признать договорный контроль, который присущ абсолютно любому договорному правоотношению в сфере гражданского права. Это предположение основано не только на проведенном нами в настоящей статье анализе гражданского законодательства, оперирующего собственно категорией «контроль», но и на комплексном теоретико-прикладном исследовании общих положений об обязательствах, а также соответствующей правоприменительной практики.

¹ Об инвестиционных фондах: федер. закон от 29 нояб. 2001 г. № 156-ФЗ (ред. от 31.12.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.12.2017).

Вместе с тем в гражданском праве присутствуют и иные проявления гражданско-правового контроля, не имеющие своим основанием договор, а основанные на иных юридических фактах. К примеру, в сфере гражданского права, несмотря на отсутствие легальной дефиниции и непосредственного позитивного регулирования, существует такое явление, как корпоративный контроль, который получил обстоятельное доктринальное изучение в экономической и юридической науках особенно в последние десять лет¹.

Члены класса «договорный гражданско-правовой контроль» и их внутреннее классифицирование. Как известно, завершающей процедурой классификации выступает процедура обстоятельного описания специфики выделенных членов. При этом исследовательской задачей на данном этапе является, на наш взгляд, не только и не столько простое перечисление членов классификации, сколько обоснование их специфики в отношении предмета исследования. Построение цивилистической теории гражданско-правового контроля, включающей его понятие, признаки, функции, виды, иные категории, не представляется возможным без проведения комплексного изучения каждого вида гражданско-правового контроля.

Такой вид гражданско-правового контроля, как «договорный», предлагаем дополнительно классифицировать для решения некоторых исследовательских и методологических задач на общий и специальный контроль. Под общим гражданско-правовым контролем следует, по нашему мнению, понимать контроль кредитором должника, возникающий в любом договорном правоот-

¹ См., например: *Ерахтина О. С., Широкова А. Д.* Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2015. – № 11. – С. 80–87; *Захаров А. Н.* Проблемы применения «иных» оснований корпоративного контроля // *Закон.* – 2015. – № 4. – С. 133–142; *Клочихин Д. А.* Регулирование рынка корпоративного контроля: возможные пути развития // *Закон.* – 2012. – № 6. – С. 133–142; *Осипенко О. В.* Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. – М.: Статут, 2013. В 2 кн. Кн. 1: Установление корпоративного контроля. – 517 с.; *Осипенко О. В.* Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. – М.: Статут, 2014. В 2 кн. Кн. 2: Обеспечение корпоративного контроля. – 686 с.; *Степанов Д. И.* Феномен корпоративного контроля // *Вестник гражданского права.* – 2009. – № 3. – С. 142–206; *Хечиев А.* Корпоративный контроль: проблемы правового регулирования // *Актуальные проблемы предпринимательского права* / под ред. А. Е. Молотникова. – М.: Стартап, 2015. Вып. IV. – С. 138–149 и др.

ношении ввиду самого факта заключения договора и установления между контрагентами обязательственно-правовой связи. По справедливому замечанию О. В. Гутникова, «принцип свободы договора и метод дозволенности правового регулирования предполагают, что стороны любого гражданско-правового договора могут предусмотреть в договоре право одной стороны давать другой стороне обязательные для исполнения указания, построенные на началах гражданско-правовой субординации»¹.

Специальный же вид гражданско-правового контроля понимается нами, как договорный гражданско-правовой контроль, имеющий дополнительное позитивное регулирование контрольных правомочий кредитора в силу специфики того либо иного вида гражданско-правового договора. Так, законодатель при регламентации договора строительного подряда уделил особое внимание осуществлению контроля и надзора заказчика за выполнением работ подрядчиком, посвятив этому специальную статью 748 ГК РФ. Как верно отмечается в исследовательской литературе, «ст. 748 ГК РФ предусматривает более широкие контрольные полномочия заказчика за подрядчиком»².

Стоит поддержать А. Б. Ситдикову в том, что инвестиционные договоры в строительстве требуют особого внимания к процедурным моментам исполнения гражданско-правовых обязательств³ по ряду причин, к числу которых следует отнести многосубъектный состав, комплексный характер, непредсказуемость по ряду причин периода исполнения, а также иных сложностей договора строительного подряда⁴. Специальный договорный контроль предусмотрен также рядом других гражданско-правовых договоров. В их числе – целевой заем (ст. 814 ГК РФ), договор банковского счета (ст. 845 ГК РФ), договор номинального счета (ст. 860.1 ГК РФ), договор коммерческой концессии (ст. 1031 ГК РФ), лицензионный договор (ст. 1489 ГК РФ) и др.

¹ Гутников О. В. К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 60.

² Брайг Б., Мутай И. М. *Respublica* и *resmercatoria* в проформах ФИДИК и ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 1. – С. 111–144.

³ См. Шумейко И. Ю. Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009. – С. 9; Кулаков В. В. Сложные обязательства в гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 18.

⁴ Ситдикова А. Б. Проблемы исполнения обязательств на этапе незавершенного строительства // Правовые вопросы строительства. – 2015. – № 1. – С. 26–31.

Члены класса «внедоговорный гражданско-правовой контроль». Внедоговорный гражданско-правовой контроль как вид гражданско-правового контроля объединяет все проявления контроля в гражданском праве, которые остаются за рамками договорного контроля, возникающего между контрагентами в ходе исполнения договорных гражданско-правовых обязательств. Основаниями возникновения внедоговорного гражданско-правового контроля могут быть любые иные юридические факты.

Классическая цивилистическая доктрина исходит из того, что под юридическим фактом понимаются факты реальной действительности, существующие независимо от нашего сознания, являющиеся основаниями возникновения, изменения и прекращения правоотношений¹. Общепризнанным в юриспруденции основанием классифицирования юридических фактов является «волевой» признак. В соответствии с ним юридические факты принято подразделять на события и действия. Последние в зависимости от соответствия воли нормам права подлежат внутривидовому разграничению на правомерные и противоправные. Правомерные юридические факты в зависимости от момента направленности воли на юридический результат делятся на юридические акты и юридические поступки.

Действующее гражданское законодательство РФ исходит из несколько иной классификации оснований возникновения гражданских правоотношений. Так, исчерпывающий перечень оснований возникновения гражданских прав и обязанностей предусмотрен в ст. 8 ГК РФ, согласно которой к ним отнесены: договоры и иные сделки; решения собраний; акты государственных органов и органов местного самоуправления; судебные решения; приобретение имущества; создание произведений науки, литературы, искусства, изобретений и иных результатов интеллектуальной деятельности; причинение вреда другому лицу; неосновательное обогащение; иные действия граждан и юридических лиц; события, с которыми закон или иной правовой акт связывает наступление гражданско-правовых последствий.

Членами класса «внедоговорный гражданско-правовой контроль», на наш взгляд, являются такие проявления гражданско-правового контроля, как корпоративный контроль, имеющий своим основанием сложный юридический состав, одним из эле-

¹ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 11.

ментов которого выступает факт участия в корпорации; дача согласия (одобрение) сделок и иных юридически значимых действий, в основе которого также обнаруживается сложный юридический состав, включающий в себя, по нашему мнению, закон как специальное основание возникновения соответствующих правоотношений; авторский контроль, непосредственно регулируемый в ст. 1294 ГК РФ и возникающий на основании совершения юридического поступка – создания произведения архитектуры, градостроительства или садово-паркового искусства, а также иные гражданско-правовые явления, представляющие собой реализацию контроля.

Внутренний и внешний гражданско-правовой контроль. С учетом того, что гражданско-правовой контроль – это вспомогательное гражданское правоотношение, существующее в рамках основного правоотношения, определяющего собственно содержание, характер и форму реализации контрольных функций, следует различать внутренний контроль, существующий «внутри» правоотношения, возникающий между его непосредственными участниками (контролирующим субъектом и подконтрольным лицом) и проявляющийся в ходе реализации их прав и обязанностей, и внешний контроль, реализующийся вне рамок основного общественного правоотношения, однако оказывающий влияние на его дальнейшую юридическую судьбу.

Известное проявление гражданско-правового контроля – дача нотариально удостоверенного согласия одним из супругов на заключение сделки другим супругом по распоряжению совместно нажитым имуществом, права на которое подлежат государственной регистрации, сделки, для которой законом установлена обязательная нотариальная форма, или сделки, подлежащей обязательной государственной регистрации (п. 3 ст. 35 СК РФ). Выражая согласие на заключение сделки по распоряжению совместно нажитым недвижимым имуществом, супруг реализует свои контрольные полномочия, предусмотренные семейным законодательством, с целью охраны и защиты своих имущественных прав. Факт дачи нотариально удостоверенного согласия на заключение сделки одним из супругов свидетельствует о том, что другой супруг осведомлен о том, что состоится сделка по распоряжению имуществом, которое в равной мере принадлежит и ему самому, а также о том, на каких собственно условиях заключается сделка. Тезис о том, что п. 3 ст. 35 СК РФ касается не только самого фак-

та дачи согласия одного супруга на совершение сделки другим супругом, но и факта дачи согласия на совершение сделки на определенных условиях, обозначенных в заключаемом договоре, стоит признать дискуссионным. В частности, М. В. Маркина пишет: «Пункт 3 статьи 35 СК РФ не содержит требования указывать условия сделки по распоряжению или покупке недвижимости. Нет таких требований и в Основах законодательства Российской Федерации о нотариате. Даже если нотариус предложит супругу перечислить условия сделки, на которую выдается согласие, такой супруг может отказаться»¹.

Таким образом, контролируя супруга, заключающего сделку по распоряжению общим имуществом, другой супруг фактически не оказывает контролирующего воздействия на генеральные правоотношения – процесс заключения, исполнения и прекращения сделки купли-продажи недвижимого имущества. Это дает нам основания полагать, что гражданско-правовой контроль в данном случае является внешним по отношению к основному правоотношению, поскольку супруг, не будучи даже стороной сделки, все же в силах влиять на юридическую судьбу такой сделки: супруг, чье нотариально удостоверенное согласие на совершение указанной сделки не было получено, вправе требовать признания сделки недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о совершении данной сделки.

Предварительный и последующий гражданско-правовой контроль. Нами установлено, что гражданско-правовой контроль выражается в даче согласий (одобрений) на совершение сделок или иных юридически значимых действий. К примеру, в соответствии с п. 2 ст. 391 ГК РФ «перевод должником своего долга на другое лицо допускается с согласия кредитора и при отсутствии такого согласия является ничтожным». Согласно ст. 391 ГК РФ должник вправе перевести свой долг на другое лицо лишь с согласия кредитора. При универсальном правопреемстве в результате реорганизации путем выделения права и обязанности должника переходят к вновь созданному юридическому лицу на основании закона. На такой перевод долга согласие кре-

¹ Маркина М. В. Согласие супруга на распоряжение и приобретение недвижимости // Нотариус. – 2016. – № 2. – С. 36.

дителя не требуется¹.

После того, как требование о согласии кредитора на перевод долга, предусмотренное ст. 391 ГК РФ, было соблюдено и долг переведен, первоначальный должник из обязательства выбывает. Дальнейшие взаимоотношения нового должника и кредитора могут быть согласованы ими без участия выбывшей стороны².

Гражданско-правовой контроль, выражающийся в форме одобрения или запрещения сделки, позволяет контролирующему лицу «спрогнозировать» наступление тех или иных юридических последствий и полностью управлять ими. Подобные «контрольные» функции создают для управомоченного лица дополнительные гарантии для своевременной охраны и защиты субъективных гражданских прав от возможных посягательств, а также обеспечивают баланс интересов субъектов гражданских правоотношений.

Важно подчеркнуть, что существенное значение в процедуре выражения согласия на совершение сделок и иных юридически значимых действий имеет временное соответствие разрешительного волеизъявления и собственно самого одобряемого действия. По справедливому замечанию С. Н. Касаткина, «...согласие всегда возможно получить двумя способами: уполномоченный субъект может обратиться за разрешением заблаговременно или предложить одобрить уже совершенное им деяние»³. Не вызывает сомнений тот факт, что и первый, и второй случай следует признать реализацией гражданско-правового контроля. Однако необходимо иметь в виду, что формы такой реализации в приведенных случаях разные, что имеет существенное прикладное значение: соответственно, различаются также и последствия неодобрения воли и неодобрения волеизъявления⁴.

В подтверждение сказанному приведем цитату из Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 17.03.2011 № 16555/10 по делу № А41-6959/10 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2011. – № 6. – С. 159–160.

² Постановление Президиума ВАС РФ от 16.07.2002 № 11754/01 по делу № А40-16619/01-11-215. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Касаткин С. Н. Об одобрении юридических действий, не являющихся сделками // Юрист. – 2014. – № 22. – С. 24.

⁴ Чеговадзе Л. А., Касаткин С. Н. Недействительность сделок, совершенных без согласия // Гражданское право. – 2013. – № 6. – С. 2–6.

первой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «Согласно пункту 3 статьи 157.1 ГК РФ согласие на совершение сделки может быть как предварительным, так и последующим (одобрение)¹. Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что гражданско-правовой контроль может быть классифицирован по времени его реализации на предварительный и последующий.

Информационный и деятельностный гражданско-правовой контроль. С учетом выявленных нами признаков гражданско-правового контроля и разнообразия форм его реализации полагаем, что контроль в частном праве может быть классифицирован по такому критерию, как содержание контроля, на информационный и деятельностный. Сущность информационного контроля проявляется в праве контролирующего лица своевременно получать необходимую для осуществления контроля информацию от подконтрольного субъекта. В качестве примера приведем норму п. 1 ст. 814 ГК РФ, в соответствии с которой займодавец должен иметь принципиальную возможность осуществлять контроль за целевым использованием заемных средств. Это означает, что если у займодавца есть хоть какой-то законный доступ к указанной информации, то возможность контроля ему обеспечена.

Анализ судебно-арбитражной практики свидетельствует о том, что заемщики достаточно часто отказываются предоставлять соответствующую информацию, мотивируя это тем, что условие о формах и способах подобного контроля не предусмотрено договором целевого займа. Данная ситуация имеет юридические последствия: возникают споры о наличии оснований для досрочного возврата суммы займа и уплаты процентов, о том, обязан ли заемщик удовлетворять подобные «информационные» требования займодавца, а также о том, какие именно действия или бездействия заемщика следует квалифицировать, как «препятствующие» контролю за использованием суммы займа.

Деятельностный контроль выражается в форме конкретных действий (или бездействий), направленных на реализацию законных прав и интересов субъектов гражданского правоотношения. К примеру, в соответствии с п. 2 ст. 1037 ГК РФ, правообладатель обязан контролировать качество товаров (работ, услуг), произво-

¹ О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2015 – № 8.

димых (выполняемых, оказываемых) пользователем на основании договора коммерческой концессии. Думается, что в данном случае одного лишь информационного контроля со стороны правообладателя недостаточно, поскольку сложность правоотношений, возникающих из договора коммерческой концессии, требует совершения конкретных контрольных мероприятий, направленных на установление качества производимых пользователем товаров, работ или услуг. Потребность в деятельностном гражданско-правовом контроле при реализации договора коммерческой концессии обусловлена, как отмечается в научной литературе, «стремлением участников договора коммерческой концессии к осуществлению предусмотренной договором предпринимательской деятельности по единым стандартам, то есть к нивелированию различий между ними при осуществлении соответствующей предпринимательской деятельности»¹.

Итак, для построения теории гражданско-правового контроля, систематизации знаний о данном правовом явлении, уяснения и понимания его правовой сущности, формирования теоретико-правового категориального аппарата в этой области, а также повышения эффективности правоприменительной деятельности в исследуемой сфере гражданско-правовой контроль может быть классифицирован по следующим основаниям: *по основанию возникновения* – договорный (который в свою очередь может быть классифицирован на общий и специальный) и внедоговорный (корпоративный контроль, дача согласия (одобрение) сделок и иных юридически значимых действий, авторский контроль и др.); *по отношению к основному правоотношению* – внутренний и внешний; *по времени реализации* – предварительный и последующий; *по содержанию* – информационный и деятельностный.

Библиографический список

1. Агамагомедова С. А. Виды таможенного контроля: понятие и критерии классификации // Таможенное дело. – 2016. – № 3. – С. 3–7.

¹Райников А. С. Договор коммерческой концессии. – М.: Статут, 2009. – С. 14.

2. *Балаян Г. К.* Некоторые аспекты конституционных основ и видов государственного контроля // Конституционное и муниципальное право. – 2015. – № 3. – С. 13–17.

3. *Бахрах Д. Н.* Административное право России: учебник. – М.: Норма, 2000. – 816 с.

4. *Белов В. А.* Имущественные комплексы: Очерк теории и опыт догматической конструкции по российскому гражданскому праву. – М.: Центр ЮрИнфоР, 2004. – 240 с.

5. *Беляев В. П.* Общественный контроль в современной России // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 6. – С. 2–6.

6. *Брайг Б., Мутай И. М.* Respublica и resmercatoria в формах ФИДИК и ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 1. – С. 111–144.

7. *Гутников О. В.* К вопросу о правовой природе субъективного корпоративного права // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 54–65.

8. *Джагарян А. А.* Конституционно-правовые основы государственного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 33 с.

9. *Ерахтина О. С., Широкова А. Д.* Корпоративный контроль и особенности его защиты в обществах с ограниченной ответственностью // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 11. – С. 80–87.

10. *Захаров А. Н.* Проблемы применения «иных» оснований корпоративного контроля // Закон. – 2015. – № 4. – С. 133–142.

11. *Зырянов С. М.* Правовая природа и виды муниципального контроля // Журнал российского права. – 2009. – № 11. – С. 26–35.

12. *Ильин А. Ю.* Юридическое содержание видов, форм и методов налогового контроля // Финансовое право. – 2014. – № 1. – С. 28–34.

13. *Ильин А. Ю., Царева О. Е., Андреев С. А.* Виды, формы и методы государственного финансового контроля в бюджетной сфере // Финансовое право. – 2016. – № 5. – С. 24–31.

14. *Касаткин С. Н.* Об одобрении юридических действий, не являющихся сделками // Юрист. – 2014. – № 22. – С. 24 – 26.

15. *Клочихин Д. А.* Регулирование рынка корпоративного контроля: возможные пути развития // Закон. – 2012. – № 6. – С. 133–142.

16. *Копина А. А.* Дифференциация видов налогового контроля в зависимости от категорий налогоплательщиков // *Финансовое право*. – 2014. – № 10. – С. 7–13.
17. *Костин А. А.* Классификация видов таможенного контроля // *Таможенное дело*. – 2010. – № 1. – С. 32–36.
18. *Красавчиков О. А.* Юридические факты в советском гражданском праве. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1958. – 182 с.
19. *Кудилинский М. Н.* Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «контроль» и «надзор» // *Актуальные проблемы российского права*. – 2015. – № 8. – С. 47–53.
20. *Кулаков В. В.* Сложные обязательства в гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – 42 с.
21. *Лагутин И. Б.* Виды, формы и методы финансового контроля: общие вопросы теории и практика правового регулирования на региональном уровне // *Российская юстиция*. – 2012. – № 6. – С. 10–14.
22. *Лапина М. А., Ловинюков А. С.* Понятие и виды финансового контроля // *Юридический мир*. – 2012. – № 4. – С. 28–31.
23. *Маркина М. В.* Согласие супруга на распоряжение и приобретение недвижимости // *Нотариус*. – 2016. – № 2. – С. 36–37.
24. *Масловская М. В.* Контроль и его виды в Российской Федерации // *Конституционное и муниципальное право*. – 2016. – № 4. – С. 3–9.
25. *Осипенко О. В.* Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. – М.: Статут, 2013. В 2 кн. Кн. 1: Установление корпоративного контроля. – 517 с.
26. *Осипенко О. В.* Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. – М.: Статут, 2014. В 2 кн. Кн. 2: Обеспечение корпоративного контроля. – 686 с.
27. *Полещук А. С.* Конституционно-правовые основы общественного контроля в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2012. – 26 с.
28. *Райников А. С.* Договор коммерческой концессии. – М.: Статут, 2009. – 199 с.

29. *Сергеев Е. В.* Таможенный контроль: проблемы правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2005. – 187 с.

30. *Ситдикова Л. Б.* Проблемы исполнения обязательств на этапе незавершенного строительства // Правовые вопросы строительства. – 2015. – № 1. – С. 26–31.

31. *Макштарева С. А.* Отражение понятия «правовой контроль» в юридической науке // История государства и права. – 2008. – № 3. – С. 2–3.

32. *Стародубова О. Е.* Общественный контроль: правовая поддержка // Журнал российского права. – 2013. – № 2. – С. 130–136.

33. *Степанов Д. И.* Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. – 2009. – № 3. – С. 142–206.

34. *Субботин А. Л., Абушенко В. Л., Бочаров В. А.* Классификация. Гуманитарная энциклопедия. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/687> (дата обращения: 17.01.2018).

35. *Сырых В. М.* Логические основания общей теории права. – М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. В 2 т. Т. 2: Логика правового исследования (как написать диссертацию). – 560 с.

36. *Хечиев А.* Корпоративный контроль: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А. Е. Молотникова. – М.: Стартап, 2015. Вып. IV. – С. 138–149.

37. *Чеговадзе Л. А., Касаткин С. Н.* Недействительность сделок, совершенных без согласия // Гражданское право. – 2013. – № 6. – С. 2–6.

38. *Шерстобоев О. Н.* Общественный контроль в системе государственного управления // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 4. – С. 28–31.

39. *Шумейко И.Ю.* Проблемы исполнения обязательств в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2009. – 27 с.

Т. С. Гудовских

аспирант кафедры

гражданского права и процесса юридического факультета

Ульяновского государственного университета

icekress@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО РАМОЧНОМУ ДОГОВОРУ

SOME ISSUES OF FULFILLMENT OF OBLIGATIONS UNDER THE FRAMEWORK AGREEMENT

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся правовой природы рамочных организационных договоров. В частности, исследованы проблемы соотношения обязательств, вытекающих из таких договоров, и разовых договорных обязательств, соотношения рамочных договоров и договоров с открытыми условиями. Отмечены различия в этих специальных договорных конструкциях. Проанализирована судебная практика в отношении предмета и иных условий рамочных договоров. Обоснован вывод о том, что конструкция рамочных договоров продемонстрировала свою жизнеспособность на практике. Он выполняет восполняющую функцию при отсутствии отдельных условий в рамках уже заключенных договоров с целью исполнения основных договоров. Одной из позитивных черт отечественного правотворческого процесса является его способность к адаптации западных законодательских традиций к реалиям российской действительности и потребностям гражданского оборота.

Ключевые слова: рамочный договор; антимонопольное законодательство; предмет договора; договор с открытыми условиями; защита конкурентных прав при заключении рамочных договоров; организационный договор; услуга; цена договора; свобода договора.

In this article various issues related to the legal nature of framework of organizational contracts are studied. In particular, the problems of correlation of obligations arising from such contracts and one-time contractual obligations are analyzed. The ratio of framework contracts and contracts with open conditions are compared. Differences in these special contractual designs are noted. Judicial practice regarding the subject matter and other conditions of the framework contracts is analyzed. The conclusion that the construction of framework contracts has demonstrated its viability in practice is stated. It performs a complementary function in the absence of certain conditions within the framework of already concluded contracts in order to fulfill the main contracts. One of the positive features of the domestic law-

making process is its ability to adapt Western legislative traditions to the realities of Russian reality and the needs of civil circulation.

Keywords: framework agreement; antitrust laws; subject of the contract; contract with open terms; protection of competitive rights when concluding framework agreements; organizational contract; service; contract price; freedom of contract.

В условиях динамического развития парадигмы современных форм социально-экономического взаимодействия наблюдается тенденция к эволюции существующих институтов гражданско-правовых отношений.

Модернизация действующего гражданского законодательства, выразившаяся во введении в легальный оборот термина «рамочный договор», не явилась результатом исключительно научных изысканий российской цивилистической науки. Вместе с тем одной из позитивных черт отечественного правотворческого процесса признается его способность к грамотной адаптации западных законотворческих традиций и практик к реалиям российской действительности и потребностям сложившихся в ее условиях гражданско-правовых отношений.

Отечественный законодатель, формируя определение рамочного договора в ст. 429.1 ГК РФ, использует максимально абстрактные конструкции, не ограничивая его рамками отдельных существенных условий (например, цена и предмет), как это сделано в приведенных зарубежных источниках¹. Такой подход во многом обусловлен способностью российской правоприменительной практики самостоятельно восполнить «недостающие» элементы исследуемой договорной конструкции, что свидетельствует о ее направленности на максимально широкий круг общественных отношений.

Проведенный анализ показал, что среди представителей гражданско-правовой доктрины до настоящего времени не сформулировано единых подходов к пониманию данного вида

¹ См.: *Ayrest I., Gertner R.* Filling Gaps in Incomplete Contracts: An Economic Theory of Default Rules. 1989. Faculty Scholarship Series. Paper 1545. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/ (дата обращения: 25.03.2018); *Gregory Klass.* Intent to Contract. – 2008. – January 23. – P. 9–10. URL: www.law.yale.edu (дата обращения: 25.03.2018); *Mc Kendrick E.* Contract Law. Text, Cases and Materials. 2 nd ed. – NY: Oxford University Press, 2005. – P. 139; *Brown I., Chandler A.* Law of Contract. 8th ed. – N.Y.: Oxford University Press, 2011. – P. 29, 30.

договорных отношений, а существующий плюрализм мнений свидетельствует о возникновении зачастую диаметрально противоположных взглядов. Оригинально в этом ключе определение рамочного договора, выработанное немецкими учеными-цивилистами. Так, К. П. Татаркина приводит точку зрения К. Хоффбауера, в соответствии с которой рамочный договор не определяет прав и обязанностей, устанавливающих обмен конкретными исполнениями, поскольку направлен на заключение отдельных договоров в дальнейшем «под своей крышей»¹.

Интерес представляет в связи с этим суждение, отраженное в Постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13.04.2016 № Ф07-1829/2016 по делу № А56-81831/2014², в соответствии с которым положения статьи 429.1 ГК РФ устанавливают необходимость урегулирования рамочным договором только общих условий обязательственных взаимоотношений сторон, при этом не требуя ни их конкретизации, ни последующего обязательного заключения отдельных договоров. Не установлена данной нормой и обязанность указания в последующих документах (в том числе и товарных накладных, и счетах-фактурах) на их заключение во исполнение рамочного договора.

Д. О. Шнигер указывает, что стороны договора с открытыми условиями (рамочного договора) в дальнейшем могут согласовывать только общие условия обязательственных отношений, предусмотренных рамочным договором. Это означает, что если стороны при заключении рамочного договора не согласовали какое-либо существенное условие (в частности, срок выполнения работ), возможность предусмотреть его впоследствии (например, путем подписания соглашения к рамочному договору подряда) ГК РФ не предполагается; следовательно, основное обязательство возникнуть не сможет³.

Уместно, на наш взгляд, в контексте рассматриваемой темы статьи обратиться к позиции Президиума Высшего Арбитражного

¹ Татаркина К. П. Соотношение понятий «рамочный договор» и «массовый договор» // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – № 1 (19). – С. 103–104.

² Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 13 апр. 2016 г. № Ф07-1829/2016 по делу № А56-81831/2014. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Шнигер Д. О. Рамочный договор как основание возникновения обязательства, или Критика концепции статьи 429.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 71.

Суда РФ, отраженной в информационном письме от 25.02.2014 № 165 «Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными». По мнению суда, условия организационного (рамочного) соглашения являются частью заключенного договора, если иное не указано сторонами и такой договор в целом соответствует их намерению, выраженному в организационном соглашении, что разъясняется на приведенном ниже примере.

Обществом с ограниченной ответственностью (поставщиком) и производственным кооперативом (покупателем) был заключен договор о поставках сроком на один год, условия которого уточнялись отдельными соглашениями. Суд апелляционной инстанции указал, что договор поставки заключался сторонами лишь при подписании отдельного соглашения, на которое распространяются условия, содержащиеся в рамочном договоре. Поэтому неустойка, предусмотренная рамочным договором поставки, распространяется на случаи неисполнения покупателем обязательств по оплате товара, возникшего из разовых договоров поставки¹.

Наряду с этим в Постановлении Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда РФ от 27.10.2016 № 15АП-8420/2016 по делу № А53-4443/2016 высказано суждение о том, что рамочный договор не является непосредственным основанием возникновения обязательств поставки. Данные обязательства возникают в силу согласования сторонами существенных условий договора поставки (наименование и количество товара) с применением к таким отношениям условий рамочного договора².

Условие о предмете основного договора представляется логичным и обоснованным. Так, в ходе рассмотрения Девятым арбитражным апелляционным судом дела № А40-245427/15 установлено, что между ООО «ТД «Гослото» (далее – заказчик, ответчик) и ООО «РИА АССИСТЕНТ» (далее – исполнитель) заключен договор № 86 об оказании рекламных услуг от 01.03.2012, согласно условиям которого исполнитель принял обязательства по оказа-

¹ См.: Обзор судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25 февр. 2014 г. № 165. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² См.: Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда РФ от 27 окт. 2016 г. № 15АП-8420/2016 по делу № А53-4443/2016. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

нию услуг по разработке, производству и размещению наружной рекламы различных форматов, а также иных услуг.

В пункте 1.2 договора стороны согласовали, что конкретные услуги, сроки, вознаграждение, а также прочие условия их оказания фиксируются сторонами в соответствующих дополнительных соглашениях, оформляемых в соответствии с пунктом 8.5 данного договора. Все дополнительные соглашения к договору являются его неотъемлемой частью. С учетом названного пункта 8.5 в договоре могут быть внесены изменения и дополнения только по взаимному соглашению сторон, которые считаются действительными только в том случае, если они составлены в письменном виде и оформлены в качестве дополнительных соглашений и приложений к договору.

По мнению суда, между ООО «РИЛ Ассистент» и ООО «Торговый Дом «Гослото» был подписан рамочный договор (договор с открытыми условиями), определяющий общие условия обязательственных взаимоотношений сторон, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачу заявок одной из сторон или иным образом на основании либо во исполнение рамочного договора. Таким образом, предметом исследуемого договора стало оказание рекламных услуг в его широком (относительно «абстрактном») понимании. Персонификация же конкретных рекламных изделий, подлежащих изготовлению, нуждалась в дополнительном уточнении с учетом конкретных свойств, размеров, содержания и прочих характеристик.

Согласно позиции Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, изложенной в постановлении Пленума от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах»¹, следует, что все условия, о которых стороны пришли к соглашению, в том числе путем составления одного подписанного уполномоченными представителями документа, являясь существенными, подлежат исполнению каждой из сторон².

Не менее актуальным остается вопрос о соблюдении конкурентных прав участников рынка. Так, в Управление Федеральной

¹ См.: О свободе договора и ее пределах: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2014. – № 5.

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 18 июля 2017 г. № Ф05-9681/2017 по делу № А40-82190/16-126-714. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

антимонопольной службы по Ленинградской области (далее – Ленинградское УФАС России) 01.04.2016 поступила жалоба ООО «Спецэлектропоставка» на действия ПАО «МРСК Северо-Запада» при проведении закрытого запроса цен в электронной форме на право заключения договора на поставку силовых трансформаторов напряжением 6-20 кВ для нужд филиала «Псковэнерго».

По мнению заявителя, заказчик допустил нарушение положений Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Так, в соответствии с документацией о запросе цен в числе требований к участникам установлено, что участник должен являться одним из победителей открытых Конкурентных переговоров без предварительного квалификационного отбора на право заключения рамочных соглашений поставки основного электротехнического оборудования.

Примечательно, что согласно п. 1.5.10 Приложения № 1 «Глоссарий» к Положению о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «МРСК Северо-Запада» рамочным указан договор, заключенный с поставщиками продукции, либо самим Заказчиком, либо Обществом, в котором определяется какая-то часть условий поставок, устанавливаются принципы сотрудничества, но могут быть не определены отдельные существенные условия (конкретные объемы закупок, цены, сроки и т. д.).

Решением комиссии Управления ФАС по Ленинградской области от 15.04.2016 № Р/05/16 нарушений закона не установлено¹. В частности, указано, что частью 2 статьи 3 Федерального закона от 18 июля 2011 года № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» установлено, что выигравшим торги на конкурсе признается лицо, которое предложило лучшие условия исполнения договора в соответствии с критериями и порядком оценки и сопоставления заявок, установленными в конкурсной документации на основании положения о закупке. Частью 3 указанной нормы определено, что в по-

¹ См.: Решение Комиссии Управления Федеральной антимонопольной службы по Ленинградской области от 15 апр. 2016 г. по делу № Р/05/16. URL: <http://solutions.fas.gov.ru/to/leningradskoe-ufas-rossii/r-05-16-ot-15-04-2016> (дата обращения: 25.03.2018)

ложении о закупке могут быть предусмотрены иные (помимо конкурса или аукциона) способы закупки. При этом заказчик обязан установить в положении о закупке порядок закупки указанными способами.

С учетом формируемой правоприменительной практики использования конструкции рамочных договоров актуализируется вопрос об их целесообразности. С одной стороны, без организуемых обязательств организационные договоры теряют всякий смысл, поскольку они необходимы именно для организации будущих правоотношений¹. С другой – согласно ст. 429.1 ГК РФ к отношениям сторон, не урегулированным отдельными договорами, в том числе в случае незаключения сторонами отдельных договоров, подлежат применению общие условия, содержащиеся в рамочном договоре, если иное не указано в отдельных договорах или не вытекает из существа обязательства.

С учетом проведенного нами анализа можно сделать вывод о том, что конструкция рамочных договоров продемонстрировала свою жизнеспособность в рамках правоприменительной практики, поскольку выполняет восполняющую функцию при отсутствии отдельных условий в рамках заключенных с целью их исполнения основных договоров.

Библиографический список

1. Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров. – М.: Норма, 2011. – 352 с.
2. Татаркина К. П. Соотношение понятий «рамочный договор» и «массовый договор» // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2016. – № 1 (19). – С. 103–104.
3. Шнигер Д. О. Рамочный договор как основание возникновения обязательства, или Критика концепции статьи 429.1 Гражданского кодекса Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 69–78.
4. Ayrest I, Gertnertt R. Filling Gaps in Incomplete Contracts: An Economic Theory of Default Rules. 1989. Faculty Scholarship Series. Paper 1545. URL: http://digitalcommons.law.yale.edu/fss_papers/1545/ (дата обращения: 25.03.2018).

¹ См.: Морозов С. Ю. Система транспортных организационных договоров. – М.: Норма, 2011. – С. 46.

5. *Brown I., Chandler A.* Law of Contract. 8th ed. – N.Y.: Oxford University Press, 2011. – 424 p.

6. *Gregory Klass.* Intent to Contract. – 2008. – January 23. – P. 9–10. URL: www.law.yale.edu (дата обращения: 25.03.2018).

7. *Mc Kendrick E.* Contract Law. Text, Cases and Materials. 2nd ed. – NY: Oxford University Press, 2005. – 1104 p.

Н. А. Назарова

соискатель кафедры

теории государства и права им. Г. В. Мальцева
юридического факультета им. М. М. Сперанского

Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации
natalien@list.ru

КОНЦЕПЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО ДОГОВОРА В СИСТЕМАХ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА XXI ВЕКА

THE CONCEPT OF SOCIAL CONTRACT IN THE SYSTEMS OF STATE AND LAW OF THE 21ST CENTURY

Статья посвящена актуальной в XXI веке теории общественного договора, роль которой возрастает, поскольку она выступает основой реализации демократических принципов, трансформаций систем государства и права, геополитических альянсов и внутренней политики. Автором показана система характерных взаимосвязей элементов концепции общественного договора в теоретическом ключе и сформулированы возможные формы их применения на практике в современных системах государства и права. В статье рассмотрены четыре общих базовых признака ключевых договорных концепций (насилие/подчинение, защита, равенство и легитимность), представленных с учетом трех позиций: индивидуально, попарно и в едином комплексе. Взаимосвязь между обозначенными признаками – это взаимосвязь между управляемой и управляющей системами, как частями и этапами общественного договора.

Ключевые слова: общественный договор; теория общественного договора; эволюция контрактуализма; методология; роль договора; теория государства; теория права; современное государство; правовая система; легитимность; теория контрактивизма.

The relevance of the social contract theory increased in the 21st century as a basis for the implementation of democratic principles, the transformation of state and legal systems, geopolitical alliances and domestic politics. The author of this article sets on the task of defining a system of basic interrelations between the elements of the social contract concept in a theoretical manner and to formulate possible forms of their application in modern systems of state and law in a practical field. The author of the article identifies four common features of key contractual concepts: violence/ submission, protection, equality and legitimacy. In this article, they are considered threefold: individually, in pairs and in a single complex, since the relationship between the indicated features is the relationship between the man-

aged system and the management system, as parts of the concept and stages of the social contract.

Keywords: social contract; theory of social contract contractualism evolution; methodology; the contract roles; theory of state; theory of law; contemporary government; legal system; legitimacy; theory of counter-activity.

Теории общественного договора принадлежит значительное место в науке и истории правовой мысли. Для наиболее эффективного сравнительного анализа различных теорий и методологий исследования роли общественного договора, а также в целях научного или прикладного применения в современных реалиях представляется важным определить главные признаки теории контрактивизма.

В работах классиков концепции контрактивизма можно выделить основные обобщенные черты ключевых договорных теорий: насилие, подчинение, защита, равенство, легитимность. В настоящей статье мы рассмотрим их с трех основных позиций: по отдельности, чтобы изучить суть важнейших свойств или систем свойств общественного договора, которые в дальнейшем станут искомыми данными при анализе действующих правовых систем; по парам, так как насилие/защита и равенство/легитимность выступают соразмерными субъектными парами, где первый субъект пары – общество, а второй субъект – государство; в комплексе, так как взаимосвязь между двумя обозначенными парами – это взаимосвязь между системой управляемой и системой управляющей, между исходным договором и текущим договором.

Рассмотрим первый признак – насилие или подчинение. Данный признак четко и понятно сформулирован у основоположников концепции контрактивизма Гоббса¹, Локка², а также последователей договорной традиции XX века. Общество передает право на насилие государству, общество берет на себя обязательство подчиняться решениям государства. Этот признак называют «монополия государства на насилие» или «монополия на применение силы».

¹ Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 15.08.2018).

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1988. — С. 281.

При детальном анализе мы увидим две картины: «до» и «после». Состояние «до» – это естественное состояние до общественного договора. «Война всех против всех» Томаса Гоббса или «ситуация изначального торга» Дэвида Готье¹. Каждый человек отстаивает свои интересы. Состояние «после» – это гражданское состояние после заключения общественного договора. Монополия на насилие делегировано внешнему органу, третьей силе – государству. Таким образом, представляется возможным сведение насилия к самым минимальным проявлениям.

Мыслители договорной концепции представляют разные виды данного признака. Монополия на насилие (Гоббс), подчинение (Локк), разоружение (Бьюкенен²), контроль (Кант³), регулирование (Хабермас⁴). Тем не менее первый признак-знаменатель всегда остается на своем месте.

Рассмотрим второй признак – защита. Суть государства в защите общества, обязанность обеспечить безопасность общества и граждан государства. Право на жизнь, безопасность жизни, семьи, здоровья (Гоббс, Локк) и право на собственность, безопасность собственности: имущества, жилища, земли, денег (Харсаны, Ролз, Бьюкенен, Таллок). Существует два вида государственной безопасности: внутренняя (защита членов общества друг от друга, посредством таких государственных органов, как полиция (Нозик⁵) и суд (Локк), и внешняя (защита членов общества от иностранных врагов и интервенции, регулярная армия). Синергия потенциалов защиты членов общества (явно выраженных поодиночке во времена естественного состояния) создает суммарный потенциал защиты государства и граждан, который и количественно, и качественно превосходит по эффективности позицию «каждый сам за себя».

¹ *Gauthier D. Morals by Agreement. Clarendon Press, Oxford University Press, 1986. – P. 16.*

² *Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: логические основания конституционной демократии // Фонд экономической инициативы. – М.: Таурус Альфа, 1997. – С. 457.*

³ *Кант И. Метафизика нравов. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000502/st001.shtml> (дата обращения: 25.07. 2018).*

⁴ *Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. URL: <http://bookre.org/reader?file=588600&pg=3> (дата обращения: 30.07.2018).*

⁵ *Нозик Р. Анархия, государство и утопия / под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008. – С. 11.*

Выделим третий признак – равенство. Представляется целесообразным выделить следующие виды равенства: перед законом; равенство прав (Руссо¹); равенство свобод; равенство в одинаковом неравенстве доступа к преимуществам, положениям, должностям (Ролз²); равенство в моральных оценках; равенство друг перед другом; наконец, равенство перед государством. Анализируя признак равенства, можно обнаружить следующую логическую цепочку. Глобально рассуждая, общество – это совокупность членов общества и взаимосвязей между ними. Членов общества много, и они все должны быть на одном и том же расстоянии от государства как третейского судьи. В таком контексте идея «государство» – это критерий, мерило, точка отсчета равенства. При этом признак равенства может иметь разный характер – правовой, социальный, моральный, гражданский. Важна мысль о том, что равенство – это параметр системы общества, значение которого управляется государством.

Четвертым признаком выступает легитимность. Общая идея признака легитимности состоит в том, что общество обеспечивает уровень законности государства. Главная идея в том, что народ – это источник суверенитета (Локк, Руссо). Значима и идея о том, что законодательная монополия государства возможна лишь в случае, когда все до единого члены общества делегируют ему свое право. Интересна идея об абсолютном большинстве, как развитии предыдущей идеи для более частных случаев (Таллок, Бьюкенен), о гарантии публичных законов (Кант), о гражданском обществе (Кант, Хабермас).

Признак легитимности работает по-разному. Сначала, при заключении договора, он обеспечивает легитимность государства. Периодически, на выборах и голосовании, он подтверждает легитимность государства. И наконец, постоянно, когда функционирует в гражданском обществе, он поддерживает легитимность государства. Важно также положение о том, что легитимность – это параметр системы государства, значение которого управляется обществом.

Обратимся к этапам общественного развития, которые разграничивает между собой факт общественного договора. Первый

¹ Руссо Ж. Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права. – М.: Соцэкгиз, 1938. – С. 12.

² Ролз Дж. Справедливость как честность. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/52/03.pdf> (дата обращения: 27.08.2018).

этап «Заключение договора» по паре насилие/ подчинение – защита. В данном контексте суть общественного договора – это обмен. Подчинение общества *в обмен на* защиту государства. Монополия на насилие – для государства, безопасность жизни и собственности – для общества. По нашему мнению, это и есть самый главный, самый древний общественный договор. В данном случае суть принципа в следующем: то, что в индивидуальном порядке является насилием, в коллективном порядке превращается в защиту, свойство силы.

Это первый этап, начало, установление равновесия как в обществе, так и между обществом и государством, статичное стартовое состояние общественного договора. Договор заключен и только начинает действовать, государство только формирует системы и инструменты как подчинения, так и защиты общества. Следует отметить, что первая пара признаков «насилие – защита» соответствует первому закону диалектики Гегеля, закону единства и борьбы противоположностей.

Второй этап «Исполнение договора» по паре признаков равенство – легитимность. В данном дискурсе автор вновь опирается на центральную идею общественного договора – обмен. В конкретном случае наблюдается равенство в обществе *в обмен на* легитимность государства. Итак, мы видим прямо пропорциональную зависимость. Чем больше равенство в обществе, тем довольнее большинство членов общества, тем стабильнее и легитимнее государство – и наоборот. Можно выделить три уровня данного этапа: трансформация, пересмотр и расторжение договора. Первый – трансформация договора. Законодательная деятельность, гражданские инициативы. Это высоколегитимный путь в обществе равенства прав, свобод, возможностей и ограничений. Второй – пересмотр договора. Референдум, отставка правительства, импичмент президента. Чем меньше равенства в обществе и больше ущемления, тем чаще люди отказываются от нарушаемого властью договора, и легитимность падает. Третий – расторжение договора. Революция, переворот, бунт, гражданская война и другие радикальные формы смены государственной власти.

Второй этап, процесс, вечный баланс равновесия как параметра общества «равенство», так и параметра государства «легитимность». Можно предположить, что это вечное динамичное состояние договора, который постоянно дополняется, видоизменяется, трансформируется. Важно отметить, что вторая пара признаков «равенство – легитимность» зиждется на втором законе Ге-

геля, законе перехода количества (равенства) в качество (легитимности).

И, наконец, рассмотрим комплекс признаков. Первая пара признаков «насилие/подчинение – защита» представляет собой управляемую систему. Это первый этап, статичный этап. Обмен признаками – «исходный общественный договор». Нельзя не учитывать существенный вопрос о том, в чем заключается конкретный общественный договор в конкретном обществе, между обществом и государством. Вторая пара «равенство – легитимность» представляет собой управляющую систему. Это второй этап – договор в постоянном балансе, а также постоянной трансформации. Этот обмен признаками – «текущий общественный договор», то есть работа договора, процесс реализации договора, воплощения договора в жизнь во всем многообразии общих и частных случаев жизни общества и деятельности государства.

Таким образом, первая пара «насилие/подчинение – защита» является предметом договора, тем, что управляется договором, то есть содержанием договорных отношений общества и государства. Вторая пара «равенство – легитимность» выступает индикатором работы договора, тем, что управляет договором, то есть формой договорных отношений общества и государства. В итоге, данные пары признаков-знаменателей образуют единый договорной комплекс из содержания и формы, циклический и саморегулирующийся. Рассмотренная система характерных общих признаков взаимовлияния общества и государства в системах общественных договоров может выступить базой для теоретизации, оценки и прогнозирования развития отдельно взятых правовых и государственных систем, то есть как один из элементов методологического подхода к правотворческой деятельности и государственному строительству в XXI веке.

Библиографический список

1. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия: логические основания конституционной демократии // Фонд экономической инициативы. – М.: Таурис Альфа, 1997. – 560 с.

2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Gobbs_Leviafan.pdf (дата обращения: 15.08.2018).

3. *Кант И.* Метафизика нравов. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000502/st001.shtml> (дата обращения: 25.07.2018).
4. *Локк Дж.* Два трактата о правлении // Соч.: в 3 т. Т. 3. – М.: МЫСЛЬ, 1988. – 688 с.
5. *Нозик Р.* Анархия, государство и утопия / под ред. Ю. Кузнецова, А. Куряева. – М.: ИРИСЭН, 2008. – 424 с.
6. *Ролз Дж.* Справедливость как честность. URL: <http://www.ruthenia.ru/logos/number/52/03.pdf> (дата обращения: 27.08.2018).
7. *Руссо Ж. Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права. – М.: Соцэкгиз, 1938. – 123 с.
8. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. URL: <http://bookre.org/reader?file=588600&pg=3> (дата обращения: 30.07.2018).

Г. Ш. Халиков
аспирант 3 курса
Университета управления
«Татарский институт содействия бизнесу»
hgs1274@mail.ru

ПОНЯТИЕ ТЕРМИНА «ПРОДУКТЫ ПИТАНИЯ»

THE CONCEPT OF THE TERM "FOOD"

В статье дано определение понятию «продукты питания», которое сравнивается с понятием «продовольственный товар». Актуальность изучения темы обусловлена тем, что в последние годы в правовой науке стало все больше внимания уделяться проблемам национальной безопасности. При этом предметом рассмотрения становятся отдельные аспекты национальной безопасности: политическая безопасность, экономическая безопасность, финансовая безопасность, информационная безопасность и т. д. Один из аспектов национальной безопасности – продовольственная безопасность. Проблема безопасности продуктов питания с каждым годом все более актуальна, поскольку именно обеспечение безопасности продовольственного сырья относится к основным факторам, определяющим здоровье людей и сохранение генофонда. Питание справедливо считается одним из важнейших факторов, от которых зависит качество жизни населения. Под безопасностью продуктов питания понимают отсутствие опасности для здоровья человека при их употреблении, как с точки зрения острого воздействия (пищевые отравления и пищевые инфекции), так и с точки зрения опасности отдаленных последствий (канцерогенное, мутагенное и тератогенное действие). Перемены в жизнедеятельности человека отразились и на структуре питания, претерпевшей существенные изменения. В статье сделаны выводы, в соответствии с

которыми термин «пищевые продукты» включает в себя продукты в натуральном или переработанном виде, употребляемые человеком в пищу, в том числе: бутилированная питьевая вода; алкогольная продукция (в том числе пиво); безалкогольные напитки; жевательная резинка; продовольственное сырье; пищевые добавки; биологически активные добавки. Под безопасностью пищевых продуктов понимают возможность продуктов быть пригодными для употребления в пищу человеком с целью удовлетворения его физиологических потребностей, не причиняя при этом вреда человеку.

Ключевые слова: продовольственный товар; продукт питания; продукт; продовольственная безопасность; качество пищевых продуктов; угрозы продовольственной безопасности; пищевое отравление; пищевая инфекция; импорт продовольствия; продовольственное сырье.

In this article the term “food” is defined and compared with the term “food product”. The relevance of the study of the term “food” is based upon the fact that in recent years legal science has increasingly focused on issues of national security. In this case, certain aspects of national security, such as political security, economic security, financial security, information security among others are subject to consideration. One of the aspects of national security is food security. The urgency of the problem of food safety is increasing every year, since it is precisely the safety of food raw materials that is one of the main factors determining people’s health and the preservation of the gene pool. Nutrition is one of the most important factors determining the quality of life of the population. Food safety is understood to be the absence of a danger to human health when consumed, both in terms of acute exposure (food poisoning and food infections), and in terms of the danger of long-term effects (carcinogenic or mutagenic). Safe nutrition is one of the most important factors determining the health of the population. Changes in human life also affected the structure of nutrition, which has undergone significant changes. The range of products is expanding and at the same time their safety is changing. The physiological intake of substances that are part of modern products and far from safe for humans has changed.

The article draws conclusions, among which the term “food products” includes products in natural or processed form that are used for human consumption, including: bottled drinking water; alcoholic beverages (including beer); soft drinks; chewing gum; food raw materials; nutritional supplements; biologically active additives. Food safety is understood as the ability of products to be fit for human consumption in order to satisfy their physiological needs without harming human life and health throughout the current and subsequent generations.

Keywords: articles of food; food product; product; food security; food quality; food safety threats; food poisoning; food infection; food imports; food raw materials.

Актуальность исследования вопросов продовольственной безопасности обоснована последними событиями глобального масштаба. Если ранее вопросы продовольственной безопасности исходили из презумпции необеспеченности населения продовольствием в необходимом количестве, то сегодня они стали еще острее вследствие «санкционных войн», перекрывающих сложившиеся транснациональные и межгосударственные торговые отношения, в том числе и оборот продовольствия.

Зависимость государства от возможности обеспечить собственное население за счет импортируемого продовольствия или обеспечить стабильное экономическое состояние за счет экспорта товаров продовольственной группы, как оказалось, может быть использована в качестве рычага политического влияния. Вопросы продовольственной безопасности можно отнести к одним из древнейших видов национальной и общественной безопасности. Все войны Древнего мира были тем или иным образом связаны с продовольственной безопасностью, вызваны необходимостью расширения своих территорий для дальнейшего роста производства продовольствия. Продовольственная безопасность обеспечивает вопросы жизнеобеспечения, демографии, здоровья.

Рассмотрим понятия «продукт», «производство», не являющиеся широко распространенными в юриспруденции, которая оперирует в основном понятием «результат». Однако «продукт» (и процесс его получения – «производство») не сводим к ее результату, поскольку «может быть выражением адекватного достижения цели, ее невыполнения, невыполнения либо перевыполнения»¹.

Понятие пищевых продуктов определено в ст. 1 Федерального закона «О качестве и безопасности пищевых продуктов»². Так, в качестве пищевых продуктов рассматриваются продукты в натуральном или переработанном виде, употребляемые человеком в пищу, в том числе: бутилированная питьевая вода; алкогольная продукция (в том числе пиво); безалкогольные напитки; жевательная резинка; продовольственное сырье; пищевые добавки; биологически активные добавки.

¹ Панченко В. Ю., Пикулева И. В. Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 7. – С. 15–20.

² О качестве и безопасности пищевых продуктов: федер. закон от 02 янв. 2000 г. № 29-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2000. – № 2, ст. 150.

Понятие продовольственных товаров включает в себя продукты в натуральном или переработанном виде, находящиеся в обороте и употребляемые человеком в пищу (в том числе продукты детского питания, продукты диетического питания), бутилированную питьевую воду, алкогольную продукцию, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, безалкогольные напитки, жевательную резинку, пищевые и биологически активные добавки.

С одной стороны, главным критерием определения перечисленных товаров является их предназначение для употребления человеком в пищу. С другой – в законодательстве установлен для этих целей самостоятельный термин – пищевой продукт, и его юридическое значение состоит в особых требованиях к качеству и безопасности при заключении и исполнении договора розничной купли-продажи такого товара, а также повышенной ответственности за реализацию некачественных либо небезопасных пищевых продуктов. Если обратиться к положениям Федерального закона от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», то можно обнаружить, что понятие пищевых продуктов совпадает с понятием продовольственных продуктов практически полностью, то есть включает в себя все, что включает понятие продовольственных товаров, кроме продовольственного сырья. Сам по себе термин «продовольственное сырье» не имеет юридического значения, так как в иных нормативных актах и судебной практике он не упоминается.

Из анализа понятий следует, что в целом пищевые продукты и продовольственные товары – почти совпадающие категории. Предметом поставки в торговые сети могут быть такие продовольственные товары (пищевые продукты), как хлеб и хлебобулочные изделия, рыба, сахар, бакалея и иные товары. На первый взгляд, неясно, почему потребовалось вводить в законодательство отдельный термин, помимо существующих «пищевых продуктов».

Если обратиться к терминологии Закона Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей»¹, то в нем не упоминаются ни пищевые продукты, ни продовольственные товары, а особые правила установлены в отношении продуктов питания (правила о сроке годности, об особом составе информации о товаре и др.). Так, статья 6 Закона о защите

¹ О защите прав потребителей: закон от 07 февр. 1992 г. № 2300-1 (ред. от 04.06.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 3, ст. 140.

прав потребителей не делит товары дихотомически по принципу съедобности, а подразделяет их на товары длительного пользования, в отношении которых изготовителем устанавливается срок службы, с одной стороны, и продукты питания, парфюмерно-косметические товары, медикаменты, бытовую химию (перечень открыт), в отношении которых устанавливается срок годности, – с другой.

Рассматривая вопросы продовольственной безопасности современного российского государства, важно отметить, что, признавая актуальность государственного регулирования этого аспекта национальной безопасности, государство на всех уровнях власти ведет активную законодательную и нормотворческую деятельность по решению проблем продовольственной безопасности. В первую очередь, следует назвать Стратегию национальной безопасности РФ¹, согласно которой одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности в среднесрочной перспективе определяется продовольственная. Концептуальные положения Стратегии были развиты в Доктрине продовольственной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ № 120 от 30.10.2010². В качестве примера региональных актов в области продовольственной безопасности можно указать Закон г. Москвы от 12.07.2006 № 39 «О продовольственной безопасности города Москвы»³.

Отдельные аспекты продовольственной безопасности регулируются целым блоком законодательных актов, таких, как Земельный кодекс Российской Федерации⁴, Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения»⁵, Федеральный

¹ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2016. – № 1 (часть II), ст. 212.

² Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 30 янв. 2010 г. № 120 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2010. – № 5, ст. 502.

³ О продовольственной безопасности города Москвы: закон г. Москвы от 12 июля 2006 г. № 39 (ред. от 16.07.2014) // Ведомости Московской городской Думы. – 2006. – № 8, ст. 213.

⁴ Земельный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 окт. 2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 30.12.2015, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 44, ст. 4147.

⁵ Об обороте земель сельскохозяйственного назначения: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 101-ФЗ (ред. от 13.07.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 30, ст. 3018.

закон «О качестве и безопасности пищевых продуктов» и множество других. Во многих научных работах понятие «система безопасности» обозначается как функциональная система, отражающая процессы взаимодействия интересов и угроз¹. При этом выделяют систему обеспечения безопасности – организационную систему сил, средств государства, различных организаций, граждан, призванную решать задачи по обеспечению безопасности².

Продовольственная Доктрина определила, что интересы продовольственной безопасности России, независимо от изменения внешних и внутренних условий, заключаются в:

- наличия достаточного объема продовольственных ресурсов;
- экономической и физической доступности продовольствия для всех групп и категорий населения;
- обеспечении безопасности поставляемого на рынок продовольствия³.

К основным угрозам продовольственной безопасности современные исследователи относят⁴:

- превышение пороговой величины насыщения внутреннего рынка импортной продукцией;
- низкий уровень платежеспособного спроса населения на продукты питания;
- ценовые диспропорции на аграрно-продовольственном рынке;
- низкий уровень инфраструктуры рынка;
- дефицит квалифицированных кадров;
- неразвитость системы мониторинга и прогнозирования агропромышленного рынка.

Представляется, что в список потенциальных угроз следует внести и пункт о недостаточной безопасности пищевых продук-

¹ Райгородский В. А. Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2014. – С. 29–30.

² Кардашова И. Б. Современная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. – 2013. – № 9. – С. 30–32.

³ Белхаров Х. У. Система законодательства в области обеспечения продовольственной безопасности современной России // Российская юстиция. – 2014. – № 1. – С. 36–38.

⁴ Дадалко В. А. Национальная и экономическая безопасность государства и ее взаимосвязь с продовольственной безопасностью // Безопасность бизнеса. – 2013. – № 4. – С. 9–14.

тов. Данный тезис можно обосновать тем, что даже достаточное или избыточное количество продовольствия не может гарантировать продовольственную безопасность. Итак, второй, не менее важной составляющей продовольственной безопасности наравне с количеством продовольствия выступает и его качество, а точнее, безопасность пищевых продуктов. Стоит также отметить, что английский термин *food security*, впервые введенный в широкое употребление на состоявшейся в 1974 г. в Риме Всемирной конференции по проблемам продовольствия, которую организовала Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО), переводится двояко: как «продовольственная безопасность» и как «продовольственная обеспеченность». Учитывая данный факт, общее понятие «продовольственная безопасность» рассматривать и как «обеспеченность», то есть количественный аспект продовольственной безопасности, и как непосредственно «безопасность», то есть как качественный аспект проблемы продовольственной безопасности.

По данным Всемирной организации здравоохранения¹, основными проблемами в области глобальной безопасности пищевых продуктов являются следующие: распространение микробиологических опасностей (включая такие бактерии, как *Salmonella* или *Escherichia coli*, *e. coli*); химические загрязнители пищевых продуктов; оценки новых пищевых технологий (таких, как генетически модифицированные продукты); прочные системы безопасности пищевых продуктов во многих странах для обеспечения безопасной глобальной пищевой цепи. Не в последнюю очередь с безопасностью пищевых продуктов связана вспыхнувшая недавно в Западной Африке эпидемия Эболы².

Длительное время понятие «качество продукции» воспринималось как отсутствие каких-либо дефектов и безопасность продукции обеспечивалась его качеством. Но сегодня этот подход претерпел существенные изменения: понятия «безопасность» и «качество» существуют отдельно друг от друга и являются само-

¹ Официальный сайт Всемирной организации здравоохранения. URL: http://www.who.int/features/factfiles/food_safety/ru/ (дата обращения: 18.01.2018).

² Хотимченко С. А. Качество и безопасность пищевых продуктов: современная законодательная и нормативно-методическая база. URL: <http://www.myaso-portal.ru/stati/itervju/kachestvo-i-bezopasnost-pishchevykh-prouktov-sovremennaya-zakotodatelnaya-i-normativno-metodicheskaya/> (дата обращения: 18.01.2018).

стоятельными. Так, например, Закон «О безопасности пищевых продуктов» в ст. 2 «Правовое регулирование отношений в области обеспечения качества и безопасности пищевых продуктов» разделяет эти понятия – «качество» и «безопасность», не отождествляя их.

Как отмечают некоторые исследователи, безопасность продукции регулируется техническими регламентами, а качество – национальными стандартами¹. К данному выводу авторы приходят на анализе положений п. 1 ст. 1, п. 1 ст. 7 Федерального закона «О техническом регулировании»². Кроме того, соответствие продукции техническим регламентам (безопасность) является обязательным, а соответствие национальным стандартам (качество) осуществляется на добровольной основе.

Легитимное определение понятия «безопасность пищевых продуктов» в Федеральном законе от 02.01.2001 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов» раскрывается как состояние обоснованной уверенности в том, что пищевые продукты при обычных условиях их использования не являются вредными и не представляют опасности для здоровья нынешнего и будущих поколений. К недостаткам данного определения следует отнести субъективизированное «состояние уверенности», которое может быть сформировано под влиянием недостоверной или неполной информации о пищевом продукте. Дефиниция «обоснованной уверенности» также является оценочной, то есть субъективной.

Пищевые продукты, в соответствии с санитарно-гигиеническими требованиями к своей безопасности, должны удовлетворять физиологические потребности человека в необходимых веществах и энергии, отвечать предъявляемым к пищевым продуктам требованиям к допустимому содержанию веществ и их соединений, микроорганизмов, представляющих опасность для здоровья нынешнего и будущих поколений³.

¹ Кузьмина М. М. Правовые проблемы технического регулирования в области безопасности и качества пищевых продуктов в законодательстве Российской Федерации // Юрист. – 2012. – № 22. – С. 44–46.

² О техническом регулировании: федер. закон от 27 дек. 2002 г. № 184-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 52 (ч. 1), ст. 5140.

³ Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 14.11.2001 № 36 (ред. от 06.07.2011) «О введении в действие Санитарных правил» (вместе с «СанПиН 2.3.2.1078-01. 2.3.2. Продовольственное сырье и пищевые продукты. Гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых

Раскрывая понятие «безопасность пищевых продуктов» с учетом этих требований, предлагаем следующее определение: безопасность пищевых продуктов – это возможность продуктов быть пригодными для употребления в пищу человеком с целью удовлетворения его физиологических потребностей, не причиняя при этом вреда жизни и здоровью человека на протяжении текущего и последующих поколений.

Следующая проблема безопасности пищевых продуктов – отсутствие законодательно закрепленных критериев безопасности. Итак, необходимо выделить критерии опасности и вредности пищевых продуктов для здоровья человека. Вредность продукта должна определяться непосредственно свойствами самого продукта, а опасность – условиями производства, хранения, транспортировки и потребления пищевых продуктов.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, одним из аспектов национальной безопасности с древнейших времен является продовольственная безопасность. Актуальность исследования вопросов продовольственной безопасности обоснована последними событиями глобального масштаба, в том числе и «санкционными войнами», участницей которых в последнее время стала и Россия. Во-вторых, продовольственная доктрина определила, что интересы продовольственной безопасности России в настоящее время заключаются в:

- наличия достаточного объема продовольственных ресурсов;
- экономической и физической доступности продовольствия для всех групп и категорий населения;
- обеспечении качества и безопасности пищевых продуктов.

В-третьих, легитимное определение понятия «безопасность пищевых продуктов», приведенное в Федеральном законе от 02.01.2001 № 29-ФЗ «О качестве и безопасности пищевых продуктов», имеет недостатки, к которым, на наш взгляд, можно отнести субъективированные дефиниции «состояние уверенности» и «обоснованная уверенность», являющиеся оценочными, то есть субъективными. Представляется, что данное определение требует уточнения. В-четвертых, предлагаем следующее определение безопасности пищевых продуктов: это возможность продуктов быть пригодными для употребления в пищу человеком с целью удовле-

продуктов. Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы», утв. Главным государственным санитарным врачом РФ 06.11.2001) // Рос. газ. – 2002. – № 106.

творения его физиологических потребностей, не причиняя при этом вреда жизни и здоровью человека на протяжении текущего и последующих поколений. В-пятых, одной из значимых проблем безопасности пищевых продуктов является отсутствие законодательно закрепленных критериев безопасности. В европейском законодательстве выделяют критерии опасности и вредности пищевых продуктов для здоровья человека. Вредность продукта должна определяться непосредственно свойствами самого продукта, а опасность – условиями производства, хранения, транспортировки и потребления пищевых продуктов. На наш взгляд, в действующем законодательстве о пищевой безопасности эти критерии должны быть закреплены.

Полагаем, что законодательное закрепление вышеуказанных критериев будет способствовать выработке уголовно-правовых мер противодействия преступлениям, совершаемым в сфере продовольственной безопасности.

Библиографический список

1. *Белхароев Х. У.* Система законодательства в области обеспечения продовольственной безопасности современной России // *Российская юстиция.* – 2014. – № 1. – С. 36–38.
2. *Дадалко В. А.* Национальная и экономическая безопасность государства и ее взаимосвязь с продовольственной безопасностью // *Безопасность бизнеса.* – 2013. – № 4. – С. 9–14.
3. *Кардашова И. Б.* Современная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // *Административное право и процесс.* – 2013. – № 9. – С. 30–32.
4. *Кузьмина М. М.* Правовые проблемы технического регулирования в области безопасности и качества пищевых продуктов в законодательстве Российской Федерации // *Юрист.* – 2012. – № 22. – С. 44–46.
5. *Панченко В. Ю., Пикулева И. В.* Реалистическое понимание правовых режимов: к постановке проблемы // *Актуальные проблемы российского права.* – 2015. – № 7. – С. 15–20.
6. *Райгородский В. Л.* Политические и правовые средства обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. – Ростов н/Д, 2014. – 224 с.
7. *Хотимченко С. А.* Качество и безопасность пищевых продуктов: современная законодательная и нормативно-методическая база. URL: <http://www.myaso-portal.ru/stati>

Itervju/kachestvo-i-bezopasnost-pishchevykh-produktov-
sovremennaya-zako nodatelnaya-i-normativno-metodicheska/ (дата
обращения 03.10.2018).

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛЕ «ВЛАСТЬ ЗАКОНА»

1. Подписанная заявка от каждого автора и текст статьи в формате Microsoft Word в электронном виде направляются в редакцию журнала по **e-mail: vzlaw@yandex.ru** для проверки на соответствие формальным критериям.

2. Текст публикации должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт **Times New Roman**, размер шрифта – **14**, межстрочный интервал – **одинарный**, абзацный отступ – **1,25 см**, поля сверху, снизу, слева, справа – **2 см**, нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

3. Объем статьи должен быть **не менее семи**, но не более **15** страниц – для аспирантов и соискателей; **20** страниц – для авторов, имеющих степень кандидата или доктора наук (при интервале 1,5).

4. Количество авторов одной статьи не должно превышать трех человек.

5. Научная статья проходит рецензирование согласно Положению о порядке рецензирования рукописей статей, представленных для публикации в научном периодическом издании «Власть Закона» (утверждено решением главного редактора журнала от 20 ноября 2015 года). Оригиналы заявки и статьи в распечатанном виде, подписанные автором, после принятия решения о публикации направляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович).

6. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- индекс УДК;
- заглавие статьи на русском и английском языках;
- фамилии и инициалы автора(-ов) на русском и английском языках;
- должность и место работы автора(-ов) на русском и английском языках;
- аннотацию на русском языке, выполненную по требованиям журнала.

Для размещения на англоязычной версии сайта журнала и в системе РИНЦ необходим качественный перевод аннотации и названия статьи на английский язык, с соблюдением грамматических и орфографических правил. Перевод с помощью компьютерных программ и сайтов не допускается. Аннотация должна быть информативной (не содержать общих слов), оригинальной, содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье), компактной (укладываться в объем от 50 до 100 слов);

– не менее 10 ключевых слов на русском и английском языках;

– библиографический список. В оригинальной научной статье необходимо упоминание не менее семи источников, имеющих автора. Федеральные и иные законы **не приводят** в библиографическом списке. Самоцитирование автора допускается в объеме не более 10 % от общего количества цитирования источников из библиографического списка. Ссылки на электронные ресурсы, в которых не указан автор материала, статистические сборники, нормативно-правовые акты приводят в постраничных (подстрочных) сносках и в библиографический список **не выносят**.

7. Все ссылки в статье на литературу и другие источники должны быть оформлены в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылки в тексте статьи – подстрочные и постраничные, вынесенные из текста вниз полосы документа (в снос-

ку), шрифт ссылок – **Times New Roman**, размер шрифта – **12, одинарный** межстрочный интервал.

8. После проверки подписанные автором(-ами) оригиналы статьи и всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус КубГАУ, кабинет 307 (получатель – профессор Камышанский Владимир Павлович). Документы в распечатанном виде (на бумажном носителе) должны полностью соответствовать электронной версии.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Уведомляем Вас о возможности
приобретения научно-практического журнала

«Власть Закона»

в интернет-магазине: www.niiapsp.ru

Стоимость продукции:

КВАРТАЛ (ОДИН ВЫПУСК) – 400 РУБ.

ПОЛУГОДИЕ (ДВА ВЫПУСКА) – 700 РУБ.

ГОД (ЧЕТЫРЕ ВЫПУСКА) – 1100 РУБ.

С уважением, редакция журнала!

